

2026

Том 17. № 3

2026. Vol. 17. No. 3

DOI: [10.19181/vis.2026.17.2](https://doi.org/10.19181/vis.2026.17.2)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Региональная
повседневность
и планирование будущего**

/ Будущее родных языков

/ Зооволонтерство в Бурятии

/ Цифровизация образования

/ Буддизм в социальной сети

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2026

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2026. Том 17. № 3

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: О. В. Аксенова

Заместитель главного редактора: П. М. Козырева

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2026

© Vestnik instituta sotziologii, 2026

Состав Редколлегии

Главный редактор

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе ФНИСЦ РАН, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Заместитель главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – кандидат социологических наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of FCTAS RAS, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Deputy Chief Editor

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Candidate of Sociological Sciences, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute RAS – Branch of FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: TEPHJH

О Выпуске 10

Аксенова О. В. Из российских регионов 10

Тема номера:

Региональная повседневность и планирование будущего..... 14

Кумыков А. М., Тумов А. А. Между публичной риторикой
и родительским прагматизмом: экспертный взгляд
на будущее родных языков Кабардино-Балкарии..... 14

Зайцева Е. В., Бритвина И. Б. Жизненные стратегии
студенческой молодежи Екатеринбурга
как отражение кризиса социального контракта 40

Чикарова Г. И., Пантелеев В. Г., Киселев Д. А.
Ценностные ориентации студенческой молодежи
Ростовской области и новых регионов 62

Винокурова А. В., Канзычакова Н. Г., Яковлев А. И.
Повседневный досуг в поселках городского типа Якутии:
локальная инфраструктура и пространственная мобильность 82

Гражданские инициативы в условиях цифровизации 98

Бурмакина А. Л. Молодежные сетевые сообщества Сибири:
дискурс-анализ мобилизационных практик
в контексте специальной военной операции 98

Бадмацыренов Т. Б., Шантаков А. М. Цифровое милосердие:
зооволонтерство в Бурятии в контексте сетевого общества..... 118

Миграционные процессы в регионах России..... 133

Габдрахманова Г. Ф. Организованный набор мигрантов:
практики работодателей и иностранных граждан
в Республике Татарстан 133

Коломиец О. П. Миграционная ситуация
в Чукотском автономном округе
в оценках студенческой молодежи 155

Проблемы российского образования.....169

Орешкина Т. А., Артюгин О. В. О социальных последствиях
цифровизации образования в России:
преподаватели вузов о внедрении искусственного интеллекта
(на материалах полевого исследования)..... 169

Социология религии195

Цэцэнбилэг Ц., Цыденов А. Б., Родионов В. А.
«Два буддизма» в социальной сети «ВКонтакте»:
религиозная конверсия и этнорелигиозная традиция 195

Contents

About the Issue.....	10
<i>Aksenova O. V.</i> From Russian regions	10
Issue theme:	
Everyday life in the regions and planning for the future.....	14
<i>Kumykov A. M., Tumov A. A.</i> Between public rhetoric and parental pragmatism: An expert perspective on the future of the native languages of Kabardino-Balkaria.....	14
<i>Zaitseva E. V., Britvina I. B.</i> Life strategies of university students in Yekaterinburg as a reflection of a crisis in the social contract.....	40
<i>Chikarova G. I., Panteleev V. G., Kiselev D. A.</i> Value orientations of student youth in Rostov Oblast and the new regions	62
<i>Vinokurova A. V., Kanzychakova N. G., Yakovlev A. I.</i> Everyday leisure in Yakutia's urban-type settlements: local infrastructure and spatial mobility	82
Civil initiatives in the context of digitalization	98
<i>Burmakina A. L.</i> Online youth communities in Siberia: a discourse analysis of mobilization practices in the context of the special military operation.....	98
<i>Badmatsyrenov T. B., Shantakov A. M.</i> Digital compassion: animal welfare volunteering in Buryatia in the context of the network society	118
Migration processes in Russia's regions	133
<i>Gabdrakhmanova G. F.</i> Organized migrant recruitment: practices of employers and foreign nationals in the Republic of Tatarstan	133
<i>Kolomiets O. P.</i> Local students' assessments of migration in Chukotka Autonomous Okrug	155

Problems of Russian education 169

Oreshkina T. A., Artyugin O. Yu. The social consequences
of digitalization in Russian education:
University faculty perspectives on AI integration
(evidence from field research)..... 169

Sociology of religion..... 195

Tsetsenbileg Ts., Tsydenov A. B., Rodionov V. A.
«Two Buddhisms» on the VKontakte social network:
religious conversion and ethno-religious tradition 195

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.1

EDN: RPRNXY

Из российских регионов

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Из российских регионов. // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 10–13. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.1; EDN: RPRNXY.

For citation: Akseanova O. V. From Russian regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 10–13. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.1; EDN: RPRNXY.

Этот выпуск имеет для нас особое значение, поскольку в полной мере отражает изначальную идею создания журнала как площадки для межрегионального диалога. Все его статьи написаны социологами из российских регионов, от Ростовской области до Чукотки.

В материалах темы номера [«Региональная повседневность и планирование будущего»](#) можно увидеть как сложные социальные процессы преломляются в повседневной жизни и как в ней же закладываются основы образа будущего. Тема будущего и конструирование его образа в последние годы приобретает все большую актуальность, в том числе, в связи со слабо предсказуемыми и трудноконтролируемыми внешними угрозами, только усиливающимися с 2014 года.

Открывает рубрику статья [А. М. Кумыкова и А. А. Тумова](#) (Нальчик) [«Между публичной риторикой и родительским прагматизмом: экспертный взгляд на будущее родных языков Кабардино-Балкарии»](#). По мнению авторов, глобализацию и универсализацию повседневных культурных практик не удалось купировать глокализационными процессами и проблема утраты языков, в особенности небольшими народами, не исчезла. В статье рассматриваются трансформации социальных функций кабардинского и балкарского языков в Республике и выдвигается гипотеза о превращении языков из основы культуры и традиций в утилитарные инструменты, используемые в туристической и ритуальной сферах. Авторами выявлено резкое сокращение трансляции языка в семье и исчезновение домашнего фольклора вследствие прагматичного выбора молодых родителей в пользу русского языка. В заключении подчеркнута необходимость глубокого изучения будущего родных языков республики, теряющих повседневную коммуникативную функцию.

В статье [Е. В. Зайцевой, И. Б. Бритвиной](#) (Екатеринбург) [«Жизненные стратегии студенческой молодежи Екатеринбурга как отражение кризиса социального контракта»](#) рассматривается актуальная проблема кризиса субъектности молодежи в условиях трансформации социального контракта. На примере студенческой молодежи города Екатеринбурга показан растущий разрыв между патерналистскими ожиданиями студентов и институциональной дисфункцией, провоцирующей кризис субъектности будущих выпускников вузов. Поэтому авторы поставили цель

определить, как в условиях институциональной неопределенности и геополитических рисков трансформируются жизненные стратегии учащейся молодежи. Показано, что разрыв между патерналистскими ожиданиями молодежи и институциональными возможностями вызван рассогласованием инерционных традиций социализации и современной рыночной среды, выявлена стратегия «латентной адаптации», характерная для значительной доли неопределившихся молодых людей.

Продолжает молодежную проблематику статья [Г. И. Чикаровой, В. Г. Пантелеева, Д. А. Киселева](#) (Ростов-на-Дону) [«Ценностные ориентации студенческой молодежи Ростовской области и новых регионов»](#), посвященная анализу ценностных ориентаций студенчества Ростовской области и двух «новых» регионов – Луганской и Донецкой народных республик. Статья особенно интересна тем, что ней рассматриваются данные по новым регионам, которые до сих пор почти не исследуются социологами. Установлено, что ценностные ориентации молодежи включает в себя любимую работу, материальный достаток, создание семьи, заметно выражены стремления опрошенных молодых людей продолжить обучение после окончания университета. Была зафиксирована тенденция откладывания создания своей семьи до момента достижения профессиональной самореализации.

Статья [А. В. Винокуровой](#) (Владивосток), [Н. Г. Канзычаковой](#) (Абакан) и [А. И. Яковлева](#) (Якутск) [«Повседневный досуг в поселках городского типа Якутии: локальная инфраструктура и пространственная мобильность»](#) предлагает читателям познакомиться с досуговыми практиками жителей российских локальностей. На примере поселков городского типа (пгт) Республики Саха (Якутия) авторам удалось выявить две модели организации досуга: 1) активное использование ресурсов и возможностей регионального центра, включая регулярные поездки туда; 2) ориентацию на использование собственной инфраструктуры и неформальных досуговых пространств при относительно нечастых выездах в более крупные города. Показано, что поездки за пределы поселка нередко сочетают в себе несколько целей, а досуговые практики жителей пгт не ограничиваются инфраструктурными возможностями локальности и позволяют сочетать специфический поселковый образ жизни и пространственную мобильность.

Рубрика [«Гражданские инициативы в условиях цифровизации»](#) посвящена разнообразию гражданской активности и ее проявлений в российских регионах в информационную эпоху, трансформациям с этим связанным, а также продолжает освещение проблем региональной молодежи. Так статья [А. Л. Бурмакиной](#) (Кемерово) [«Молодежные сетевые сообщества Сибири: дискурс-анализ мобилизационных практик в условиях специальной военной операции»](#) сосредоточена на анализе мобилизационных практик молодежи Сибири в сетевых сообществах. Данные сообщества рассмотрены как неочевидные, однако активные агенты сетевых взаимодействий, включенные в процессы мобилизации (активизации) совместных усилий в целях преобразования общественного пространства регионов. На основе дискурс-анализа публикаций молодежных сообществ Сибирского макрорегиона автор выделяет наиболее популярные тематические направления обсуждений в сетевых сообществах: 1) характерные для всех регионов Сибири (военный, патриотический, гуманитарная помощь и поддержка военных, социальная поддержка

семей, героизм); 2) специфические для конкретных регионов (консолидация общества, региональная идентичность и социальная сплоченность, коллективные действия и участие, культура и искусство, награды).

Статья [Т. Б. Бадмацыренова и А. М. Шантакова \(Улан-Удэ\) «Цифровое милосердие: зооволонтерство в Бурятии в контексте сетевого общества»](#) посвящена достаточно популярной, однако малоизученной проблематике зооволонтерства и его проявлениям в сети как форме выражения низового гражданского активизма на локальной территории. В ходе проведенного авторами исследования было установлено, что в Бурятии постепенно развивается «цифровое милосердие», суть которого заключается в использовании зооволонтерами сетевых коммуникаций для реализации их главной миссии – помощи бездомным животным. Привлечение цифровых ресурсов позволяет участникам зооволонтерских движений расширять свои публичные возможности, что способствует общей гуманизации социальных установок и ведет к изменению институциональных правил в отношении животных.

Тема миграции находится в фокусе внимания ученых не одно десятилетие. Казалось бы, популярность данного направления исследований должна была снизиться по мере ее изучения и накопления данных. Однако влияние различных социально-экономических и политических изменений на эту сферу ставит перед исследователями как новые задачи, так и необходимость переосмысления уже существующих подходов и практик. Данное направление исследований представлено в номере рубрикой [«Миграционные процессы в регионах России»](#) и открывается статьей [Г. Ф. Габдрахмановой \(Казань\) «Организованный набор мигрантов: практики работодателей и иностранных граждан в Республике Татарстан»](#). В официальном дискурсе российских органов государственной власти и управления тема организованного набора мигрантов (ОНМ) для работы становится все более актуальной. На примере крупных предприятий Республики Татарстан, таких как ПАО «КАМАЗ» (Набережные Челны) и ПАТП-2 (Казань), показано как работодатели и мигранты участвуют в формировании ОНМ в России. Как выяснилось, среди трудовых мигрантов преобладают позитивное мнение относительно выполняемой ими работы и желание заниматься ею дальше. Автор пришла к выводу о том, что созданная предприятиями Татарстана система ОНМ может стать эффективным решением проблемы дефицита трудовых ресурсов в промышленном секторе российской экономики.

Взгляд молодежи на миграцию в самом отдаленном от исторического центра и малонаселенном регионе нашей страны раскрывается в статье [О. П. Коломиец \(Анадырь\) «Миграционная ситуация в Чукотском автономном округе в оценках студенческой молодежи»](#). На основе данных опроса студенческой молодежи Чукотки было выявлено заметное усиление миграционного притока в последние один-два года, что, по мнению опрошенной молодежи, свидетельствует об обострении кадрового голода в таких отраслях, как строительство, здравоохранение и обслуживание. Также отмечен рост доли прибывших из республик Северного Кавказа, Бурятии, Калмыкии, а также государств Средней Азии. При этом доля негативно настроенных к мигрантам относительно невелика, большая часть молодежи придерживается скорее сдержанно-нейтрального отношения к ним.

Развитие цифровых технологий затронуло многие социальные сферы жизнедеятельности общества, в том числе образование. Так рубрика [«Проблемы российского образования»](#) включает статью [Т. А. Орешкиной, О. В. Артюгина \(Екатеринбург\) «О социальных последствиях цифровизации образования в России: преподаватели вузов о внедрении искусственного интеллекта \(на материалах полевого исследования\)»](#), в которой авторы попытались выявить риски и социальные последствия внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательные практики российских вузов с точки зрения научно-педагогических работников. Обнаружено неоднозначное отношение к ИИ у преподавателей вузов. С одной стороны, ими позитивно оцениваются возможности экономии времени и повышения интерактивности обучения, с другой – их беспокоят риски снижения качества подготовки студентов, связанных с ослаблением критического мышления и трансформацией роли преподавателя. По мнению авторов, склонность к сохранению консервативных образовательных стандартов тормозят развитие компетенций преподавателей, превращая интеграцию ИИ в образовательную сферу в конфликт между технологической эффективностью и академической субъектностью.

Рубрика [«Социология религии»](#) вновь раскрывает тему буддизма в тех российских регионах, где данная конфессия является традиционной и доминирующей. Представлена данная рубрика статьей [Цэцэнбилэг Ц. \(Улан-Батор, Монголия\), А. Б. Цыденова, В. А. Родионова \(Улан-Удэ\) ««Два буддизма» в социальной сети «ВКонтакте»: религиозная конверсия и этнорелигиозная традиция»](#). Авторами было проведено исследование открытых пользовательских профилей в социальной сети «ВКонтакте», что позволило компенсировать недостаточность официальных статистических данных, и сравнить две макрогруппы верующих – из регионов традиционного исповедания буддизма (республик Бурятия, Тыва, Калмыкия и Забайкальского края) и конвертитов, проживающих в крупных городах за пределами исторического ареала распространения буддизма.

Концепция «двух буддизмов» позволила проанализировать процессы социокультурной трансформации, внутреннего расслоения и географического расширения буддийского присутствия в современной России. Выявлено, что традиционный (этнорелигиозный) буддизм функционирует прежде всего как фактор формирования коллективной этнонациональной идентичности, которая воспроизводится посредством наследуемой социализации и локальных институциональных структур, а конвертитский буддизм – результат осознанного индивидуального выбора. У этой группы буддистов преобладают горизонтальные социальные сети, а сама вера воспринимается как личный проект по саморазвитию.

В целом, представленный в статьях данного номера анализ, с нашей точки зрения, значим, прежде всего ракурсом исследования повседневности, образа будущего и иных феноменов: не извне, а изнутри региональных и локальных сообществ. Он создает весьма интересную, противоречивую картину региональной жизни. С одной стороны, выявлены сложные, неожиданные, содержащие множество рисков процессы, с другой – ее устойчивость и надежность.

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2

EDN: RTVABQ

Между публичной риторикой и родительским прагматизмом: экспертный взгляд на будущее родных языков Кабардино-Балкарии

Ссылка для цитирования: Кумыков А. М., Тумов А. А. Между публичной риторикой и родительским прагматизмом: экспертный взгляд на будущее родных языков Кабардино-Балкарии // *Вестник Института социологии*. 2026. Том 17. № 3. С. 14–39. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2; EDN: RTVABQ.

For citation: Kumykov A. M., Tumov A. A. Between public rhetoric and parental pragmatism: An expert perspective on the future of the native languages of Kabardino-Balkaria. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 14–39. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2; EDN: RTVABQ.

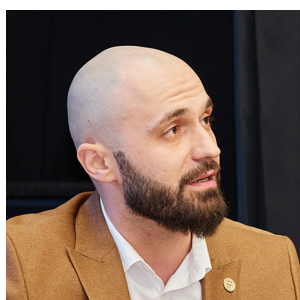

SPIN-код: 2106-6626

Кумыков Ауес Мухамедович¹

¹Северо-Кавказский филиал ФНИСЦ РАН,
Нальчик, Россия

auyes.kumykov@mail.ru

SPIN-код: 8681-8480

Тумов Аскер Асланбекович¹

¹Северо-Кавказский филиал ФНИСЦ РАН,
Нальчик, Россия

tumovasker@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется трансформация социальных функций кабардинского и балкарского языков в современной Кабардино-Балкарской Республике в условиях урбанизации, цифровизации, изменения образовательной политики и расширения туристической индустрии. Цель исследования состоит в выявлении механизмов языкового сдвига и проверке гипотезы о переходе родных языков от роли повседневного средства коммуникации и «основания культуры» к преимущественно символическим, ритуальным, инструментальным и коммерциализированным формам использования. Теоретическую рамку исследования составляют концепции коммодификации языка, поствернакулярности и этнолингвистической инфузии, позволяющие рассматривать сокращение повседневного употребления языка не только как его «утрату», но и как изменение набора выполняемых им социальных функций.

Эмпирическую основу статьи составили материалы качественного экспертного опроса семи региональных исследователей, филологов, работников культуры и языковых активистов, проведенного в апреле 2026 г. Анкета включала 13 открытых вопросов, посвященных динамике языковой ситуации, семейной трансмиссии, межпоколенческому разрыву, домашнему фольклору, цифровой среде, туризму, урбанизации, роли школы и общественных инициатив, а также прогнозам и исследовательским лакунам. Полученные ответы анализировались методом тематического кодирования и сравнительного сопоставления экспертных позиций.

Результаты показывают высокий уровень согласия экспертов относительно сокращения использования кабардинского и балкарского языков в семейно-бытовой сфере и ослабления их межпоколенческой передачи. Молодые родители все чаще выбирают русский язык как более функциональный ресурс образования, социальной мобильности и профессиональных перспектив; одновременно исчезают традиционные формы домашнего фольклора, а родной язык все заметнее перемещается в ритуальные, образовательные, цифровые и туристические контексты. При этом эксперты по-разному оценивают глубину происходящего сдвига: наряду с интерпретацией языка как декоративного «спектакля» фиксируются сохраняющиеся живые языковые ниши и новые формы символического использования, способные поддерживать этническую идентичность даже при неполном владении языком.

Выявлен центральный парадокс современной языковой ситуации: усиление публичной риторики о необходимости сохранения родных языков не сопровождается восстановлением их повседневной востребованности. Этот разрыв поддерживается сочетанием урбанизации, отсутствия экономических стимулов к использованию языков, ограниченных возможностей школы и институциональных последствий перехода к принципу добровольного изучения родных языков. При этом отдельные цифровые, образовательные и культурные инициативы демонстрируют способность формировать новые сферы использования языка, однако их локальный и нередко проектный характер пока не позволяет изменить общий вектор языкового сдвига. Делается вывод, что перспективы кабардинского и балкарского языков следует анализировать не только в категориях сохранения или исчезновения, но и через изучение поствернакулярных практик, стратегий семейной языковой политики и поведения «новых носителей». Ограниченность экспертной выборки требует дальнейших исследований с участием молодых родителей, молодежи и других групп, непосредственно формирующих повседневную языковую среду.

Ключевые слова: социоллингвистика, миноритарные языки, кабардинский язык, балкарский язык, коммодификация языка, поствернакулярность, языковой сдвиг

Введение и теоретическая основа исследования

Современная социолингвистика и лингвистическая антропология переживают фундаментальный методологический сдвиг в подходах к изучению миноритарных языков. Трансформация глобальной экономики, урбанизация, цифровизация и развитие индустрии туризма обусловили необходимость пересмотреть классические парадигмы, фокусирующиеся исключительно на политических правах меньшинств и концепциях национально-государственного строительства. Сегодня на смену им приходят аналитические подходы, рассматривающие язык через призму политической экономики, где лингвистические ресурсы функционируют как измеримые навыки, маркеры аутентичности и экономические активы в ситуации позднего капитализма.

Теория коммодификации языка, представленная, в частности, в трудах М. Хеллер, описывает фундаментальный сдвиг в социолингвистике, при котором язык начинает функционировать не только в качестве средства коммуникации, но также измеримого экономического ресурса в условиях глобализации. В рамках предложенной М. Хеллер концепции «гордости и прибыли» миноритарные языки трактуются как символический капитал, который может быть конвертирован в капитал экономический. Этот процесс особенно заметен в индустрии туризма, маркетинге и сфере услуг, где этнический язык превращается в рыночный товар, продающий «аутентичность» внешнему потребителю, что знаменует радикальный переход от сугубо политических или образовательных контекстов сохранения языка к рыночным [5; 6].

С изменением функций языка также тесно связано понятие поствернакулярности (*postvernacularity*), введенное Д. Шендлером. В поствернакулярном состоянии вторичные (символические и аффективные) функции языка начинают преобладать над его прямой коммуникативной (семиотической) ролью. Суть данного явления заключается в том, что сам факт использования миноритарного языка оказывается важнее передаваемого посредством него семантического смысла, из-за чего приоритет формы над содержанием превращает язык в эстетический маркер, подобный музыке. Поствернакулярное использование носит преднамеренный, перформативный характер и служит целям конструирования идентичности даже в тех случаях, когда говорящие уже утратили свободное владение языком в повседневной жизни [2; 3; 4; 10].

Процессы коммодификации и поствернакулярности находят свое визуальное и пространственное воплощение в формировании специфических лингвистических ландшафтов (*linguistic landscapes*). Развитие индустрии туризма в районах проживания национальных меньшинств приводит к возникновению явления, которое исследователи называют созданием «псевдоязыкового ландшафта как спектакля» [11]. В условиях туризма наследия и туристской джентрификации миноритарные языки используются для эстетизации пространства: соответствующие шрифты, надписи и вывески призваны рождать у приезжих ощущение экзотики и аутентич-

ности [9]. Однако, как показывают критические исследования сельских дестинаций в Китае (например, деревни Хунцунь или Тибетской Лхасы), подобная репрезентация часто не отражает текущих нужд местного населения, вследствие чего формируется разрыв: фасады зданий и меню ресторанов оформляются на этническом языке для обслуживания туристов, а тем временем местные жители в повседневном общении стремительно переходят на доминирующий язык или сталкиваются с вытеснением из-за коммерциализации их жизненного пространства [7; 8]. Язык, по сути, превращается в театральную декорацию, часть глобального спектакля потребления, где символическая стоимость лингвистического ресурса полностью подчинена запросам внешнего рынка.

Толчком к проведению настоящего исследования послужила гипотеза о фундаментальной трансформации функций миноритарных языков (кабардинского и балкарского) в Кабардино-Балкарской Республике (КБР), в ходе которой они утрачивают статус повседневного «основания культуры» и переходят в категорию утилитарного инструмента или перформативного «спектакля». Данный сдвиг, характеризующийся сохранением упомянутых языков преимущественно в образовательной и ритуальной сферах, а также в индустрии гостеприимства при их одновременном вытеснении из внутрисемейной коммуникации, концептуально резонирует с теориями коммодификации языка и поствернакулярности. В условиях объективного дефицита релевантных количественных данных для проверки высказанной гипотезы был проведен качественный экспертный опрос ведущих региональных филологов и языковых активистов на предмет выявления того, как современная динамика кабардинского и балкарского языков осмысливается внутри профессионального сообщества, в какой мере оценки его представителей подтверждают, нюансируют или опровергают исходный тезис о языке-спектакле и какие ключевые противоречия фиксируются в экспертном дискурсе.

Методологическая и эмпирическая база исследования

Выбор в пользу качественной стратегии и метода экспертного опроса был обусловлен характером исследовательской задачи: выяснить, как представители профессионального сообщества осмысливают текущий языковой сдвиг. Кроме того, экспертный опрос позволяет получить аналитически насыщенные суждения, опирающиеся на многолетний опыт наблюдения, преподавания и общественной деятельности.

В состав опрошенных вошли семь человек – исследователи, специалисты по кабардино-черкесскому и карачаево-балкарскому языкам, а также общественные деятели, непосредственно вовлеченные в языковое активистское поле КБР (см. Приложение). Отбор участников осуществлялся целенаправленно по двум критериям: а) наличие профессиональной компетенции в области изучения или преподавания языков народов КБР и б) включенность в общественную дискуссию о сохранении языков. Среди

принявших участие в опросе присутствуют сторонники различных мнений, по-разному оценивающие текущую ситуацию, что позволило получить объемную, внутренне полемичную картину.

Опрос велся по авторской анкете, которая включала 13 открытых вопросов, сгруппированных в несколько тематических блоков: 1) общая динамика языковой ситуации и оценка тезиса о «языке-спектакле»; 2) мотивы родительского выбора и межпоколенческий разрыв; 3) судьба домашнего фольклора и влияние цифровой среды; 4) воздействие туризма и урбанизации на функции родного языка; 5) противоречие между публичной риторикой престижа и экономическими/повседневными практиками, а также роль институтов (школы, семьи, НКО, медиа); 6) прогнозы на ближайшие 20–30 лет и исследовательские лакуны. Часть вопросов носила оценочный характер (например, «Согласны ли вы с тезисом...»), часть – фактологический, отсылающий к личному опыту эксперта («Приведите конкретные примеры»). Анкета распространялась в электронном виде и заполнялась экспертами письменно, что обеспечило высокую степень развернутости и продуманности ответов. Средний объем ответа от одного эксперта составил несколько страниц текста, что приближает полученный материал к жанру письменного глубинного интервью.

Сбор данных осуществлялся в апреле 2026 г. Каждому эксперту направлялся файл с анкетой и кратким описанием исследовательского проекта. Участие в опросе было добровольным и не предполагало вознаграждения. Экспертов не ограничивали во времени и объеме ответов. Полученные тексты не подвергались редакторской правке, за исключением минимальной технической корректировки (устранение опечаток и приведение пунктуации к современным нормам русского языка).

Анализ полученных данных проводился методом тематического кодирования с элементами сравнительного анализа. На первом этапе все анкеты были прочитаны целиком в целях формирования общего представления о позиции каждого эксперта. На втором – ответы были разнесены по тематическим блокам, соответствующим логике анкеты, что позволило сопоставить позиции разных экспертов по каждому из вопросов. На третьем – внутри каждого блока были выделены консенсусные и полемические линии (темы, по которым эксперты сходятся или, наоборот, расходятся), а также определены опорные цитаты, наиболее ярко и емко выражающие ту или иную позицию.

Авторы исследования отдают себе отчет в том, что выборка, состоящая исключительно из филологов и языковых активистов, имеет свою специфику: эти люди профессионально и личностно ангажированы в проблематику языкового сдвига, что делает их оценки особенно компетентными и в то же время может смещать фокус в сторону более острого переживания утраты языка, нежели это свойственно массовым носителям. Данное ограничение компенсируется глубиной и концептуальной плотностью полученного материала, позволяющего очертить направление дальнейших исследований, в которых экспертный взгляд будет дополнен

голосами молодых родителей, старшеклассников, работников туристической сферы и представителей иных групп, непосредственно формирующих языковой ландшафт повседневности.

Результаты: экспертные оценки по основным тематическим блокам анкеты

Основной сдвиг и статус родного языка. Первые два вопроса анкеты – о главном векторе языковой динамики за последние 10–15 лет и тезисе, согласно которому родной язык перестает быть «основанием культуры» и приобретает черты инструмента или спектакля, – задали тон всей экспертной дискуссии. Ответы показали, с одной стороны, высокий уровень консенсуса по поводу ослабления позиций кабардинского и балкарского языков в семейно-бытовой сфере, а с другой – заметное расхождение в интерпретации того, чем именно становится язык в новой конфигурации.

«Уход» из семьи и снижение статуса. Практически все эксперты признают, что за последние полтора десятилетия родные языки уступили свои позиции русскому как в публичной, так и в приватной сфере. Наиболее жесткую оценку происходящему дал эксперт № 1: *«Родные языки... „ушли“ в прямом смысле слова из семейного общения, из семейного воспитания. Родители идут на это сознательно: не видят перспективы в социализации, карьерном росте»*. Схожую позицию занимает и эксперт № 5: *«Статус родного языка по сравнению с русским в обществе и в семье ушел на второй план. Приоритет отдается изучению других языков, родной язык во многих семьях не рассматривается как необходимость не только изучения, но и как средство коммуникации»*. Эксперт № 6 добавляет важный штрих, показывая, что обсуждаемая тенденция не столько нова, сколько усугублена отсутствием целенаправленной политики: *«Языковая ситуация пущена на самотек. Отсутствует системность в ее „выправлении“*. В статусе родного языка в семье и обществе особо ничего не изменилось».

В отличие от своих коллег, эксперт № 3 делает акцент на внутренней противоречивости картины: *«С одной стороны, на законодательном уровне он [родной язык] приобрел статус государственного... С другой стороны, глобализационные процессы... сужают этническое ядро, являющееся носителем как живого повседневного, так и литературного родного языка»*. Иными словами, формальный статус родных языков вроде бы повысился, но это не предотвратило сужения пространства их реального использования.

Язык-спектакль: зона согласия. Тезис о дрейфе языка от «основания культуры» к «инструменту» или «спектаклю» получил поддержку большинства экспертов, хотя и с разной степенью уверенности. Наиболее прямо выразил свою позицию эксперт № 1: *«Родные языки преимущественно используются как фрагмент „спектакля“ в свадебном обряде, потому что песенное творчество стало выгодным в экономическом плане»*.

В подобной трактовке «спектакль» обретает рыночное измерение: язык востребован ровно настолько, насколько он «продается» в формате национального колорита. Эксперт № 2 прибегает к аналогичному аргументу: *«Использование родного языка может приобретать ритуальный характер (например, национальные праздники, выступления фольклорных ансамблей) или становиться элементом этнической идентификации, но не всегда является основным инструментом повседневного общения, особенно в молодых семьях»*. Эксперт № 6 высказался более сдержанно, но в целом его мнение совпадает в приведенными выше: *«В целом согласен. В этом отношении можно говорить о массовых мероприятиях, приуроченных к памятным датам и событиям»*. Однако, как заметил эксперт № 5, даже в, казалось бы, традиционных контекстах полноценная коммуникация на родном языке постепенно сворачивается: *«Уровень владения родным языком больше похож на имитацию его знания... Редкое предложение произносится полностью на родном языке даже за свадебным столом, где сидят старшие»*.

Сопротивление тезису и оговорки. Вместе с тем часть экспертов отказалась признать тезис о «спектакле» универсальным. Эксперт № 3 считает, что многое зависит от места и ситуации, в которой происходит коммуникация: *«Не вполне с этим можно согласиться. Если коммуникация происходит в моноэтнической среде, родной язык продолжает оставаться „основанием культуры“, особенно если мы говорим о сельских поселениях»*. Эксперт № 7 выдвинул иной контраргумент, апеллирующий к живой функциональности обрядов: *«Кабардинская свадьба всегда была и остается больше, чем семейное торжество, где каждый этап несет смысловую нагрузку, укорененную в „адыгэ хабзэ“...¹ Я воспринимаю обычаи и традиции в адаптации с современными условиями жизни»*. Для эксперта № 7 сохранение ритуала, даже в измененном виде, не тождественно спектаклю, а представляет собой адаптированное, но все же культурное воспроизводство.

Наиболее аналитически отстраненную позицию заняла эксперт № 4: *«Частично согласна. В ряде ситуаций родной язык действительно перестает быть глубинным „основанием культуры“ и используется инструментально или декоративно. Но это не всеобщая тенденция: во многих сферах язык сохраняет свою культуuroобразующую функцию»*. К таким сферам эксперт относит, с одной стороны, профессиональную коммуникацию и деловую переписку, а с другой – художественную литературу и семейное общение «с бабушками», где язык остается носителем эстетики и ценностей.

Промежуточный итог. Эксперты фиксируют двойственный характер наблюдаемых процессов: при объективном сокращении бытовой передачи и повседневного использования родных языков происходит их символическое «раздувание» в ритуальных точках. Расхождения во мнениях

¹ «Адыгэ хабзэ» – традиционный морально-правовой и этический кодекс адыгов (черкесов), в устной форме регулирующий едва ли не все сферы их жизни: от повседневного быта и воспитания детей до дипломатии.

касаются не самого факта сдвига, а его глубины и необратимости: одни эксперты видят в нем превращение языка в чистую декорацию, другие – сохранение пусть и сужающихся, но живых социальных ниш.

Прагматика родительского выбора и разрыв поколений. Вопросы 3 и 4 анкеты – о том, как молодые родители объясняют выбор языка общения с детьми и как выглядит типичная ситуация межпоколенческого разрыва, – переводят разговор с макро- (статус языка) на микроуровень повседневных практик и семейных взаимодействий. Согласно единодушному мнению экспертов именно на этом уровне происходит решающий слом в передаче языка. Ответы демонстрируют сложное переплетение прагматических расчетов, идеологических оправданий и внутренних противоречий, в которых сами родители часто не отдают себе отчета.

Мотивы родителей: прагматизм или оправдание? Базовая аргументация, которую эксперты фиксируют у родителей 30–40 лет, – экономико-образовательный прагматизм. Эксперт № 2 излагает ее максимально нейтрально: *«Чаще всего молодые родители выбирают русский язык для общения с детьми, мотивируя это его „практичностью“ и „перспективами“: лучший доступ к качественному образованию, широкие возможности трудоустройства»*. В свою очередь эксперт № 1 высказывается более эмоционально: *«Молодые родители не видят перспективы в родных языках; такие понятия, как земля предков, материнский язык, имеют символический характер. Молодежь уезжает за „лучшей“ жизнью, чувство патриотизма вымывается»*. Прагматичный выбор видится ей маркером глубинного ценностного сдвига: язык предков отступает не только перед карьерными соображениями, но и перед ослаблением территориальной и эмоциональной привязанности.

Впрочем, не все эксперты склонны трактовать риторику родителей как прагматическую. *«Никаких прагматических мотивов нет, – считает эксперт № 5, – есть только фразы для оправдания своих детей, которых вместо уроков родного языка они же сами отправляют в русскоязычную группу или на русский язык»*. Для него ссылки на «перспективы» всего лишь рационализация постфактум, прикрывающая нежелание или неспособность семьи создать соответствующую языковую среду. Показательно, что этот скепсис исходит от человека, работающего со студентами и видящего результаты такого выбора.

На фоне приведенных выше мнений контрастным оказывается личный пример эксперта № 7, демонстрирующий возможность иной стратегии: не выбирать какой-либо один язык, а сознательно создать пространство многоязычия в общении с младшим поколением: *«У нас в семье за столом, когда все вместе, принято говорить на кабардинском... Появился зять... [и] родители решили, что каждый будет говорить на своем плюс русский, арабский и английский... Сегодня (ей два с половиной годика) она [внучка] отвечает на языке спросившего»*. Данный кейс важен не как статистическая норма (сам эксперт подает его в качестве исключения), а как указание на то, что прагматическая аргументация в пользу русского не является

безальтернативной и отражает скорее сложившиеся семейные привычки в купе с отсутствием языковой политики на микроуровне, чем объективную невозможность совмещать языки.

Межпоколенческий разрыв: норма и исключения. Если касательно мотивов родителей мнения экспертов до определенной степени расходятся, то сама ситуация, когда старшее поколение говорит на родном языке, а младшее отвечает по-русски, всеми участниками опроса описывается как широко распространенная, почти рутинная, практика: *«Старшее поколение... считает родной язык важной частью идентичности... Младшее поколение... отвечает старшим по-русски, даже если вопрос задан на родном языке»* (эксперт № 4). Стоит оговориться, подобное не носит форму конфликта. Это скорее принятая обеими сторонами асимметрия: старшие продолжают говорить на родном языке, но уже не ожидают ответа на нем.

Эксперт № 5 подкрепляет констатацию факта цифрами: *«Опрос среди первокурсников вуза показал, что больше половины респондентов из городов отвечают родителям на русском языке. В сельской местности дети дошкольного возраста и младших классов на улице разговаривают между собой на русском языке»*. Последнее особенно показательно: помимо того, что межпоколенческий разрыв начал проникать и в сельскую среду, которая ранее считалась оплотом сохранения языка, среди детей в селах также происходит замещение родного языка русским во внутрипоколенческой коммуникации.

Не последнюю роль в появлении межпоколенческого разрыва играет разрушение многопоколенной семьи как физического пространства передачи родного языка: *«Часто работает эффект „малого скворечника“: во многих семьях физически отсутствуют представители более старшего поколения. При встречах старшее поколение невольно переходит на язык младшего поколения»* (эксперт № 6). Разрыв становится следствием демографических и миграционных процессов: бабушки и дедушки либо живут отдельно, либо, сталкиваясь с непониманием, сами переключаются на русский.

Однако, как показывает эксперт № 7, вновь ссылаясь на личный пример, разрыв вполне можно преодолеть, в том числе и на селе, если семья займет активную позицию: *«Крайне был удивлен, когда мои внучатые племянники в селе отвечали на русском и не понимали меня. На вопрос „Почему?“ родители ответили: школа, садик... Спустя полгода племянники стали с акцентом, но говорить»*. Данный кейс интересен тем, что разрыв был следствием не столько осознанного отказа, сколько результатом «дрейфа». Родители не выбирали намеренно русский в качестве средства внутрисемейного общения, а просто не приложили усилий для поддержания родного, но как только появилось внешнее требование (замечание от старшего родственника), ситуация частично исправилась.

Промежуточный итог. Молодое поколение родителей в массе своей демонстрирует выбор в пользу русского языка, мотивируя это прагматически, однако обоснованность такого рода доводов ставится под сомнение как скептиками (эксперт № 5), так и теми, кому знакомы успешные альтерна-

тивы (эксперт № 7). Межпоколенческий разрыв постепенно проникает из городов в села, становясь общей нормой, но он не является необратимым: целенаправленные усилия семьи способны если не устранить его, то смягчить. На сегодняшний день передача языка перестала быть автоматической. Она требует от родителей осознанной политики, а при ее отсутствии «по умолчанию» выигрывает русский.

Судьба домашнего фольклора и цифровая среда. Вопросы 5 и 6 анкеты – о судьбе домашнего фольклора и влиянии цифровой среды – переводят анализ из плоскости межличностной коммуникации в плоскость культурного контента и медиапотребления. Эксперты проявили практически полное единодушие по первому пункту: фольклор уходит, и заметно разошлись во мнениях по второму: цифра – угроза или ресурс?

Домашний фольклор: единодушный вердикт. Никто из семи экспертов не оспарил, что домашний фольклор – сказки, колыбельные, пословицы, песни – стремительно уходит из семейного обихода. Различия в ответах касались лишь жесткости формулировок и предлагаемых объяснений. Эксперт № 1 высказался наиболее категорично: *«Домашний фольклор полностью выдавлен из семейного общения, так как родной язык не воспринимается родителями как необходимый компонент культуры»*. Названная им причина – девальвация языка родителями – увязывает частную проблему судьбы домашнего фольклора с общим языковым сдвигом.

Эксперт № 5 приводит статистическую оценку: *«Домашний фольклор исчез, наверное, в 90% семей, если не больше... Только единицы из целой группы обучающихся за последние несколько лет слышали пословицы из уст родителей. Только в семьях, где живут люди преклонного возраста (от 60-и лет), дети слышали какие-то колыбельные, сказки»*. Таким образом, по мере нуклеаризации семьи и исчезновения из ситуации повседневного внутрисемейного общения старшего поколения бабушек и дедушек, к которому в семье привязан фольклор, фольклорная передача тоже исчезает. Впрочем, это исчезновение нельзя назвать тотальным. Скорее, происходит институциональный сдвиг: *«Домашний фольклор на грани исчезновения, он уходит из семьи и переносится на плоскость дошкольного и школьного образования, причем в очень малом объеме»* (эксперт № 6). Фольклор не уходит совсем, а меняет среду бытования: из живой, спонтанной, семейной он перемещается в формализованную, учебную, где его объем ничтожен. Отмеченный перенос означает разрыв с функцией: колыбельная, спетая воспитателем в детском саду, и колыбельная, спетая матерью на ночь, – это разные социальные факты.

Еще одним, неожиданным, фактором, способствующим угасанию домашнего фольклора, оказывается религиозно-идеологический: *«Но тут еще другая сторона. С точки зрения мусульман, проведение таких [народных, с исполнением песен и танцев] праздников – это несоответствие Корану и Сунне¹»* (эксперт № 7). Исчезновение фольклора из семейного

¹ Сунна – мусульманское священное предание, излагающее примеры из жизни пророка Мухаммеда как образец и руководство для мусульманской общины и каждого отдельного мусульманина; второй по значимости (после Корана) источник правовых норм в исламе.

речевого обихода может происходить не только потому, что родители перестают ценить язык, но и также вследствие того, что часть их начинает воспринимать народные традиции как противоречащие религиозным нормам.

Цифровая среда: угроза или шанс? Мнения экспертов по этому вопросу разнятся от жесткого скепсиса до осторожного оптимизма, основанного на конкретных проектах. В представлении одних молодежь практически не заинтересована в интернет-материалах на родном языке, в отношении которых она выступает не как активный пользователь, а как пассивный реципиент, реагирующий либо на принуждение, либо на низовой развлекательный или скандальный контент: *«Среди людей младше 18-и лет цифровой контент на кабардинском языке могут посещать по настоянию преподавателя... Первые три места можно распределить следующим образом: 1) музыкальные... 2) дешевые видео-вопросы... 3) если кого-то критикуют... Любой проект на родном языке быстро угасает, теряется интерес аудитории»* (эксперт № 5). Это заставляет эксперта сомневаться в самой идее цифрового возрождения языка: даже если контент создается, он не находит своего устойчивого потребителя.

Несколько иной случай, также вызывающий скептицизм, – когда потребитель находится, но не тот, кому изначально предназначался контент: *«После размещения колыбельных песен [на балкарском языке] число их скачиваний резко возросло, однако, как оказалось, за счет большого интереса к ним уйгуров из Китая»* (эксперт № 1). Ситуация, при которой родной язык становится объектом интереса для внешних потребителей (например, для других тюркских народов) в силу своей экзотичности, идеально укладывается в логику «спектакля», но не работает на сохранение языка внутри сообщества.

В противовес скептикам умеренные оптимисты из числа экспертов указывают на наличие успешных цифровых инициатив в области поддержания родных языков: *«Только 2,2% молодежи используют родной язык в соцсетях, а для 73% он остается лишь „домашним“... Удачные проекты – включение кабардинского и балкарского языков в „Яндекс.Переводчик“... нейросеть CircassianAI... проект Easy Adugebeze»* (эксперт № 4).

Немалой популярностью пользуются также упомянутые экспертами № 4 и № 6 телевикторины «Миллионер боламыс?» и «Ана тил». Последнюю эксперт № 6 характеризует так: *«На сегодняшний день отснято более 300 выпусков, что говорит о ее востребованности и интересе со стороны зрителей. Уникальность „Ана тил“ заключается в ее доступности для широкой аудитории... от школьников и студентов до пенсионеров и представителей интеллигенции»*.

Дополняют этот ряд перечисленные экспертом № 7 иммерсивный этнографический проект для детей «Пасэрей», YouTube-каналы с просветительскими видео «Адыгэ канал Черкесы» и «СиБзэ», настольные игры «Страна Нартов» и «Мыст», центр популяризации и развития кабардино-черкесского языка и культуры «Адыгэ ц1ык1у».

Несмотря на присутствие двух точек зрения, противоречие между ними скорее кажущееся. Скептики (эксперты № 5 и № 1) оценивают массовый повседневный спрос, и он действительно низок. Оптимисты (эксперты № 4, № 6 и № 7) отмечают точечные успехи там, где контент производится энтузиастами и находит нишевую аудиторию, из-за чего создается впечатление насыщенного цифрового и культурного ландшафта. Выявленные позиции не столько опровергают, сколько дополняют друг друга: цифровая среда предоставляет инструменты для сохранения языка, но не формирует автоматически массовой мотивации к их использованию. А кроме того, даже успешные проекты могут работать не на ту аудиторию, на которую рассчитывали создатели.

Промежуточный итог. Судьба домашнего фольклора и роль цифровой среды выявляют ключевой парадокс языкового сдвига в КБР. Традиционные формы устной передачи (сказки, колыбельные) необратимо уходят из семейной речевой практики вследствие родительского прагматизма, нуклеаризации семьи и религиозного давления. Цифровая среда предлагает альтернативные каналы, которые на уровне отдельных проектов могут работать успешно, однако в целом переломить ситуацию неспособны: молодежь потребляет контент на родном языке либо по принуждению, либо в режиме развлечения, а устойчивый интерес порой приходит извне, от других народов, но не изнутри сообщества. Иными словами, «цифра» может сохранить язык как объект, но не обязательно возвращает его в живую повседневную коммуникацию.

Туризм, урбанизация и «декоративность». Вопрос 7 анкеты – о том, как развитие туризма и урбанизация меняют функции родного языка, – предлагает экспертам взглянуть на ситуацию с позиции социально-экономических процессов. В отличие от семейных практик и цифровой среды, туризм и урбанизация являются внешними, структурными силами, на которые отдельная семья или школа практически не могут повлиять. Ответы на этот вопрос демонстрируют примечательный разброс мнений: от признания неотвратимого вытеснения языка в сувенирную нишу до указания на неожиданные точки аутентичного использования.

Туризм как фабрика декоративности. Большинство экспертов сходятся в том, что туризм способствует не столько сохранению живого языка, сколько его превращению в декоративный элемент: *«Туризм и урбанизация часто способствуют „декоративному“ использованию родного языка: в меню ресторанов, на вывесках, в выступлениях ансамблей. Живое общение на родном языке сохраняется в традиционных общинах, среди старшего поколения»* (эксперт № 2). Нельзя сказать, что туризм напрямую убивает язык. Скорее, он способствует перераспределению его функций, делая публичное использование преимущественно символическим. Пространство функционирования языка оказывается разделено на «сцену» для туристов (меню, вывески, ансамбли) и «кулисы» для местных (старшее поколение).

Касательно «сцены» некоторые из экспертов высказались довольно резко, отказав ей в каком-либо сохраняющем потенциале: *«Язык реально используется на мероприятиях, но как русско-национальный суррогат;*

этнические атрибуты мало влияют на сохранение живого общения, а с развитием туризма и урбанизации язык постепенно умрет, если представители... не проявят желание сохранить его» (эксперт № 1). Формулировка «русско-национальный суррогат» чрезмерно эмоциональна и вместе с тем указывает на то, что язык на мероприятиях – это уже не вполне родной язык, а гибридный код, адаптированный под внешнего наблюдателя. Еще категоричнее высказался эксперт № 5, приравняв декоративность к отсутствию полноценного функционирования в ключевых сферах: *«Если родной язык не является языком делопроизводства, законотворчества, он уже является декоративным».*

Урбанизация как ускоритель сдвига. Если туризм действует на язык избирательно (одни сферы превращает в витрину, другие оставляет нетронутыми), то урбанизация рассматривается экспертами как тотальный фактор русификации: *«Развитие туризма и урбанизации ускоряет процесс „русификации“ родного языка и повседневной речи на нем» (эксперт № 3).* Городская среда полиэтнична по определению и объективно требует языка межнационального общения. Вдобавок к этому переезд в город разрывает связь с сельским языковым сообществом. Дети проживающих в городах уже не имеют той плотной языковой среды, которая еще сохраняется в селах. Сам по себе этот процесс не нов – нова та скорость, с которой он сегодня протекает, распространяясь, как выше отмечалось, даже на сельскую местность через цифровые каналы и маятниковую миграцию.

Исключения и контраргументы. Позицию «туризм + урбанизация – декоративность» в ее радикальной трактовке разделяют не все участники нашего опроса. Так, эксперт № 3, не отрицая общего тренда на русификацию, делает существенную оговорку: *«В то же время встречаются примеры бережного и максимально аутентичного использования родного языка и культурного наследия владельцами заведений сферы обслуживания именно в местах, привлекательных для туристов».* Это важное уточнение: туризм не с неизбежностью порождает суррогат. При определенных условиях и усилиях принимающей стороны он может создавать пространства, где язык используется не как вывеска, а как живой элемент гостеприимства. Правда, такие места – скорее исключение, чем правило.

Один из способов сделать язык живым элементом гостеприимства – встроить его в интерактивное действие: *«В ходе встречи знакомим [туристов] с традициями, культурой, вовлекаем в национальное игрище. В ходе общения звучат слова на языках народов КБР... Это все в комплексе способствует сохранению этнической идентичности...» (эксперт № 7).* Вовлеченный в игрище турист выступает уже не пассивным зрителем, а активным участником, для которого язык становится частью опыта. Более того, описанная практика работает как на внешнюю аудиторию, так и на самих носителей, укрепляя их связь с языком через его демонстрацию и способствуя «сохранению этнической идентичности».

Как примирить эту позитивную картину с пессимистичными оценками экспертов № 1 и № 5? Полагаем, все дело в масштабе и системности. Пример эксперта № 7 – штучная энтузиастская практика, тогда как туризм в целом

действует по рыночной логике и в подавляющем большинстве случаев довольствуется минимумом языка-декорации. Пока аутентичное использование держится на отдельных активистах, оно не перелаживает общий тренд.

Промежуточный итог. Оценки экспертов в рамках данного блока образуют довольно широкий спектр мнений: от признания языка декоративным уже в силу отсутствия институциональных функций (эксперт № 5) до фиксации отдельных аутентичных практик, встроенных в туристический опыт (эксперты № 3 и № 7). Если урбанизация единодушно признается экспертами в качестве фактора русификации, то с туризмом не все так однозначно. С одной стороны, он стимулирует поверхностное, витринное использование языка, а с другой – создает экономические ниши (этнокафе, фестивали, игрища), где язык может быть востребован как нечто большее, чем просто декор. Ключевой вопрос, который остается открытым: способны ли эти ниши расширяться и задавать новую норму, или же они так и останутся островками аутентичности в «океане» декоративности?

Противоречие престижа и роль институтов. Вопросы 8, 9 и 10 анкеты – о противоречии между публичной риторикой касательно важности языка и неизменностью экономических/повседневных практик, о роли школы и неформальных каналов передачи – составляют смысловой узел всей дискуссии и выводят ее на метауровень. Отвечая на них, эксперты обсуждали не столько сами языковые процессы, сколько систему институтов, призванных этими процессами управлять или хотя бы влиять на них. Общий тон оценок можно охарактеризовать как критический с отдельными вкраплениями осторожного оптимизма.

Разрыв между словом и делом. Все без исключения участники опроса фиксируют фундаментальное противоречие: публичная риторика о сохранении языков в последние годы заметно усилилась, однако это не привело к перелому в экономических и бытовых практиках. Эксперт № 1 формулирует проблему в терминах мотивации и принуждения: *«В последние десятилетия проблема сохранения языков поднималась как политический инструмент для решения личных проблем. Кроме семьи, все институты так или иначе пытаются поддержать престиж языков, но их усилия тщетны. Никто никого принудительными мерами не заставит любить язык»*. Иными словами, даже грамотное приложение институциональных усилий все равно упираются в стену индивидуальной мотивации: язык нельзя навязать, если он не нужен самому носителю.

Эксперт № 5 переводит проблему в плоскость реализации государственных решений и в качестве ключевой причины называет разрыв между уровнями управления: *«Публичная риторика о важности языка всегда была и сейчас есть, но почему-то прогресса не видно: либо вместо выполнения указов ограничиваются бумажными отчетами, либо не хватает экономической составляющей... Грантовые программы не могут решить всех задач, так как являются разовыми»*. Получается, решение принято и озвучено, но на этапе исполнения оно буксует из-за отсутствия финансирования, контроля или системного подхода, а «бумажные отчеты» становятся субститутотом реальных изменений.

Эксперт № 4 дополняет картину, увязывая отмеченный разрыв с глобальными факторами: *«Противоречие между публичной риторикой о важности сохранения языка и неизменными экономическими и повседневными практиками можно объяснить разрывом между декларативными заявлениями и реальными условиями... Экономические факторы, влияние медиа и интернета, отсутствие языковой среды... снижают мотивацию к использованию родного языка в профессиональной сфере»*. Таким образом, риторика не работает не потому, что она лицемерна, а потому, что не подкреплена изменением тех структурных условий (рынок труда, медиасреда), которые определяют реальный языковой выбор.

Школа: двойственная и сокращающаяся роль. Эксперты признают, что в текущих условиях школа – едва ли не единственный институт, способный обеспечить базовую грамотность на родном языке, но в то же время именно она производит «учебный», оторванный от жизни вариант языка.

Эксперт № 1 обозначил принципиальную проблему города: *«В большинстве городских школ уроки родного языка проходят в условиях учебного двуязычия, так как нет естественной языковой ситуации»*. Если в классе никто не говорит на родном языке за пределами урока, то язык неизбежно становится учебным предметом, а сам урок – искусственной практикой, но никак не живой средой.

Сокращение часов на родной язык до одного урока в неделю уже делает невозможным его полноценное освоение, а практикуемый подход к преподаванию еще больше усугубляет ситуацию и ведет скорее к негативным социальным последствиям: *«Существующий подход к родным языкам в школах в лучшем случае больше ориентирован на „заучивание“ учебного материала»* (эксперт № 5); *«Если школа сводит изучение к зубрежке и запретам, она действительно создает „учебный“ язык, который остается невостребованным за пределами класса»* (эксперт № 4).

Вместе с тем школа не способна в одиночку компенсировать отсутствие языковой среды в семье и социуме. Ее потенциал ограничен, а при сокращении часов – еще и урезан, однако она не настолько бесполезна, как может показаться: *«Школа дает базовую грамотность... Школа создает базу, которую потом можно адаптировать под реальные нужды»* (эксперт № 7).

Неформальные практики и НКО: энтузиазм без системы. За пределами школы и семьи эксперты фиксируют определенное оживление в плане поддержания и сохранения родных языков, но оценивают его по-разному. По мнению эксперта № 5, неформальная активность есть, но она страдает от целого ряда проблем: узкий охват, некомпетентность организаторов и, как следствие, неустойчивость: *«Появились несколько частных центров, где обучают родным языкам, но у них узкий круг охвата детей... В соцсетях функционируют многочисленные группы, но... материал иногда преподносится исходя не из научной аргументации, а по принципу „я так считаю, поэтому так и есть“»*.

Эксперт № 7, напротив, приводит обширный перечень успешных, на его взгляд, инициатив, начиная от мероприятий и заканчивая настольными играми и телевикторинами: *«Этнокультурные мероприятия, такие как фестивали, ярмарки, праздники, могут создавать пространство для изучения и сохранения языков. Например, ежегодный молодежный этнокультурный лагерь „Адыгэ хабзэ“»*. Необходимо отметить, что расхождение между мнениями экспертов № 5 и № 7 заключается не в оценке ими фактов, а в фокусе и масштабе рассмотрения. Эксперт № 5 ссылается на массу молодежи, которую эти проекты не затрагивают, а эксперт № 7 – на само существование инфраструктуры, которой раньше не было.

Эксперт № 4 приводит сбалансированный список факторов, как поддерживающих, так и подрывающих престиж родного языка, указывая при этом, что одни и те же институты могут работать в обоих направлениях: *«Медиа (позитивный пример): некоторые СМИ и каналы активно используют родной язык... Медиа (негативный пример): распространение жаргонизмов, англицизмов, снижение языковой нормы»*. Это важное дополнение: институты не делятся на «хорошие» и «плохие», а их эффект зависит от конкретных практик, наполнения и аудитории.

Промежуточный итог. Анализ институционального ландшафта показывает, что в КБР существует разветвленная, но крайне неравномерно распределенная и лишенная системного стержня сеть поддержки родных языков. Публичная риторика высокого уровня не конвертируется в повседневные практики, так как не меняет экономических стимулов. Школа, оставшись с минимальными часами и формальными методиками преподавания, производит «учебный» язык без выхода в жизнь. Неформальные инициативы держатся лишь на энтузиазме одиночек и не способны переломить массовый тренд. Семья, которая в теории должна быть ключевым звеном, фактически выпадает из этой системы. Именно она, согласно эксперту № 1, является единственным институтом, способным что-то изменить, но именно в ней язык утрачивается быстрее всего. В итоге возникает замкнутый круг, разорвать который, по мнению большинства экспертов, может только системная государственная политика, однако убедительных признаков ее появления пока не наблюдается.

Будущее языка: прогнозы и исследовательские лакуны. Вопросы 11 и 12 анкеты – о возможности возврата родного языка в повседневное общение младших поколений через 20–30 лет и о неисследованных областях языковой ситуации – выполняют в опросе двойную функцию. С одной стороны, они заставляют экспертов перейти от диагностики настоящего к прогнозированию, а с другой – выявляют, чего именно им не хватает для более точного понимания происходящего. Ответы демонстрируют выраженный разрыв между тем, что считается желательным, и тем, что оценивается как вероятное.

Прогнозы: от прямого пессимизма к условному оптимизму. Самые пессимистичные сценарии рисуют эксперты, наиболее критично воспринимающие текущую ситуацию.

«30% детей младшего возраста, поступающих в детские сады, не владеют родными языками. Последствия очевидны» (эксперт № 1). Это предельно лаконичный и, по сути, фаталистичный прогноз: если треть нового поколения уже не входит в языковую среду, то естественное воспроизводство языка прервано, и никакие усилия на последующих этапах не компенсируют данный разрыв.

Еще более мрачный сценарий предлагает эксперт № 5: *«При отсутствии системного подхода количество детей кабардинской и балкарской национальностей, не владеющих родным языком, будет преобладать над теми, кто владеет... Через 20–30 лет сегодняшним подросткам будет 45–50, т. е. некоторые из них будут уже бабушками и дедушками, – поколение, которое сейчас даже не пытается имитировать знание родного языка».* Согласно этому прогнозу, во-первых, неизбежен количественный перевес невладеющих родным языком над владеющими, а во-вторых, нынешние подростки (правильнее назвать их молодежью), став старшим поколением, не смогут передать язык своим детям и внукам, потому что сами им не владеют. В результате произойдет поколенческий обрыв передачи языка, после которого восстановление станет экспоненциально более сложным, если вообще возможным.

По оценкам эксперта № 6, улучшение ситуации *«возможно только при озабоченности этой проблемой практически всех поколений. В противном случае сценарий будет развиваться весьма пессимистично».* Ключевое слово здесь – «всех»: единичных усилий активистов или школы недостаточно, требуется мобилизация всего сообщества, но пока предпосылок к этому эксперт не видит.

Альтернативный полюс мнений представлен не столько оптимистическими сценариями, сколько указанием на конкретные условия, при которых реализация негативного сценария может быть предотвращена. Одним из таких является рыночное условие: *«В условиях города поддержание родного языка в повседневном общении возможно, только если владение или невладение им будет прямо влиять на карьерные возможности человека, т. е. при полноценном его функционировании как государственного»* (эксперт № 3). Согласно этой логике язык может быть сохранен не уговорами или риторикой, а с помощью экономических механизмов – создания рабочих мест, требующих владения языком, и функционирования государственных институтов на нем. Оговоримся, этот технократический взгляд имеет на сегодняшний день мало общего с реальностью КБР.

Эксперт № 4 предложил более развернутый перечень необходимых мер: от государственной поддержки и «языковых гнезд» в детских садах до цифровых инструментов и этнотуризма – и вместе с тем признает, что без соответствующей мотивации все они будут просто формальностью: *«Ключевой фактор – создание реальной потребности в использовании языка: он должен быть не просто „музейным экспонатом“, а живым инструментом общения, карьеры, творчества и самоидентификации. Без такой мотивации даже самые продуманные программы рискуют остаться формальностью».* Примерно в том же ключе высказался

и эксперт № 7: возврат возможен, но при условии *«комплексного подхода и совместных усилий семьи, образовательных учреждений, государства и общества в целом»*. Свою позицию он подкрепляет личным примером – внучкой-полиглотом.

Несмотря на расхождения во мнениях, экспертный корпус не столько поляризован, сколько выстроен вдоль шкалы: на одном конце те, кто считает негативный сценарий практически свершившимся фактом, на другом – те, кто перечисляет условия, при которых его можно избежать. Однако даже «оптимисты» формулируют свои условия в сослагательном наклонении, что свидетельствует об отсутствии убежденности в их реализуемости.

Исследовательские лакуны: незнание причин и механизмов. В ответах на вопрос о пробелах в изучении языковой ситуации в КБР можно выделить три затронутые экспертами темы.

Первая – отсутствие глубины и системности: *«Отсутствуют полноценные социологические и социолингвистические исследования, которые бы не просто обнажали проблемы в кругу узкопрофильных специалистов, а стали бы основой для их решения с поддержкой государства»* (эксперт № 5). Это замечание отражает критическую оценку существующей исследовательской базы со стороны части профессионального сообщества. В данном случае речь идет не столько об отсутствии исследований языковой ситуации как таковых, сколько о недостатке работ, ориентированных на выявление механизмов языкового сдвига и эмпирическую оценку эффективности конкретных мер языковой политики. Настоящее исследование также имеет преимущественно диагностический характер и не устраняет эту лакуну в полной мере; его задача состоит в выявлении ключевых проблемных зон и формулировании исследовательских вопросов, требующих дальнейшей проверки на более широком эмпирическом материале. Они констатируют ситуацию, но не становятся основой для политики, потому что, с одной стороны, не доводятся до уровня практических рекомендаций, а с другой – государство не предъявляет на них спроса.

Вторая – непонимание причин: *«В основном упор делается на констатацию современного состояния, однако в первую очередь важно понимание причин современного состояния родных языков, а исходя из этого следует выработать релевантные рекомендации»* (эксперт № 6). Данный диагноз высвечивает методологический изъян многих работ: мы знаем, что языки «уходят» из семьи, но не знаем в деталях, каковы механизмы этого ухода, как семьи принимают решение, какова относительная роль экономических, культурных, психологических факторов.

Третья – спектр неизученных вопросов. Эксперт № 4 перечисляет целый ряд тем, редко попадающих в фокус внимания ученых, который сам по себе представляет исследовательскую программу на годы вперед: *«Как языковая лояльность соотносится с гражданской идентичностью?.. Какова реальная эффективность программ поддержки языков?.. Как работает межпоколенческая трансмиссия в передаче знаний родного языка?.. Как языки взаимодействуют в повседневной коммуникации?.. Какова роль диаспоры в сохранении языков?»*

Промежуточный итог. Выявленный в ходе анализа разрыв между прогнозами и лакунами парадоксален и показателен. С одной стороны, эксперты достаточно уверенно рисуют негативный сценарий на 20–30 лет вперед, а с другой – сами же признают, что ключевые вопросы о причинах языкового сдвига, механизмах межпоколенческой передачи и эффективности существующих программ остаются практически неизученными. Это расхождение между определенностью прогноза и неопределенностью знаний о глубинных процессах – возможно, самый тревожный результат всего опроса. Он означает, что языковая политика в КБР ведется вслепую, без понимания того, какие меры работают, а какие – нет. Однако именно этот институциональный вакуум и делает пессимистический сценарий наиболее вероятным в силу отсутствия осмысленных, основанных на данных усилий по его предотвращению.

Успешные и провальные инициативы: точечные достижения и дефицит системности. Последний вопрос анкеты предлагал экспертам назвать одну успешную и одну провальную инициативу по поддержке кабардинского или балкарского языка за последние пять лет и объяснить причины успеха или неудачи. Ответы выявили заметное расхождение и в выборе конкретных проектов, и в самих критериях их оценки. Одна группа экспертов указывает на ряд работающих цифровых, образовательных и культурных инициатив, тогда как другая оценивает существующую инфраструктуру поддержки значительно более скептически, вплоть до отрицания наличия значимых результатов.

Наиболее отчетливо положительный полюс представлен оценками проектов, сочетающих использование современных технологий с конкретной практической функцией. Эксперт № 4 в качестве успешной инициативы выделяет включение кабардинского и балкарского языков в «Яндекс.Переводчик». По ее оценке, успех был обеспечен сочетанием «технологического подхода», командной работы педагогов и государственной поддержки, а также тем, что результат проекта имеет очевидную практическую ценность для пользователей. В создании корпусов участвовали 80 учителей, а использование цифровых инструментов позволило в короткие сроки сформировать необходимую языковую базу. Показательно, что в данном случае родной язык интегрируется в повседневно используемый технологический сервис. Это отличает проект от многих инициатив, ориентированных преимущественно на демонстрацию этнокультурной идентичности.

Сходным образом эксперт № 2 связывает успех цифровых проектов с их способностью заинтересовать аудиторию. Среди положительных примеров он называет образовательный YouTube-контент на кабардинском языке и ресурсы фонда «Эльбрусоид», объясняя результативность «интересным контентом, качественной подачей и активным взаимодействием с аудиторией». Тем самым в его оценке критерием успеха становится конкурентоспособность контента на родном языке в современной медиасреде.

Аналогичный акцент на способности проекта привлекать и удерживать аудиторию присутствует в ответе эксперт № 3. В качестве успешной инициативы он называет деятельность Фонда культуры имени Кязима

Мечиева, прежде всего телевикторину «Ана тил» и центр изучения родного языка. Причиной успеха эксперт считает заинтересованность сотрудников и их «умение заинтересовать молодые поколения» посредством креативных методов. При этом назвать явно провальный проект он затруднился. Эксперт № 7 в схожем ключе выделяет ежегодный республиканский конкурс-фестиваль «Си бзэ – си псэ, си дуней», характеризуя его как заметное событие школьной и общественной жизни.

Таким образом, в положительных оценках прослеживается достаточно четкая закономерность. Успешными воспринимаются преимущественно те инициативы, которые не ограничиваются декларацией ценности языка, а создают ситуацию его конкретного использования: перевод, обучение, игра, просмотр медиаконтента, участие в конкурсе. Важными условиями становятся также современный формат, ориентация на молодую аудиторию, эмоциональная вовлеченность участников и наличие группы организаторов, способной поддерживать проект в течение продолжительного времени.

Ответы о неудачных инициативах позволяют выявить обратный набор факторов. Эксперт № 5 формулирует проблему наиболее системно: «Любая инициатива будет провальной, если нет системы и финансовой поддержки». В качестве примера он приводит проект «Анэбзэ», устойчивость которого оказалась ограничена зависимостью от редких грантов. Эксперт не концентрируется на содержании самой инициативы, а критикует модель ее институционального существования: краткосрочное грантовое финансирование не обеспечивает его превращения в устойчивую практику.

Другой механизм неудачи выделяет эксперт № 2 на примере новых учебников по кабардинскому и балкарскому языкам. По его мнению, учебник оказался *«слишком сложным и оторванным от реальной разговорной речи»*, а причиной отрицательной реакции стали *«отсутствие предварительного тестирования и игнорирование мнения практикующих педагогов»*. Здесь проявляется уже не финансовая, а институционально-коммуникативная проблема: продукт создается для определенной аудитории без достаточного учета ее реальных языковых компетенций и потребностей. Этот пример непосредственно перекликается с зафиксированным выше противоречием между «учебным» и повседневным языком.

Эксперт № 4 также связывает неудачу языковых проектов с недостаточным финансированием, кадровым дефицитом и отсутствием долгосрочной институциональной поддержки, приводя пример сокращения телевидения на родных языках. Следует, однако, учитывать, что приведенный ею пример относится к периоду до 2014 г. и формально выходит за заданные вопросом пятилетние хронологические рамки. Тем не менее названные ею причины – недостаток финансирования, дефицит квалифицированных специалистов и отсутствие долгосрочных программ – содержательно совпадают с проблемами, отмеченными другими участниками опроса.

Особый полюс составляют ответы экспертов № 1 и № 6, которые фактически отказываются выделять успешные проекты. Эксперт № 1 предельно категорична: *«Все инициативы носят декларативный харак-*

тер». Эксперт № 6 формулирует близкую позицию еще лаконичнее: «*Не вижу значимых инициатив*». На первый взгляд эти оценки противоречат перечисленным другими экспертами примерам. Однако расхождение, по-видимому, связано прежде всего с различными критериями результативности. Для одной части участников наличие устойчивой аудитории, технологической инновации или работающего культурно-образовательного проекта уже является свидетельством успеха. Для наиболее критично настроенных экспертов успех должен выражаться в более масштабном изменении языкового поведения и возвращении языка в повседневную коммуникацию. При таком критерии отдельные проекты действительно оказываются недостаточными.

Промежуточный итог. Ответы на заключительный вопрос показывают, что проблема поддержки родных языков в КБР заключается не в полном отсутствии инициатив, а в разрыве между многочисленными локальными проектами и их способностью воздействовать на массовые языковые практики. Наиболее успешными эксперты считают проекты, соединяющие язык с практически востребованной деятельностью, современными цифровыми форматами и непосредственным вовлечением аудитории. Основными факторами неудачи выступают отсутствие устойчивого финансирования, краткосрочный проектный характер деятельности, слабая обратная связь с целевой аудиторией и недостаток институциональной преемственности. Тем самым материалы опроса позволяют уточнить выявленный ранее парадокс: инфраструктура поддержки родных языков существует и в отдельных сегментах демонстрирует заметные результаты, однако пока эти точечные успехи не складываются в систему, способную переломить общий языковой сдвиг.

Обсуждение и выводы

Представленные результаты экспертного опроса позволяют с уверенностью подтвердить исходную гипотезу о трансформации функций кабардинского и балкарского языков в КБР. Однако для адекватной научной интерпретации зафиксированных процессов необходимо их осмысление с применением теорий социолингвистики и политической экономии языка.

Единодушно отмеченное экспертами сжатие семейно-бытового использования родных языков и их дрейф в сторону ритуализованного публичного применения целесообразно анализировать не в оценочных категориях «упадка», а через призму концепции поствернакулярности. В поствернакулярном состоянии сам факт использования миноритарного языка (его форма и звучание) становится для говорящих не менее, а зачастую и более значимым, чем семантическое содержание высказывания. С этой точки зрения описанные экспертами явления, такие, например, как произнесение ритуальных тостов с переходом на русский язык (названное экспертом № 1 «русско-национальным суррогатом»), представляют собой формы этнолингвистической инфузии. Подобного рода перформативное

использование элементов родного языка позволяет участникам коммуникации конструировать локальную идентичность даже в условиях утраты полноценного билингвизма.

Происходящий параллельно этому процесс превращения языка в декоративный элемент туристической инфраструктуры и сферы гостеприимства имеет смысл трактовать как проявление глобального тренда на коммодификацию языка. В соответствии с парадигмой «гордости и прибыли» миноритарный язык трансформируется из неотъемлемого элемента традиционной культуры в измеримый рыночный актив, символический капитал, продающий «аутентичность» внешнему потребителю, что, в свою очередь, объясняет отмеченную экспертами фрагментацию: язык вымывается из приватной семейной сферы, но парадоксальным образом сохраняется и даже коммерциализируется в виде вывесок, меню и фольклорных туристических представлений.

Выявленный по результатам исследования центральный парадокс – колоссальный разрыв между усилившейся публичной риторикой о важности сохранения языков и массовым прагматичным отказом молодых родителей от их передачи детям – невозможно объяснить исключительно внутрисемейной ситуацией или «отсутствием патриотизма». Решающим институциональным фактором, легитимировавшим и катализировавшим процессы языкового сдвига, стало принятие в 2018 г. поправок в Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которые официально закрепили принцип добровольного изучения государственных языков республик и родных языков [1].

Данный законодательный шаг формализовал конкуренцию между русским и родными языками в рамках ограниченной сетки учебных часов. Государственная образовательная политика переложила бремя ответственности за сохранение миноритарных языков со школы на семью. В результате возникла «институциональная ловушка»: в условиях урбанизации и отсутствия в регионе экономических стимулов к использованию кабардинского и балкарского языков на рынке труда, выбор родителей в пользу доминирующего (русского) языка становится абсолютно рациональной адаптивной стратегией. Имитационная поддержка престижа родных языков со стороны региональных институтов разбивается о прагматику выживания и социальной мобильности (успешная сдача ЕГЭ с последующим поступлением в вуз), обуславливающую однозначный приоритет общегосударственного языка.

Дополнительным проявлением этой институциональной проблемы становится разрыв между результативностью отдельных инициатив и эффективностью языковой политики в целом. Экспертные оценки показывают, что в КБР существуют проекты, способные привлекать устойчивую аудиторию и создавать новые сферы использования родных языков: цифровые сервисы, образовательный контент, телевикторины, культурные и просветительские инициативы. Их успех связан прежде всего с практической востребованностью, современным форматом и непосредственным вовлечением аудитории. Однако даже относительно успешные проекты

остаются локальными и сами по себе не приводят к изменению массовых языковых практик. Напротив, неудачи инициатив эксперты связывают с зависимостью от краткосрочного грантового финансирования, отсутствием институциональной преемственности, недостаточной обратной связью с целевой аудиторией и дефицитом системной поддержки. Тем самым проблема заключается не столько в отсутствии языковых инициатив, сколько в неспособности превратить совокупность точечных проектов в устойчивую инфраструктуру воспроизводства языка.

Опора исключительно на оценки профессиональных филологов и языковых активистов обеспечила высокую аналитическую плотность материала и вместе с тем задала специфические эпистемологические ограничения. Академическому сообществу традиционно свойственны жесткие пуристские установки и прескриптивизм – ориентация на классическую литературную норму в купе со стремлением защитить язык от заимствований и структурного упрощения. Следствием такого пуризма оказывается резкая стигматизация гибридных, неполных или символических форм владения языком, что проявилось в использовании экспертами таких терминов, как «имитация» и «суррогат». Подобная позиция часто приводит к критическому или пренебрежительному отношению к новым носителям (*new speakers*) – молодежи, осваивающей язык в усеченном формате через социальные сети, музыку и/или туризм. Экспертный взгляд, сосредоточенный на оплакивании уходящего аутентичного вернакуляра, чреват недооценкой компенсаторного потенциала этих новых практик. Устранение данного ограничения формирует повестку для дальнейших исследований, в фокусе которых должны оказаться стратегии семейной языковой политики рядовых горожан и мотивы молодых носителей, формирующих контуры поствернакулярного будущего родных языков КБР.

Библиографический список

1. Мочалов А. Н. Законодательство о языках народов Российской Федерации: состояние и направления совершенствования (федеративный аспект) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 19–34. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_19; EDN: CYDPVU.
2. Benor S. B. Ethnolinguistic Infusion: Community Language Socialization and Reclamation without Proficiency // Language in Society. 2026. Vol. 55. No. 3. P. 407–431. DOI: 10.1017/S0047404525101851.
3. Freeland J. Linguistic Revitalization: Social Stakes and New Research Directions. An Afterword // Langage et société. 2013. Vol. 145. No. 3. P. 81–100. DOI: 10.3917/e.ls.145.0081.
4. Grutman R. Post-Vernacular Self-Translation: Bringing Languages Back from the Brink // Lezioni di Traduzione. 2025. No. 4. P. 19–38. URL: <https://amsacta.unibo.it/id/eprint/8690/1/Grutman%20LdT%204.pdf> (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.6092/unibo/amsacta/8690.

5. Heller M. Language, Skill and Authenticity in the Globalized New Economy // *Noves SL.: Revista de sociolingüística*. 2005. No. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2049785> (дата обращения: 01.07.2026).
6. Heller M. The Commodification of Language // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39. P. 101–114. DOI: 10.1146/annurev.anthro.012809.104951.
7. Liu A., Rui S., Deng Z. Small Tourism Entrepreneurs, Heritage Authenticity and Tourism Gentrification: A Critical Engagement with More-than-representational Theory // *Journal of Heritage Tourism*. 2026, March. P. 1–16. DOI: 10.1080/1743873X.2026.2625838.
8. Lonardi S. Minority Languages and Tourism: A Literature Review // *Journal of Heritage Tourism*. 2022. Vol. 17. No. 3. P. 342–356. DOI: 10.1080/1743873X.2021.2012183.
9. Schram F. Moin, Schietwedder, and Freely Phrased Sentences: The Commodified Use of Low German on Instagram // *Language Internet*. 2023. Vol. 21. P. 79–101. DOI: 10.14434/li.v21.37374.
10. Shandler J. Postvernacular Yiddish: Language as a Performance Art // *The Drama Review*. 2004. Vol. 48. No. 1. P. 19–43. DOI: 10.1162/105420404772990655.
11. Zhang A., Xie J. Creation of a Pseudo-language as Spectacle: A Critical Study on the Linguistic Landscape of Heritage Tourism // *Annals of Tourism Research*. 2025. Vol. 115. DOI: 10.1016/j.annals.2025.104019.

Получено редакцией: 3.06.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кумыков Аюес Мухамедович, доктор философских наук, профессор, директор-организатор филиала

Тумов Аскер Асланбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2

Between public rhetoric and parental pragmatism: an expert perspective on the future of the native languages of Kabardino-Balkaria

Aues M. Kumykov

North Caucasian Branch of FCTAS RAS, Nalchik, Russia

ayues.kumykov@mail.ru

ORCID: 0009-0006-0869-2402

Asker A. Tumov

North Caucasian Branch of FCTAS RAS, Nalchik, Russia

tumovasker@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8684-8886

For citation: Kumykov A. M., Tumov A. A. Between public rhetoric and parental pragmatism: An expert perspective on the future of the native languages of Kabardino-Balkaria. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 14–39. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.2; EDN: RTVABQ.

Abstract. This article analyzes the transformation of the social functions of the Kabardian and Balkar languages in the contemporary Kabardino-Balkarian Republic amid urbanization, digitalization, changes in education policy, and the expansion of the tourism industry. The study aims to identify the mechanisms of language shift and to test the hypothesis that native languages are moving from their role as an everyday means of communication and a “foundation of culture” toward predominantly symbolic, ritual, instrumental, and commercialized forms of use. The theoretical framework draws on the concepts of language commodification, postvernacularity, and ethnolinguistic infusion, which make it possible to view the decline in everyday language use not only as language “loss” but also as a change in the range of social functions a language performs.

The study draws on a qualitative survey of seven regional experts—researchers, philologists, cultural workers, and language activists – conducted in April 2026. The questionnaire comprised 13 open-ended questions addressing changes in the language situation, language transmission within the family, the intergenerational gap, family folklore, the digital environment, tourism, urbanization, the role of schools and civic initiatives, as well as future prospects and research gaps. The responses were analyzed using thematic coding and a comparison of the experts’ perspectives.

Findings indicate a high degree of agreement among experts regarding the declining use of Kabardian and Balkar in family and everyday life and the weakening of intergenerational transmission. Young parents increasingly choose Russian for its practical value in education, social mobility, and career development; at the same time, traditional forms of family folklore are disappearing, while native languages are increasingly shifting into ritual, educational, digital, and tourism-related contexts. However, experts differ in their assessments of the extent of this shift: alongside interpretations of language as a decorative “spectacle,” they identify niches in which the languages remain in active use and new forms of symbolic use capable of sustaining ethnic identity even among those with limited language proficiency.

The study identifies a central paradox in the contemporary language situation: increasingly emphatic public rhetoric about the need to preserve native languages is not accompanied by renewed demand for their use in everyday life. This gap is sustained by a combination of urbanization, the absence of economic incentives for using these languages, the limited capacity of schools, and the institutional consequences of the shift to voluntary native-language study. Although individual digital, educational, and cultural initiatives demonstrate the capacity to create new domains of language use, their local scope and often project-based nature have so far prevented them from changing the overall trajectory of language shift. The article concludes that the prospects for Kabardian and Balkar should be analyzed not only in terms of preservation or disappearance but also through the study of postvernacular practices, family language policy strategies, and the behavior of “new speakers.” The small expert sample calls for further research involving young parents, young people, and other groups directly shaping the everyday linguistic environment.

Keywords: sociolinguistics, minority languages, Kabardian language, Balkar language, language commodification, postvernacularity, language shift

References

1. Mochalov A. N. Legislation on the Languages of the Peoples of the Russian Federation: The State and Directions of Improvement (Federal Aspect). *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023: 6: 19–34 (in Russ.). DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_19; EDN: CYDPVU.
2. Benor S. B. Ethnolinguistic Infusion: Community Language Socialization and Reclamation without Proficiency. *Language in Society*, 2026: 55: 3: 407–431. DOI: 10.1017/S0047404525101851.
3. Freeland J. Linguistic Revitalization: Social Stakes and New Research Directions. An Afterword. *Langage et société*, 2013: 145: 3: 81–100. DOI: 10.3917/e.ls.145.0081.
4. Grutman R. Post-Vernacular Self-Translation: Bringing Languages Back from the Brink. *Lezioni di Traduzione*, 2025: 4: 19–38. Accessed 01.07.2026. URL: <https://amsacta.unibo.it/id/eprint/8690/1/Grutman%20LdT%204.pdf>. DOI: 10.6092/unibo/amsacta/8690.
5. Heller M. Language, Skill and Authenticity in the Globalized New Economy. Noves SL.: *Revista de sociolingüística*, 2005: 2. Accessed 01.07.2026. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2049785>.
6. Heller M. The Commodification of Language. *Annual Review of Anthropology*, 2010: 39: 101–114. DOI: 10.1146/annurev.anthro.012809.104951.

7. Liu A., Rui S., Deng Z. Small Tourism Entrepreneurs, Heritage Authenticity and Tourism Gentrification: A Critical Engagement with More-than-representational Theory. *Journal of Heritage Tourism*, 2026: March: 1–16. DOI: 10.1080/1743873X.2026.2625838.
8. Lonardi S. Minority Languages and Tourism: A Literature Review. *Journal of Heritage Tourism*, 2022: 17: 3: 342–356. DOI: 10.1080/1743873X.2021.2012183.
9. Schram F. Moin, Schietwedder, and Freely Phrased Sentences: The Commodified Use of Low German on Instagram. *Language Internet*, 2023: 21: 79–101. DOI: 10.14434/li.v21.37374.
10. Shandler J. Postvernacular Yiddish: Language as a Performance Art. *The Drama Review*, 2004: 48: 1: 19–43. DOI: 10.1162/105420404772990655.
11. Zhang A., Xie J. Creation of a Pseudo-language as Spectacle: A Critical Study on the Linguistic Landscape of Heritage Tourism. *Annals of Tourism Research*, 2025: 115. DOI: 10.1016/j.annals.2025.104019.

The article was submitted on: July 3, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aues M. Kumykov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Branch Director

Asker A. Tumov, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow

Приложение. Список экспертов

Эксперт № 1 – доктор филологических наук, профессор, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 2 – писатель, языковой активист.

Эксперт № 3 – кандидат исторических наук, доцент, исследователь.

Эксперт № 4 – кандидат филологических наук, доцент, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 5 – кандидат филологических наук, доцент, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 6 – доктор филологических наук, профессор, исследователь, языковой активист.

Эксперт № 7 – работник культуры, языковой активист.

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3

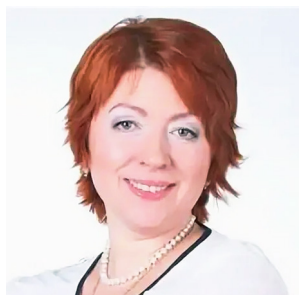
EDN: RWHJSE

Жизненные стратегии студенческой молодежи Екатеринбурга как отражение кризиса социального контракта

Ссылка для цитирования: Зайцева Е. В., Бритвина И. Б. Жизненные стратегии студенческой молодежи Екатеринбурга как отражение кризиса социального контракта // *Вестник Института социологии*. 2026. Том 17. № 3. С. 40–61. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3; EDN: RWHJSE.

For citation: Zaitseva E. V., Britvina I. B. Life strategies of university students in Yekaterinburg as a reflection of a crisis in the social contract. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 40–61. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3; EDN: RWHJSE.

Зайцева Екатерина Васильевна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

e.v.zaitceva@urfu.ru

SPIN-код: 8618-6729

Бритвина Ирина Борисовна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

irina.britvina@urfu.ru

SPIN-код: 8650-6509

Аннотация. В статье обсуждается кризис субъектности студенческой молодежи в условиях трансформации социального контракта. Актуальность работы обусловлена нарастающим разрывом между патерналистскими ожиданиями студентов и институциональной дисфункцией, провоцирующей кризис субъектности будущих выпускников вузов одного из главных экономических и культурных центров страны – города Екатеринбурга. Цель исследования – определить, как в условиях институциональной неопределенности и геополитических рисков трансформируются жизненные стратегии учащейся молодежи (миграция, латентная адаптация, «верность» системе). Теоретический каркас исследования составили: концепция относительной депривации Р. Мертон и Т. Гарра, модель адаптивного поведения А. Хиршмана (EVLN) и теория институционального доверия П. Штомпки. В качестве эмпирической базы использовались данные социологического опроса студентов ($n = 1188$, 2025 г.). В ходе анализа была выявлена стратегия «латентной адаптации», или отложенного действия, свойственная значительной доле неопределившихся молодых людей. Полученные результаты позволяют утверждать, что разрыв между патерналистскими ожиданиями молодежи и институциональными возможностями вызван рассогласованием инерционных традиций социализации и современной рыночной среды, а не исключительно институциональной дисфункцией. В таких условиях «верность» системе трансформируется из ценностной установки в кризис инструментальной рациональности: при невозможности реализовать легальные каналы влияния («голос») молодежь выбирает стратегии «выхода» или «латентной адаптации». Научная новизна работы заключается в дифференциации эндогенных (правоприменение, коррупция) и экзогенных рисков, влияющих на горизонт планирования молодых специалистов. В заключении делается вывод о том, что восстановление доверия требует не увеличения числа формальных программ, а снижения эндогенной неопределенности институциональной среды.

Ключевые слова: молодежь, социальный контракт, патерналистские ожидания, жизненные стратегии, инструментальная рациональность, эндогенная и экзогенная неопределенность, миграционные установки

Введение

Метафора «социального контракта» между государством и студенческой молодежью позволяет зафиксировать системный кризис взаимных ожиданий, наблюдаемый в современной России. В отличие от современной трактовки макросоциологического «общественного договора», предложенной Ж. Т. Тощенко [23], данный конструкт рассматривается нами не как формализованный акт, а как система негласных ожиданий, где лояльность обменивается на гарантии «старта». Согласно теории относительной депривации социальное недовольство порождается не столько абсолютной бедностью, сколько разрывом между ценностными ожиданиями (субъективными представлениями о должном уровне жизни и справедливости) и невозможностью их реализовать в рамках существующей институциональной среды [14; 7]. Как следствие, возникает насущная задача оценить, насколько этот разрыв становится сегодня критическим для молодежи, превращая «мечту» о стабильном будущем в источник отчуждения.

Ситуация усугубляется дефицитом институционального доверия, который, согласно концепции П. Штомпки [26], лишает взаимодействия власти и гражданина прозрачности. Соответственно, когда государство приобретает в глазах своих граждан образ непредсказуемого арбитра, оно теряет статус надежного партнера по социальному контракту. В этом случае гражданам, включая молодежь, приходится искать альтернативные способы защитить свое будущее.

В данной статье мы переосмысливаем модель «выхода, голоса и верности» А. Хиршмана [24] в контексте российской специфики. Эвристическая ценность этой модели для нашего исследования заключается в ее способности операционализировать поведенческие стратегии акторов в условиях институционального стресса. В отличие от классических интерпретаций, где «выход» – это пассивный уход, мы предлагаем рассматривать трудовую и образовательную эмиграцию как косвенную форму реализации личной субъектности (агентности). Когда легальные каналы для артикуляции интересов («голос») заблокированы или сопряжены с высокими рисками, выбор в пользу (э)миграции становится рациональным политическим решением. Это осознанный поступок актора, стремящегося защитить свой горизонт планирования там, где среда не предлагает инструментов для реализации человеческого потенциала.

В статье обосновывается тезис о том, что для современной российской молодежи эмиграция – это не деполитизация, а вынужденная активная форма отстаивания своих прав на будущее. Наша цель – показать, как жизненные стратегии смещаются от «верности» [24] к поиску альтернативных пространств, и почему попытки государства использовать идеологические инструменты вместо прагматических лишь усугубляют ситуацию с разрывом социального контракта.

Теоретические основания анализа вовлеченности государства в жизненные стратегии молодежи

Механизм «разбитых мечтаний» как следствие разрыва социального контракта. Теория относительной депривации Р. Мертона и Т. Гарра [14; 7], фиксирующая разрыв между притязаниями и ресурсами, несмотря на сохраняемый ею эвристический потенциал, сегодня все же нуждается в определенном переосмыслении. Так, феномен «разбитых мечтаний» следует рассматривать не как частное психологическое разочарование, а как системный результат **разрыва социального контракта**. В контексте нашего исследования этот контракт выступает не формально-юридическим актом, а социологической метафорой, описывающей укоренившуюся в общественном сознании систему взаимных экспектаций. Эмпирическим основанием для применения данного конструкта служат устойчивые нормативные установки учащейся молодежи, зафиксированные в том числе в ходе опроса. В соответствии с ними, молодые люди,

инвестируя свои ресурсы (усилия в получение образования, законопослушность, конвенциональное поведение), ожидают получить в обмен на это встречные гарантии «социального старта». Однако, если государство, декларируя на словах поддержку, на деле не обеспечивает функционирование прозрачных социальных лифтов, возникает ситуация институционального вакуума, провоцирующая депривацию [14].

Как отмечает Р. В. Парма, относительная депривация основывается на «воспринимаемом несоответствии между тем, что “есть”, и тем, что “должно быть”» [18, с. 118]. Ключевым моментом здесь является то, что недовольство молодежи проистекает из сравнения своего реального положения не с абсолютной бедностью, а с субъективными ожиданиями от «институционального партнера» – государства. Это подтверждается тезисом о том, что «коллективное разочарование является результатом неспособности соответствовать субъективным, а не объективным стандартам» [18, с. 118]. В рамках нашего исследования описанный паттерн находит четкое эмпирическое подтверждение. Несмотря на относительно высокий уровень жизни в таком крупном экономическом центре, как Екатеринбург, выпускники вузов демонстрируют острую относительную депривацию. Полученные нами данные показывают, что подавляющее большинство опрошенных (78,9%) артикулирует патерналистский запрос на обеспечение доступным жильем в качестве обязательного условия «социального старта». Однако при столкновении с реальностью, когда 48,1% молодых специалистов сообщают о низкой стартовой оплате труда как факторе «выталкивания», возникает острый конфликт. Таким образом, фрустрация молодежи вызвана не угрозой базовому выживанию, а крушением медийно и социально сформированного образа гарантированного успешного будущего.

Феномен «разбитых мечтаний» наиболее ярко проявляется в межпоколенческом разрезе. А. Ю. Арестов, исследуя поколения Y и Z, показал, что молодежь сталкивается с «институциональным барьером взросления»: достижение стандартов автономности (накопление сбережений и наличие собственного жилья) становится для них значительно более сложной задачей, чем для предыдущих поколений [2, с. 40]. Это создает эффект «отложенной жизни». Падение качества жизни на фоне высоких ожиданий провоцирует «крупномасштабную ревизию политических ценностей» [2, с. 38], превращая социальное разочарование в фактор институционального риска.

Вовлеченность государства в этот процесс оценивается молодежью преимущественно негативно. Согласно результатам ивент-анализа, проведенного А. С. Огневым и др., катализаторами недовольства выступают именно те сферы, за которые несет ответственность власть: социальная защита, городская инфраструктура, стабильность рынка труда. Депривация подпитывается убежденностью граждан в том, что власти «не создали условий для материального процветания» [16, с. 99], и в условиях цифровой среды ситуация в целом радикализируется еще больше вследствие вирусного распространения контента о социально-экономических провалах [17, с. 57].

Разрыв между патерналистскими ожиданиями, сформированными главным образом в ходе первичной социализации в семье и буквальным восприятием официальной риторики о социальном государстве, с одной стороны, и реальностью, с другой, приводит к состоянию «тотального разочарования». Обсуждая результаты исследования 2021 г., нацеленного на выявление мотивов участия российской молодежи в несанкционированных акциях, А. А. Войник и М. Р. Снегур указывают, что поляризация и маргинализация гражданского участия некоторых групп во многом вызваны признанием легальных форм коммуникации с государством как неэффективных [6, с. 272]. Когда институциональные каналы «голоса» не работают, молодежь начинает воспринимать любые формы самовыражения как протестные, поскольку «государство наступает на их важнейшие потребности» [12, с. 38]. Поэтому депривация – это не просто недовольство экономикой, это системный кризис ожиданий, психологическая основа для отчуждения и поиска неконвенциональных путей реализации жизненных стратегий.

Модель А. Хиршмана как рамка для понимания агентности. В контексте изучения миграционных планов классическая модель А. Хиршмана («выход (*exit*) – голос (*vois*) – верность (*loyalty*)», EVL), описывающая стратегии поведения индивида в ответ на ухудшение качества институтов, имеет фундаментальное значение [24]. В условиях социально-экономической неопределенности эти стратегии перестают быть линейными.

В рамках нашего исследования эмиграция понимается не как «бегство», а как стратегия реализации индивидуальной субъектности, обусловленная снижением эффективности каналов институциональной коммуникации. Согласно подходу А. Хиршмана, выбор опции «выход» становится рациональной альтернативой в условиях, когда издержки использования каналов «голоса» превышают ожидаемую пользу от трансляции запросов к институтам. Как отмечают М. С. Константинов и С. П. Поцелуев, «атрофия дешевых и эффективных каналов для выражения недовольства повышает вероятность выбора опции “выход”» [11, с. 43]. Соответственно, эмиграция здесь предстает не как акт деполитизации, а как реактивная стратегия защиты жизненных планов индивида в ситуации, когда субъект фиксирует невостребованность своих интересов со стороны институциональной среды.

Эту мысль развивают М. Кутлай и З. Онис, подчеркивая, что в политических системах с ограниченным публичным пространством издержки стратегии «голоса» возрастают. Конкретно это выражается в институциональной фильтрации запросов элиты и молодежи: их интересы систематически не попадают в повестку дня, а попытки артикуляции сопряжены с репутационными и административными рисками. В таких условиях эмиграция становится рациональной стратегией защиты личного горизонта планирования, поскольку цена диалога с государством оказывается непропорционально высокой [29, с. 385].

Противоположной эмиграции («выходу») стратегией является попытка изменить ситуацию изнутри («голос»). Л. Е. Бляхер и А. В. Ковалевский, анализируя кейс Хабаровска, интерпретировали переход к активному «голосу» как восстановление политической субъектности: когда государство игнорирует интересы граждан, протест становится инструментом защиты идентичности [3, с. 109, 126]. Сходные процессы описала М. А. Давыдова, отметив при этом способность цифровых медиа быстро конвертировать скрытое недовольство в открытый «голос» [9, с. 156].

Ряд современных исследований, в том числе С. В. Расторгуева [20], посвященное поколению Z, позволяют говорить о расширении модели Хиршмана до формата EVLN («голос», «выход», «верность», «латентная адаптация» (*neglect*)). Так, для поколения Z опция «выхода» часто ограничена, что заставляет его представителей выбирать альтернативу в виде «латентной адаптации». Это не пассивное бездействие, а стратегия «отложенного действия»: человек остается внутри системы, внешне сохраняя лояльность, но внутренне реализовывая психологический разрыв.

Эмпирически данная стратегия фиксируется через устойчивый разрыв между миграционными установками (настроениями) и реальными практическими действиями. Как отмечают Н. С. Чернышева и Юйсинь Чжан, в российской молодежной среде миграционные намерения часто носят декларативный характер и не всегда трансформируются в реальное миграционное поведение, так как его реализация сопряжена с высокими издержками [25]. В этой ситуации «латентная адаптация» проявляется в том, что человек, сохраняя формальную включенность в институты, прекращает качественное воспроизводство их норм и переходит к стратегии «отложенного действия», при которой горизонт планирования жизни оказывается институционально отчужденным от среды текущего пребывания [27].

Таким образом, модель А. Хиршмана в современных исследованиях трансформируется в многомерную матрицу стратегий. Эмиграция сегодня интерпретируется как «выход» в условиях, когда каналы «голоса» заблокированы. Игнорирование ожиданий молодежи со стороны государства провоцирует либо «утечку мозгов» (внешний «выход»), либо внутреннюю (психологическую) эмиграцию и отчуждение («латентную адаптацию»), что в долгосрочной перспективе чревато истощением регионального человеческого капитала.

Материальная и нематериальная коррупция как фактор институциональной дисфункции. Уровень институционального доверия – фундаментальный фактор, определяющий вовлеченность государства. В рамках концепции П. Штомпки доверие – это «продукт истории», опирающийся на прозрачность институтов и нормативную ответственность власти [25], а в контексте нашего исследования это уверенность студентов в том, что действия государства соответствуют их ожиданиям [19, с. 142].

Фундаментом доверия выступает институциональная подотчетность власти перед обществом, пусть даже мнимая, а не реальная. И наоборот, разделяемое молодежью представление о некомпетентности чиновников, часто транслируемое через медиасреду, становится первичной причиной

недоверия власти [8, с. 29]. В условиях неэффективности институтов формируется «культура цинизма» и аномия, блокирующая созидательные инициативы [8, с. 31]. Особое место среди факторов подрыва моделей доверия занимает коррупция [5, с. 55]. В рамках нашего исследования целесообразно операционализировать это понятие, разделив материальную и нематериальную коррупцию. Если первая является транзакционным обменом с использованием финансовых средств (взятки, откаты), то вторая носит социальный характер и выражается в практиках nepотизма, фаворитизма и использовании теневого социального капитала («блата») для получения карьерных или статусных преимуществ. И. А. Юрасов с соавторами раскрыл парадоксальный характер связи социального доверия и коррупции: при дефиците официального доверия оно «перетекает» в неформальные сферы. Коррупция становится формой «горизонтальной самоорганизации», которая временно снимает разрыв между обещаниями элиты и реальностью, но при этом делает невозможным развитие легальных институтов [27, с. 734]. Коррупционные связи в «мы-группах» фактически подменяют собой государственные гарантии, что ведет к атомизации общества [там же, с. 749].

Для молодежи это означает утрату горизонта планирования. Люди, ориентированные на успех через собственные компетенции, сталкиваются со скептицизмом, если в обществе ценность «силы» доминирует над законом [22, с. 96]. В условиях цифровизации новые экономические практики дополнительно снижают подотчетность институтов [13, с. 108]. Дефицит доверия становится катализатором дезинтеграции. Как отмечает В. А. Смирнов, информационное воздействие, направленное на дискредитацию институтов, оказывается эффективно именно там, где реальный опыт взаимодействия с властью сопряжен с несправедливостью [21, с. 337].

Итак, центральной проблемой является разрыв между патерналистскими ожиданиями студентов и институциональными возможностями. Важно подчеркнуть, что данный разрыв не является следствием односторонней «неэффективности» государства. Патерналистские ожидания формируются под воздействием длительной институциональной традиции, в рамках которой государство исторически выступало гарантом базовых жизненных траекторий: образование – трудоустройство – жилье. Указанная традиция продолжает воспроизводиться через семейные нарративы и до сих пор сохраняется в массовом сознании, хотя объективные условия (рыночная экономика, сокращение социальных обязательств) давно сделали ее нереализуемой. Одновременно с этим молодежь, ориентированная на высокие стандарты самореализации, сталкивается с «организованной безответственностью» институтов – ситуацией, при которой ответственность за жизненный успех делегируется самому человеку, а институциональные механизмы, могущие способствовать ему на пути к успеху, остаются неразвитыми. На основании вышесказанного можно заключить, что разрыв порожден несовпадением темпов изменения ожиданий и институциональной среды: первые инерционны и были унаследованы

от предшествующих поколений, тогда как вторые уже успели трансформироваться в сторону либеральной модели, не предоставив молодым людям адекватных компенсаторных механизмов.

Тезис о том, что коррупция подрывает доверие, делая долгосрочное планирование внутри страны затруднительным, вполне согласуется с концепцией П. Штомпки. В результате легальные формы коммуникации с властью начинают восприниматься как имитационные, а цифровая медиасреда становится катализатором, формирующим устойчивую установку на «выход». При этом важно учитывать: предсказуемость будущего не может быть обеспечена исключительно институциональными реформами. Часть факторов неопределенности, например геополитическая напряженность, риски глобальных конфликтов и природных катаклизмов, носит экзогенный характер и находится вне зоны контроля любого национального правительства. Поэтому восстановление доверия не следует понимать как избавление от всех рисков – подобное невозможно. Речь идет об их дифференциации: институты могут и должны снижать эндогенную неопределенность (произвольность правоприменения, непрозрачность правил), даже если экзогенная остается неустранимой. Именно в такой дифференциации, а не в абстрактном обещании «предсказуемости», заключается реалистичная стратегия сохранения человеческого капитала.

Методический дизайн и операционализация теоретических конструкторов

Методический дизайн исследования ориентирован на анализ кризиса субъектности молодежи в условиях разрыва социального контракта с целью выявить детерминанты, определяющие трансформацию жизненных стратегий молодых специалистов от «верности» системе к поиску альтернативных пространств реализации в ситуации институциональной неопределенности.

Под «верностью системе» здесь понимается не эмоциональная лояльность, а инструментальная стратегия: субъект инвестирует ресурсы в ожидании предсказуемой институциональной отдачи – гарантированного трудоустройства, жилья, социального лифта. Эта стратегия доминировала в советской модели контракта, где государство выступало монопольным гарантом успеха. В постсоветский период формальные гарантии исчезли, а новые механизмы не стали предсказуемыми из-за коррупции и произвольности правоприменения. Предметом настоящего исследования является не «утрата верности» как психологический сдвиг, а кризис инструментальной рациональности: стратегия «верности» перестала быть экономически рациональной, что порождает поиск альтернатив как внутри страны (неформальные сети, самозанятость), так и за ее пределами (эмиграция, удаленная занятость).

Эмпирическую базу составили данные социологического опроса, проведенного в 2025 г. среди студентов выпускных курсов шести крупнейших вузов г. Екатеринбурга: УрФУ, УрГЭУ, УГГУ, УрГПУ, УГЛТУ, УрГУПС¹. Всего методом личного анкетирования было опрошено 1188 чел. Выбор метода определялся необходимостью получить развернутые ответы на полуоткрытые вопросы, которые затем планировалось подвергнуть контент-анализу для фиксации уникальных суждений молодых людей о характере их восприятия государственных институтов, а также эмпирически определить наличие, формы выражения и факторы возможного отчуждения. Отбор респондентов велся с применением квотной выборки, репрезентативной по полу, возрасту и уровню обучения.

Исходные теоретические конструкты были операционализированы в систему эмпирических индикаторов:

1. Стратегия «выхода» измерялась через миграционные намерения выпускников (планы на обучение и трудоустройство за рубежом), трактуемые как акт реализации индивидуальной агентности в условиях «неработающего» контракта.

2. Стратегия «голоса» эмпирически интерпретировалась как активная артикуляция интересов и форма обратной связи с государством; данный конструкт измерялся через два блока индикаторов: а) запрос на институциональную подотчетность и прозрачность власти, б) артикуляция социальных ожиданий (оценка зон ответственности государства и требования к качеству социальной политики).

3. Стратегия «верности» фиксировалась через готовность выпускников к профессиональной интеграции в государственный сектор и их привязанность к «семейным якорям» (социальный капитал), подменяющим государственные институты в качестве страхового механизма.

4. Стратегия «латентной адаптации», трактуемая нами как «стратегия замирания» или «отложенного действия» в ответ на невозможность долгосрочного планирования, изучалась через показатели институционального недоверия и высокого уровня неопределенности («не знаю»).

Структура полученной выборочной совокупности отражала ключевые сегменты генеральной совокупности студентов:

- гендерный состав: женщины – 58,9% (700 чел.), мужчины – 41,1% (488 чел.);
- уровень обучения: бакалавриат – 74,2% (882 чел.), магистратура – 15,6% (185 чел.), специалитет – 10,2% (121 чел.);
- возрастные группы: 20–21 год – 34,9%; 22–23 года – 36%; 24 года и старше – 29,1%.

¹ Уральский федеральный университет, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный гуманитарный университет, Уральский государственный педагогический университет, Уральский государственный лесотехнический университет, Уральский государственный университет путей сообщения.

Разработанный специально для этого исследования методический инструментарий позволил определить, как накопленный образовательный и социальный капитал влияет на выбор стратегии выживания в условиях, когда классические инструменты социального контракта перестают быть регуляторами жизненных планов.

Патерналистский профиль ожиданий и дефицит институционального доверия в молодежной среде

Исследование зафиксировало глубокую деформацию системы взаимных ожиданий молодежи и государства. Полученные данные позволяют структурировать механизм формирования «разбитых мечтаний» по логической схеме «ожидания – реальность (институциональный барьер) – стратегия адаптации (агентность)».

Содержание социального контракта. Ответы на вопрос о мерах по повышению комфорта жизни демонстрируют не столько запрос на развитие рыночной среды, сколько требование прямого патерналистского вмешательства (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Мотивационный профиль и факторы удержания
(% от общего числа ответов в группе)
Motivational profile and retention factors
(% of total responses in the group)

Фактор удержания (Q16)	Госсектор («лоялисты»)	Частный сектор («прагматики»)
Привязанность к семье	26	38
Чувство патриотизма	18	10
Достойная зарплата	12	9
Жилищный вопрос	11	15

Источник: здесь и далее составлено авторами на основе данных исследования.

Данные показывают фундаментальное расхождение между двумя категориями будущих специалистов: для «лоялистов», выбирающих госсектор, удерживающим фактором чаще выступает «чувство патриотизма» (18%), тогда как для «прагматиков», ориентированных на частный сектор, – личный социальный капитал (семья) и материальные условия. Это подтверждает гипотезу: лояльность к государственному сектору в значительной степени детерминирована идеологическими установками, которые выступают «компенсатором» неконкурентных условий труда. В свою очередь частный сектор воспринимается как пространство для реализации субъектности. Впрочем, подобные установки могут свидетельствовать и о социальной неподготовленности завтрашних выпускников, идеализирующих корпоративную среду, где требования к институциональной лояльности зачастую еще жестче.

Институциональная дисфункция как барьер планирования.

Разрыв контракта проявляется в том, что государство воспринимается как «должник», не выполняющий обязательств по обеспечению «социального старта». Особого внимания заслуживает статистическая связь между уровнем образовательного капитала и критичностью восприятия системы. Расчет коэффициента V Крамера (0,092 при $p < 0,05$) подтверждает: магистранты, обладающие более высоким уровнем рефлексии, острее воспринимают расхождение между декларируемыми государством социальными гарантиями и реальными неформальными практиками (в частности, зависимостью карьерного старта не от личных компетенций, а от «блата», кумовства и иных форм нематериальной коррупции), что ведет к эрозии институционального доверия.

Для проверки гипотезы о «системности» кризиса мы сравнили ответы в разных возрастных когортах (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Профиль предпочтений по возрасту и полу (% от группы)
Age and gender preference profile (% of group)

Возрастная когорта, лет	Госсектор (лояльность)	Частный сектор (прагматизм)	«Дезориентированные» (не знаю)
20–21	9,8	45,2	45,0
22–23	11,2	43,1	45,7
24 и старше	12,5	41,8	45,7

Анализ выявил *возрастную гомогенность*. Во всех группах готовность работать в госсекторе остается критически низкой – менее 13%. Отсутствие статистически значимых различий в ответах доказывает, что кризис доверия является для поколения Z системным феноменом, а не временным состоянием «юношеского максимализма».

Стратегии адаптации: от «замирания» к «выходу». Анализ реакций студентов на разрыв контракта позволил выявить довольно большую долю молодых людей с неопределенными планами (до 45%), что, согласно модели EVLN, интерпретируется не как пассивность, а как *стратегия латентной адаптации*, или «замирания».

Таблица 3 (Table 3)

Кризис горизонта планирования (допускался множественный выбор, % от группы)
Crisis of planning horizons (multiple responses allowed; % of group)

Ожидания от поиска работы	В России	За рубежом	«Дезориентированные» («не знаю»)	Итого
Уверенные (найду сразу)	78	16	6	100
Осторожные (потребуется время)	71	24	5	100
Пессимисты (искать долго)	63	28	9	100
Кризис (ответ «не знаю»)	62	13	25	100

Группа «дезориентированных» (25%) находится в состоянии *институциональной фрустрации*. Неспособность связать свои профессиональные ожидания с конкретной географией – это не отсутствие амбиций, а защитная реакция на невозможность долгосрочного планирования. В условиях, когда «легальные каналы» («голос») недоступны или сопряжены с рисками, эта группа демонстрирует стратегию «латентной адаптации»: человек физически остается в системе, но внутренне совершает разрыв, прекращая качественное воспроизводство институтов.

В целях более глубокого изучения факторов «выталкивания» был проведен контент-анализ ответов на полуоткрытые вопросы (альтернатива «Другое»). Для обеспечения сопоставимости суждения мы объединили их в пять семантических кластеров: экономический (зарплаты, перспективы), политико-правовой (геополитика, коррупция, права), образовательно-профессиональный (стажировки, опыт), инфраструктурно-средовой (климат, медицина, жилье) и личностный. Единицей счета выступало упоминание смыслового концепта в ответе респондента.

По итогам анализа были выделены семантические доминанты, обнаруживающие глубинный конфликт между ожиданиями молодежи и реальностью.

1. В ответах студентов доминируют лексемы, связанные с «недостатком правового государства», «отсутствием политической конкуренции» и «риском неправомерных действий»¹. Это свидетельствует о том, что для значительной их части комфорт и безопасность невозможны без институциональных правовых гарантий. Молодежь артикулирует запрос на верховенство права как необходимое условие личной субъектности.

2. Лексемы «завершение СВО», «отмена призыва» и «нестабильность» маркируют геополитическую повестку как главный барьер для долгосрочного планирования. В контексте разрыва социального контракта спецоперация выступает масштабным экзогенным фактором неопределенности, находящимся вне прямого контроля региональных (а в значительной степени и федеральных) институтов, но при этом существенно корректирующим реализацию личных стратегий и создающим экзистенциальный риск для жизни.

3. Суждения о «стабильности курса валюты», «реальном импортозамещении» и «регуляции цен» показывают, что инфляционные риски и непредсказуемость экономического поля рассматриваются как дестабилизаторы, препятствующие нормализации жизни. Вузовская молодежь, демонстрируя экономический прагматизм, фиксирует разрыв между официальной риторикой об «открывающихся возможностях» и собственным опытом столкновения с ценовым давлением.

¹ Следует оговориться: подобные формулировки во многом являются ретрансляцией медийных штампов, усвоенных через социальные сети и блогосферу, тем не менее они четко фиксируют субъективное восприятие социальной реальности.

Выявленные тенденции подтверждают тезис о трансформации жизненных планов в направлении от стратегии развития к стратегии выживания. Если распределение ответов на закрытые вопросы устанавливает факт недоверия, то контент-анализ текстовых данных позволяет определить его структуру: недоверие вызвано не абстрактной «политикой», а конкретным воздействием геополитических и правовых факторов на индивидуальную траекторию жизни. Для части студентов риск мобилизации или правовой незащищенности становится решающим аргументом в пользу реализации стратегии «выхода» или «латентной адаптации». Вместе с тем следует учитывать, что для другой части молодежи решение об участии в военных действиях (в том числе добровольном) обусловлено не инструментальным расчетом, а ценностными ориентациями, что выводит эту группу за пределы рассматриваемой нами модели рационального выбора.

Эмиграция («выход») для современного выпускника перестает быть актом деполитизации. Однако квалифицировать ее как «рациональное политическое решение» можно лишь с существенными оговорками. Ожидания, которые государство, по мнению студентов екатеринбургских вузов, игнорирует, конкретизируются в их нарративах как запрос на предсказуемость правовых норм (включая гарантии неприкосновенности личности и собственности), прозрачность социальных и карьерных лифтов, а также на институциональную защиту от произвольных административных решений. Игнорирование же выражается в отсутствии видимых изменений институциональной среды, несмотря на артикуляцию этих запросов в публичном пространстве.

Наконец, важно подчеркнуть, что стратегия безопасности, избираемая студенческой молодежью, не гарантирует достижения заявленной цели. В условиях глобальной геополитической нестабильности любая страна-реципиент может столкнуться с аналогичными кризисными сценариями, в связи с чем «выход» следует рассматривать не в качестве безусловного решения проблемы, а как попытку снизить текущие риски при сохранении фундаментальной неопределенности долгосрочного горизонта. Это обстоятельство, впрочем, не отменяет самого факта эмиграционного давления: независимо от объективной эффективности выбранной стратегии, сам по себе отток молодых специалистов ведет к истощению человеческого капитала страны-донора.

Интерпретация стратегий адаптации: от «разбитых мечтаний» к латентной адаптации

Полученные данные позволяют интерпретировать состояние студенческой среды г. Екатеринбурга не как совокупность отдельных мнений, а как индикатор возможного кризиса социального контракта в данной социально-демографической группе. Однако следует помнить: на представленных выводах неизбежно сказываются особенности выборки (городская образованная молодежь космополитичного мегаполиса), а потому требу-

ется их верификация на общероссийских данных. Кроме того, транслируемые установки могут формироваться опосредованно – через семью, круг общения и медиасреду, что ограничивает каузальную интерпретацию. Выпускники вузов указывают на острый конфликт между патерналистской риторикой государства и институциональной реальностью, в которой ключевые социально-бытовые запросы (доступное жилье, карьера) остаются нереализованными.

Проведенный анализ дает основания трактовать состояние относительной депривации как системный сбой. По Р. Мертону и Т. Гарру, депривация возникает при невозможности реализовать ценностные ожидания [14; 7]. Согласно полученным нами данным 78,9% молодых людей артикулируют запрос на доступное жилье, считая его центральным элементом своей «мечты» о старте, но институциональная среда видится им закрытой. Указание 27,5% завтрашних выпускников на коррупцию как фактор «выталкивания» подтверждает, что депривация носит институциональный характер: молодежь хочет не просто «благ», а легальных механизмов их получения, отсутствие которых делает стратегию развития невозможной.

Наш вывод согласуется с результатами, полученными А. Ю. Арестовым [2]: когда государство, обладая патерналистским имиджем, не выполняет функцию гаранта доступного старта, возникает «разбитая мечта», трансформирующаяся в политический риск. Данные табл. 4 наглядно демонстрируют этот разрыв: «точка кипения» (жилье) встречается с «непрозрачностью» (коррупция), что блокирует профессиональную самореализацию.

Таблица 4 (Table 4)

Соотношение патерналистских ожиданий и факторов депривации
(% от ответов, допускался множественный выбор)
Correlation between paternalistic expectations and deprivation factors
(% of responses, multiple responses allowed)

Категория запроса (ожидания)		Фактор «выталкивания» (реальность)	
Дешевое жилье	78,9	Низкая оплата труда	48,1
Соцобеспечение и медицина	49,0	Коррупция и кумовство	27,5
Чистая окружающая среда	30,5	Нестабильная геополитика	30,4

Интерпретация миграционных планов через модель А. Хиршмана позволяет увидеть специфику адаптации, которую мы предлагаем определять не как «пренебрежение», а как «стратегию латентной адаптации». Аномально высокая доля неопределившихся (34,7% – относительно обучения, 21,5% – относительно работы) свидетельствует о «стратегии замирания».

Если рассматривать приводимые данные с позиции расширенной модели EVLN, то они свидетельствуют не о пассивной аполитичности, а об осознанном отказе от легитимации системы. Классический «голос» (активный протест) требует веры в эффективность институтов, а «латентная адаптация» – это стратегия, при которой молодежь не разрывает связи

с государством физически, но отчуждается от него психологически, не видя смысла в диалоге. В условиях, когда коррупция блокирует стратегию «верности», лояльность не конвертируется в успех. Вместе с тем высокая доля ответов «не знаю» (табл. 5) допускает и альтернативную интерпретацию: она может указывать как на «расторжении контракта», так и на изначальное отсутствие в сознании студентов самой модели контрактных отношений с государством. Иными словами, «не знаю» может отражать не столько сознательный отказ от легитимации, сколько несформированность запроса на диалог как такового, поскольку государство не воспринимается в качестве стороны, с которой возможен или необходим контракт. В этом случае корректнее говорить не о «разрыве», а о семантической пустоте в восприятии отношений «личность – государство». Обе интерпретации (разрыв и отсутствие контракта) эмпирически неразличимы на основе данных закрытых вопросов, однако в обоих случаях фиксируется главное: отсутствие позитивных ожиданий от взаимодействия с институтами, что само по себе является значимым результатом.

Таблица 5 (Table 5)

Структура стратегий адаптации выпускников (% от ответов)
Structure of graduates' adaptation strategies (% of responses)

Стратегия (по А. Хиршману / С. Расторгуеву)	Индикатор	
Верность	Планируют работать в России	72,0
Выход	Планируют работать в другой стране	6,6
Пренебрежение	Ответ «не знаю» о месте работы	21,5
Голос	Требование дешевого жилья	78,9

Примечание. Сумма превышает 100%, так как стратегии могут пересекаться.

Анализ удерживающих факторов вскрывает парадокс институционального доверия: главным «якорем» выступает не государственная политика, а «привязанность к семье и друзьям» (77,0%). П. Штомпка трактует доверие как продукт истории и прозрачности [26]. В российских условиях мы наблюдаем дефицит институционального доверия, который компенсируется «горизонтальной самоорганизацией» внутри малых групп («мы-групп»), что подтверждается результатами нашего исследования. Выпускники демонстрируют высокую лояльность социальному капиталу, но крайне низкую готовность интегрироваться в госсектор (11,3%). Это доказывает, что государство с его вовлеченностью воспринимается как внешняя, часто враждебная сила, а не как партнер. «Верность» молодежи стране держится на частных связях. Если эти связи будут ослаблены или «выход» станет экономически более выгодным (табл. 6), институциональное недоверие превратит миграционные намерения в реальный отток молодых специалистов из региона.

Таблица 6 (Table 6)

Иерархия факторов «верности» и «выталкивания»

Hierarchy of "loyalty" and "push-out" factors

Удерживающие факторы	Количество	Факторы недоверия / выталкивания	Количество
Привязанность к семье/друзьям	915	Высокая зарплата за рубежом	572
Жилищный вопрос решен	406	Нестабильная геополитика	361
Чувство патриотизма	343	Коррупция и кумовство	327
Возможность найти работу	260	Плохая экономика в России	397

В глазах молодежи вовлеченность государства носит декларативный характер. По сути, молодые люди оказываются в «патерналистской ловушке»: они ждут от государства поддержки, но из-за коррупции и нестабильности не доверяют ему. Это формирует состояние относительной депривации, где единственным надежным ресурсом остается семья. Государство проигрывает конкуренцию за доверие, что делает социальный контракт крайне хрупким и зависимым от внешних потрясений. Для сохранения человеческого капитала необходим переход от идеологической риторики к прагматическому обеспечению предсказуемости и созданию «безопасного горизонта», при котором легальные механизмы (а не коррупционные «мы-группы») будут гарантировать успех.

Выводы

Проведенное исследование миграционных планов и ценностных ориентаций выпускников вузов г. Екатеринбурга позволило сформулировать ряд выводов, раскрывающих наличие глубокой институциональной дисфункции и разрыва социального контракта.

1. Полученные данные фиксируют острое состояние относительной депривации в студенческой среде г. Екатеринбурга, вызванное не столько экономическими причинами, сколько *институциональным разрывом*. Запрос на патернализм (78,9% ожидают от властей решения жилищного вопроса) сталкивается с «организованной безответственностью» институтов. В сознании молодых людей государство перестало выполнять функцию гаранта «социального старта», превратившись, напротив, в структуру, создающую барьеры (коррупция, кумовство). Это ведет к «разбиванию мечты» и осознанию того, что институциональные правила игры непрозрачны, а значит, долгосрочное планирование жизни внутри страны невозможно.

2. Привлечение для анализа модели А. Хиршмана выявило, что классическая «верность» государству сегодня носит вынужденный и крайне хрупкий характер. Высокий уровень неопределенности (до 45% в отдельных группах) говорит не об аполитичности молодежи, а о реализации ею *стратегии «латентной адаптации»*, или «отложенного действия».

Это осознанная форма отчуждения, при которой человек, не имея возможности повлиять на систему через «голос», временно сохраняет лояльность, но перестает инвестировать свои таланты в развитие государственных институтов, рассматривая их как временный ресурс или поле рисков.

3. Выявлен парадокс распределения социального капитала: при глубоком кризисе доверия к государству главным «удерживающим фактором» для студенческой молодежи остается «привязанность к семье и друзьям» (77,0%). Семья фактически выполняет роль «частного буфера», страхующего риски и обеспечивающего безопасность, которую не гарантирует государство. Однако эта модель «оседлости» крайне нестабильна: она держится на межличностных связях, а не на эффективности институтов. При ослаблении данного «буфера» или изменении внешних условий, «латентная адаптация» мгновенно превратится в активный «выход» (миграцию).

4. Доказано, что эмиграция сегодня есть не бегство от проблем, а *рациональный акт реализации политической субъектности* (агентности). Студенты с высоким уровнем академической успеваемости и накопленным социальным капиталом чаще демонстрируют склонность к выбору опции «выход» как способу защитить свой личный горизонт планирования. Это свидетельствует о риске «негативной селекции»: государство сохраняет лояльность менее ресурсных групп, в то время как потенциал развития покидает страну или уходит во внутреннюю эмиграцию.

Для восстановления социального контракта в рамках молодежной политики необходимо сместить акценты с идеологического контура на *обеспечение прагматической предсказуемости*. Ключевыми мерами должны стать:

- запуск прозрачных механизмов «социального лифта», отвечающих на запрос о доступном жилье как базе для долгосрочного планирования;
- демонтаж институциональных барьеров, связанных с нематериальной коррупцией (в первую очередь непотизмом и клиентелизмом), которые подменяют прозрачные правила игры теневой лояльностью и блокируют меритократический отбор;
- развитие каналов реальной обратной связи («голоса»), а также системная информационно-воспитательная работа, направленная на демифологизацию медийных стереотипов о «западном благополучии» и формирование реалистичных карьерных ожиданий, адекватных текущему состоянию рынка труда.

Без восстановления фундамента институционального доверия вовлеченность государства будет оставаться декларативной, а человеческий капитал выпускников – ориентированным либо на внешние рынки, либо на «стратегию замирания», что в долгосрочной перспективе лишает страну возможности для модернизационного рывка.

Библиографический список

1. Алейников А. В., Мальцева Д. А., Тузова П. Р. Аудит экосистемы молодежной политики в Российской Федерации в условиях цифровизации: риск-рефлексивный подход (часть 1) // ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 133–144. DOI: 10.21638/spbu23.2023.109; EDN: GHAIUE.
2. Арестов А. Ю. Качество жизни граждан как фактор политических рисков // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 38–42. DOI: 10.24158/per.2024.1.4; EDN: MZeqJS.
3. Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. Что это было? (Предварительная рефлексия о хабаровских митингах) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 4. С. 108–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136; EDN: VDPFJH.
4. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157–179. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212; EDN: BGVQNQ.
5. Воеводина Е. В., Шихгафизов П. Ш., Штепа С. Е. Методологические принципы деятельностно-феноменологического подхода в изучении социальных механизмов формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 55–62. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-55-62; EDN: UFFDST.
6. Войник А. А., Снегур М. Р. Мотивы участия молодежи в несанкционированных протестных акциях // Вестник СПбГУ. Социология. 2023. Т. 16. № 3. С. 259–277. DOI: 10.21638/spbu12.2023.302; EDN: EUQIJG.
7. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют / Пер. с англ. В. В. Афанасьева. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
8. Герасимова Г. И. Феномен доверия в социальном управлении: теоретический аспект // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6(182). С. 26–32. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.2; EDN: AZCIAA.
9. Давыдова М. А. Протестная активность и акторы политической мобилизации в социальных медиа Республики Казахстан в январе 2022 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. № 4. С. 141–159. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-141-159; EDN: RRXGTP.
10. Казанцев Д. А., Асеев С. Ю. Анализ социальных сетей молодежных политических организаций Новосибирской области и Алтайского края // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 1. С. 64–85. DOI: 10.31429/26190567-21-1-64-85; EDN: DVMKSS.
11. Константинов М. С., Поцелуев С. П. Эмиграционные установки студенческой молодежи Юга России // Социодинамика. 2022. № 12. С. 40–58. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.12.39071; EDN: VDLXOG.

12. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 31–41. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.
13. Линченко А. А., Смылова О. Ю. Стратегии формирования культуры доверия в условиях цифровизации общества: социально-философский анализ // Вестник ТГУ. 2023. № 493. С. 103–111. DOI: 10.17223/15617793/493/12; EDN: MCHHNK.
14. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.
15. Мухаметов Р. Почему граждане доверяют правительству? Истоки политического доверия в современной России // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 196–218. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-196-218; EDN: RKLLDA.
16. Огнев А. С., Бродовская Е. В., Давыдова М. А. Выделение триггеров усиления сетей социального недовольства в субъектах РФ // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 98–106. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9244; EDN: NLCEAS.
17. Парма Р. В. Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности // Гуманитарные науки. Вестник Финун-та. 2022. Т. 12. № 2. С. 53–60. DOI: 0.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60; EDN: BCCQBO.
18. Парма Р. В. Теоретические основания формирования социального недовольства // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 116–123. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9472; EDN: TJBBIW.
19. Пушкарева Г. В., Сычев В. В. Политическое институциональное доверие в российском обществе // Государственное управление. 2023. № 100. С. 142–154. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-142-154; EDN: SXFCYO.
20. Расторгуев С. В. Проблематизация исследовательского поля поколения Z // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 118–123. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9247; EDN: QVLASV.
21. Смирнов В. А. Доверие общественно-политическим институтам: сравнительный анализ оценок молодежи «старых» и «новых» российских регионов // Вестник РУДН. Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 330–340. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-330-340; EDN: IOOJTN.
22. Татарко А. Н., Муха В. Н. Ценностный базис институционального и социального доверия в Краснодарском крае // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1(18). С. 83–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_83_99; EDN: HECQTH.
23. Тощенко Ж. Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024; EDN: LXHNHK.

24. Хиршман А. О. Выход, голос и верность: Реакции на упадок фирм, организаций и государств / Под ред. Г. И. Сапова. М.: Новое изд-во, 2009. 156 с.
25. Чернышёва Н. С., Чжан Юйсинь. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 135–143. DOI: 10.31857/S013216250018919-3; EDN: WBSGOO.
26. Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2014. 440 с.
27. Юрасов И. А., Бондаренко В. В. и др. Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как формы социального доверия // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 4(125). С. 733–753. DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753; EDN: VJCYJI.
28. Bahar L. C. Refining Albert O. Hirschman's Model: High-Performance Employee Covert Behavior Toward Organizational Identity Change. Diss. Malibu, Pepperdine University, 2025. 176 p.
29. Kutlay M., Öniş Z. Governance crises and resilience of authoritarian populism: 2023 Turkish elections from the perspective of Hirschman's "exit, voice, and loyalty" // Southeast European and Black Sea Studies. 2024. Vol. 24, No. 2. P. 383–403. DOI: 10.1080/14683857.2024.2315652.

Получено редакцией: 2.03.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Екатерина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления

Бритвина Ирина Борисовна, доктор социологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3

Life strategies of university students in Yekaterinburg as a reflection of a crisis in the social contract

Ekaterina V. Zaitseva

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

e.v.zaitceva@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-2112-3029

Irina B. Britvina

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

irina.britvina@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-2862-4408

For citation: Zaitseva E. V., Britvina I. B. Life strategies of university students in Yekaterinburg as a reflection of a crisis in the social contract. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 40–61. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3; EDN: RWHJSE.

Abstract This article examines a crisis of agency among university students amid the transformation of the social contract. The study's relevance stems from the growing tension between students' paternalistic expectations and institutional dysfunction, which precipitates a crisis of agency among future university graduates in Yekaterinburg, one of Russia's major economic and cultural centers. The study aims to determine how students' life strategies (migration, latent adaptation, and "loyalty" to the system) are transformed under conditions of institutional uncertainty and geopolitical risk. The theoretical framework draws on R. Merton's and T. Gurr's approaches to relative deprivation, the exit-voice-loyalty-neglect (EVLN) framework developed from A. Hirschman's exit-voice-loyalty model, and P. Sztompka's theory of institutional trust. The empirical analysis draws on a 2025 survey of university students ($n = 1,188$). The analysis identified a strategy of "latent adaptation" (a strategy of deferred action) characteristic of a substantial proportion of undecided young people. The findings demonstrate that the gap between young people's paternalistic expectations and institutional capacities arises from a mismatch between entrenched traditions of socialization and the contemporary market environment, rather than from institutional dysfunction alone. Under these conditions, "loyalty" to the system ceases to be a value-based orientation and instead becomes a manifestation of a crisis of instrumental rationality: when young people cannot use lawful channels for exercising influence ("voice"), they opt for "exit" or "latent adaptation." The study's original contribution lies in differentiating between endogenous risks (associated with the application of law and corruption) and exogenous risks that affect young professionals' planning horizons. The article concludes that restoring trust requires reducing endogenous uncertainty in the institutional environment rather than increasing the number of formal programs.

Keywords: youth, social contract, paternalistic expectations, life strategies, instrumental rationality, endogenous and exogenous uncertainty, migration attitudes

References

1. Aleynikov A. V., Maltseva D. A., Tuzova P. R. Audit of the youth policy ecosystem in the Russian Federation under digitalization: a risk-reflexive approach (part 1). *POLITEKS*, 2023: 19: 133–144 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu23.2023.109; EDN: GHAIUE.
2. Arestov A. Yu. Quality of life of citizens as a factor of political risks. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2024: 1: 38–42 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2024.1.4; EDN: MZEQJS.
3. Bliakher L. E., Kovalevsky A. V. What was it? (Preliminary reflection on the Khabarovsk rallies). *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2020: 4: 108–136 (in Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136; EDN: VDPFJH.
4. Veselov Yu. V., Skvortsov N. G. Transformation of the culture of trust in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2023: 1: 157–179 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212; EDN: BGVQNN.
5. Voevodina E. V., Shikhgafizov P. Sh., Shtepa S. E. Methodological principles of the activity-phenomenological approach in studying social mechanisms of trust formation in transforming economic relations. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2022: 12: 4: 55–62 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-55-62; EDN: UFFDST.
6. Voinik A. A., Snegur M. R. Motives for participation of youth in unauthorized protest actions. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, 2023: 166: 3: 259–277 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2023.302; EDN: EUQIJG.
7. Gurr T. R. *Why Men Rebel*. Transl. from Eng. by V. V. Afanasyev. St. Petersburg, Piter, 2005: 461 (in Russ.).
8. Gerasimova G. I. The phenomenon of trust in social management: a theoretical aspect. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023: 6(182): 26–32 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.6.2; EDN: AZCIAA.
9. Davydova M. A. Protest activity and actors of political mobilization in social media of the Republic of Kazakhstan in January 2022. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 2024: 19: 4: 141–159 (in Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-141-159; EDN: RRXGTP.
10. Kazantsev D. A., Aseev S. Yu. Social Network Analysis of Youth Political Organizations of Novosibirsk Oblast and Altai krai. 2020. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, 2020: 21: 1: 64–85 (in Russ.). DOI: 10.31429/26190567-21-1-64-85; EDN: DVMKSS.
11. Konstantinov M. S., Potseluev S. P. Emigration attitudes of student youth in the South of Russia. *Sotsiodinamika*, 2022: 12: 40–58 (in Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2022.12.39071; EDN: VDLXOG.
12. Len'kov R. V., Kolosova O. A., Kovaleva S. V. Socio-psychological diagnostics and forecasting of protest behavior of youth in the digital environment. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2021: 4: 1: 31–41 (in Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.

13. Linchenko A. A., Smyslova O. Yu. Strategies for building a culture of trust in the context of the society's digitalization: a social and philosophical analysis. *Vestnik TGU*, 2023: 493: 103–111 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/493/12; EDN: MCHHNK.
14. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Transl. from Eng. by E. N. Egorova et al. Moscow, AST, Khramitel, 2006: 873 (in Russ.).
15. Mukhametov R. Why do citizens trust the government? Origins of political trust in modern Russia. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2023: 22: 3: 196–218 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-196-218; EDN: RKLLDA.
16. Ognev A. S., Brodovskaya E. V., Davydova M. A. Identification of triggers for strengthening social discontent networks in the constituent entities of the Russian Federation. *Vlast'*, 2022: 30: 5: 98–106 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9244; EDN: NLCEAS.
17. Parma R. V. Contemporary interpretation of political radicalism in civic activity. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finun-ta*, 2022: 12: 2: 53–60 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60; EDN: BCCQBO.
18. Parma R. V. Theoretical basis for the formation of social discontent. *Vlast'*, 2023: 31: 1: 116–123 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9472; EDN: TJBBIW.
19. Pushkareva G. V., Sychev V. V. Political institutional trust in Russian society. *Gosudarstvennoe upravlenie*, 2023: 100: 142–154 (in Russ.). DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-142-154; EDN: SXFCYO.
20. Rastorguev S. V. Problematization of the generation Z research field. *Vlast'*, 2022: 30: 5: 118–123 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9247; EDN: QVLASV.
21. Smirnov V. A. Trust dynamics in socio-political institutions: a comparative analysis of perceptions among younger generations in old and new Russian regions. *Vestnik RUDN. Politologiya*, 2025: 27: 2: 330–340 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-330-340; EDN: IOOJTN.
22. Tatarko A. N., Mukha V. N. The value basis of institutional and social trust in the Krasnodar region. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2023: 1: 83–99 (in Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_83_99; EDN: HECQTH.
23. Toshchenko Zh. T. The Fate of the Social Contract in Russia: The Evolution of Ideas and Lessons from Implementation. Moscow, FNIS RAS, 2025: 844 (in Russ.).
24. Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Ed. by G. I. Sapov. Moscow, Novoe izd-vo, 2009: 156 (in Russ.).
25. Chernysheva N. S., Zhang Yuxin. Approaches to the Studying Youth Migration in Russia: Reviewing Discussions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 11: 135–143 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250018919-3; EDN: WBSGOO.
26. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Transl. from Pol. by N. V. Morozova. Moscow, Logos, 2014: 440 (in Russ.).
27. Yurasov I. A., Bondarenko V. V. et al. Paradoxical manifestations of institutional social trust in Russian regions: corruption and shadow employment as types of social trust. *Regionologiya*, 2023: 31: 4(125): 733–753 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753; EDN: VJCYJI.
28. Bahar L. C. Refining Albert O. Hirschman's Model: High-Performance Employee Covert Behavior Toward Organizational Identity Change. Diss. Malibu, Pepperdine University, 2025: 176.
29. Kutlay M., Öniş Z. Governance crises and resilience of authoritarian populism: 2023 Turkish elections from the perspective of Hirschman's 'exit, voice, and loyalty'. *Southeast European and Black Sea Studies*, 2024: 24(2): 383–403. DOI: 10.1080/14683857.2024.2315652.

The article was submitted on: March 2, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Zaitseva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory, Methodology, and Legal Support of Public and Municipal Administration

Irina B. Britvina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Integrated Marketing Communications and Branding

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4

EDN: RGHBQK

Ценностные ориентации студенческой молодежи Ростовской области и новых регионов¹

Ссылка для цитирования: Чикарова Г. И., Пантелеев В. Г., Киселев Д. А. Ценностные ориентации студенческой молодежи Ростовской области и новых регионов // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 62–81. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4; EDN: RGHBQK.

For citation: Chikarova G. I., Panteleev V. G., Kiselev D. A. Value orientations of student youth in Rostov Oblast and the new regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 62–81. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4; EDN: RGHBQK.

SPIN-код: 3772-5881

Чикарова Галина Игоревна^{1,2}

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН, Ростов-на-Дону, Россия

chikarova@sfedu.ru

SPIN-код: 6384-4632

Пантелеев Вадим Геннадьевич¹

¹Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

pwg92@mail.ru

SPIN-код: 8863-5504

Киселев Данил Александрович¹

¹Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

danil.kiselev.2015@list.ru

¹ Статья подготовлена при выполнении научных исследований по теме 1025030300104-9-5.4.1 «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» (FMUS-2025-0026) в рамках выполнения Государственного задания 075-00430-25-01 от 06.08.2025.

Авторы выражают глубокую признательность руководителю проекта к. социол. н. А. С. Магранову за общее руководство и критический анализ рукописи.

Аннотация. Статья посвящена проблеме ценностных ориентаций студентов Ростовской области и новых регионов. Эмпирическую базу составили данные социологического исследования, которое проводилось в рамках проекта «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества», реализуемого коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН при участии авторов. Сбор информации велся методом фокус-групп. Объектом исследования выступили представители младшей (от 18 до 24 лет) и старшей (от 25 до 29 лет) возрастных когорт молодежи. В основу настоящей статьи легли материалы фокус-групп со студентами высших учебных заведений Ростовской области, а также Донецкой и Луганской Народных Республик.

Авторы проанализировали жизненные цели студентов, приоритетные в перспективе ближайших лет. Это позволило: 1) выделить основные критерии жизненного успеха, как они видятся молодым людям; 2) определить факторы, влияющие на формирование у молодежи представлений об успешной жизни; 3) сопоставить представления молодежи с мнением старшего поколения. В результате было установлено, что ценностные ориентации информантов из числа студентов включает в себя своеобразную «триаду»: любимая работа, материальный достаток, создание семьи. Также оказалось достаточно заметно выражено стремление молодых людей продолжить обучение по окончании университета либо в магистратуре, либо в аспирантуре в купе с намерением отложить создания собственной семьи до момента достижения профессиональной самореализации. Статья представляет интерес как для специалистов, занимающихся вопросами разработки и реализации мер государственной молодежной политики, так и для сотрудников вузов, отвечающих за воспитательную работу с обучающимися, а ее значимость определяется содержащимися в ней данными по Донецкой и Луганской Народным Республикам – регионам, которые социологи не балуют вниманием.

Ключевые слова: студенческая молодежь, ценностные ориентации, жизненные цели, жизненный успех, консолидация, новые регионы

Введение

На протяжении нескольких последних лет Россия пребывает в состоянии социальной турбулентности, нестабильности и постоянных трансформаций во всех основных сферах общественной жизни. Не стала исключением и система ценностных установок и ориентаций, составляющих аксиологический базис российского социума. Понятие «ценность» включает в себя «объекты и явления, значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов, а также используется для обозначения самой этой значимости» [15]. Соответственно, под ценностными ориентациями мы вслед за М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги будем понимать «результат процесса социализации молодежи, в ходе которого происходит интериоризация норм общества в ценности личности» [2, с. 175]. Согласно представленной трактовке ценности составляют устойчивую мотивационную основу поведения человека, но для того, чтобы процесс трансформации регулятивных норм общества в мотивационные ценности был эффективным, личность должна быть включена в референтные группы – семейные, образовательные, производственные, неформальные, гражданские и др. [2].

Безусловно, происходящие сегодня изменения оказывают значительное влияние на молодежь, являющуюся той демографической группой, которая более других восприимчива к любым нововведениям в обществе. Как справедливо отмечает И. С. Палитай, в настоящий момент наблюдается смысловая «пересборка» мировоззрения молодых людей, в условиях которой даже привычные ценности начинают наделяться новым смыслом. Иными словами, идет актуализация давно устоявшихся аксиологических доминант в комбинации с современными идеями и толкованиями [8, с. 163]. Однако в подобной ситуации существует риск развития у представителей молодого поколения деструктивных, с позиции государства, ценностных ориентаций. Во избежание подобного российскими властями были предприняты соответствующие меры в виде утвержденных в 2022 г. «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где на законодательном уровне закреплялось определение традиционных российских ценностей как «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство и нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹. В этом же нормативном акте содержится и перечень ценностей, официально признанных традиционными для России: жизнь, патриотизм, гражданственность, крепкая семья, коллективизм, историческая память и др.

Для того чтобы эффективно реализовывать государственную политику по прививанию традиционных ценностей молодым россиянам, необходимо понимать, какие ценностные установки и ориентиры преобладают в их сознании. По справедливому замечанию Ю. А. Зубок, «выстраивая жизненные стратегии, молодежь – как относительно самостоятельная группа, находящаяся в активной фазе самоопределения, – следует собственным представлениям об успешной и счастливой жизни, выбирая, наделяя смыслами и значениями цели и пути их достижения. Реализуя свои жизненные цели, молодые люди руководствуются личными стремлениями и амбициями. Но одновременно с этим как неотъемлемая часть общества, связанная с ним множеством отношений, молодежь находится под влиянием всех процессов и явлений, происходящих в нем как во внешней для себя среде. <...> Понять характер жизненных стратегий отдельных групп молодежи возможно лишь в соотношении их друг с другом и с условиями, в которых разворачивается жизнедеятельность современного молодого поколения» [4, с. 6].

Собственно ценности, как и различные аспекты формирования ценностных установок молодежи, становились предметом изучения многих российских ученых. Например, Н. С. Толкунов, проанализировав влияние

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

ценностных ориентаций молодого поколения на трансформацию российского общества, пришел к выводу, что молодые россияне в своем большинстве считают приоритетными витальные ценности, такие как семья и здоровье, а материальные, равно как и любовь или свобода слова, занимают для них вторые, третьи и последующие места. Одновременно с этим был зафиксирован негативный тренд на низкий запрос на социальную справедливость и гражданскую активность. По мнению Н. С. Толкунова, в основе государственной молодежной политики должно лежать понимание того факта, что молодежь будет готова реализовать свой творческий и интеллектуальный потенциал только при условии наличия у нее чувства удовлетворения своих базовых потребностей [13].

А. Л. Маршак и Л. В. Рожкова, исследуя ценностные компоненты политического и гражданского потенциала современной молодежи (политические и правовые ценности, отношение к политике и политическому участию, уровень гражданственности в молодежной среде), выявили ряд закономерностей. В частности, они установили, что важность закона для молодежи зависит от ее материального положения, а значимость политических ценностей повышается с увеличением возраста [6].

Ю. А. Зубок с коллегами, используя метод структурно-таксономического моделирования, проанализировала жизненные позиции молодежи, особенности их формирования, а также связь с мировоззренческими ориентирами и элементами социокультурного механизма саморегуляции (традиционной культурой, молодежной субкультурой, архетипами коллективного бессознательного, ментальными и современными чертами национального характера, установками, стереотипами и ценностями). Это позволило установить, что активность жизненной позиции молодежи определяется мировоззренческими установками на коллективизм и доверие, а пассивность – установками на индивидуализм и недоверие окружающим. Кроме того, было замечено, что жизненная позиция разных групп молодежи имеет свои особенности, определяемые, в том числе, социальным положением, местом и возможностями в сети социальных отношений [5].

Изучение ценностей молодого поколения является одним из значимых исследовательских направлений и у зарубежных авторов. Так, Ч. Силке, Б. Брэди, П. Долан и С. Бойлан, основываясь на результатах социологического исследования, проведенного среди ирландских школьников с целью изучения особенностей формирования у молодежи гражданских ценностей и моделей поведения, доказали наличие связи между социальным контекстом и различными формами гражданского участия [19]. Чэнь Лицзюнь, Ян Дали Л., Чжоу Ди и Жэнь Цян подробно изучили политические и социальные ценности китайской молодежи, такие как отношение к власти и гендеру, восприятие социального неравенства, интерес к политической сфере [17]. А. Лескова и М. Ёчанна, руководствуясь тезисом о том, что ценности являются фундаментальной основой развития любого общества, предприняли масштабное исследование актуальных проблем ценностно-ориентированного воспитания молодежи [18].

Студенчеству как наиболее активной и креативной когорте молодежи, представляющей собой профессиональный резерв для будущего развития общества, в отечественной социологии уделяется достаточно внимания. Н. В. Розенберг с коллегами, справедливо называя учащуюся молодежь «индикатором социальных изменений», попытался нарисовать социальный портрет сегодняшних студентов, а также выделить основные тенденции и изменения в их системе ценностей, произошедшие за последние годы. Согласно полученному результату учащиеся вузов сегодня стараются приспособиться ко всем изменениям, которые происходят в социальной и ценностной структурах общества, демонстрируя при этом эклектику ценностей. В их социальном портрете сочетаются прагматизм и индивидуализм, с одной стороны, и духовные стремления в купе с социальной ответственностью, с другой. Данные эмпирического исследования позволили зафиксировать трансформацию ценностных установок студенческой молодежи: при сохранении важности материальной составляющей постепенно растет ценность духовности и социально значимой деятельности [10].

Л. А. Часовская с соавторами, изучая степень сформированности традиционных духовно-нравственных ценностей у молодых людей за время обучения в вузе, пришла к выводу, что современному студенчеству свойственно независимое критическое мышление, индивидуальность и нежелание жертвовать личными интересами, а основными трендами в формировании их ценностных установок являются толерантность, самовыражение и ответственность за собственные поступки [16].

Н. Ю. Складорова и Е. В. Бродовская, основываясь на данных масштабного социологического исследования, охватившего все федеральные округа РФ, проанализировали состояние ценностной системы, патриотических установок, национально-государственной и гражданской идентичности современного студенчества. Как выяснилось, проведение специальной военной операции (СВО) оказало влияние на систему ценностей молодежи. Например, ценность поездок за рубеж переместилась из ядра в структурный резерв, уступив свою позицию ценности интересной работы. Кроме того, авторы заметили, что в плане патриотических и гражданских установок наибольшие отличия от средних показателей наблюдаются у выпускников вузов, так как они уже не находятся под социализирующим воздействием университета [12].

Не менее важным направлением в изучении ценностных ориентаций молодежи является выявление ее жизненных целей и представлений о жизненном успехе. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги на основе результатов многолетних исследований, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН, определили, что для российской молодежи «жизненный успех» сопряжен в первую очередь с интравертными ценностями: крепкой семьей, уважением окружающих, богатством и интересной работой. При этом иерархия ценностей у молодого и старшего поколений выглядит схоже, отличаясь лишь значимостью честно прожитой жизни: у молодых людей она заметно ниже в рейтинге. Авторы выделили восемь типов молодых людей в зависимости от их жизненных притязаний: «семейные», основ-

ная ценность которых семья, «труженики», нацеленные на построение карьеры, «предприимчивые», стремящиеся к созданию собственного дела и материального достатку, «гедонисты», желающие иметь много свободного времени для развлечений, «максималисты», старающиеся добиться успеха во всех сферах, «карьеристы», жаждущие самореализации ради достижения влияния и власти, «отчаявшиеся», сомневающиеся в своей способности достичь успеха, и «тщеславные», мечтающие стать знаменитыми. В дополнение к восьми перечисленным типам молодежи были также выделены три группы ценностей: биосоциальная жизненная среда (межличностные отношения), материальная жизненная среда (экономические отношения), институциональная жизненная среда (идейно-политические отношения). Примечательно, что свобода как ценность оказалась стоящей особняком, не коррелировала с прочими категориями и потому не попала ни в одну из групп [2, с. 178–186].

А. В. Зинич, проанализировав особенности планирования жизни, формирования целевых приоритетов и представления о ключевых факторах успеха, свойственные современной молодежи, показала, что она довольно серьезно относится к своему будущему, старается выстраивать планы, но при этом избегает долгосрочных целей [3].

Е. В. Реутов с коллегами, изучив ценностные ориентации молодежи в контексте жизненных целей, способов и условий их реализации, установили, что среди факторов жизненного успеха, определяемых как инструментальные ценности, у представителей молодого поколения доминируют социальный конформизм, профессионализм, наличие хороших друзей и поддержка семьи. Ценности же, связанные с социальной ответственностью, напротив, обладают средней значимостью в иерархии критериев достижения жизненного успеха [9].

Ряд исследователей обратил внимание на проблему территориальной обусловленности формирующихся жизненных планов и стратегий. Так, С. С. Халикова, рассмотрев особенности выстраивания жизненных планов дальневосточной молодежью, пришла к выводу, что достижение жизненного успеха и семейную самореализацию она связывает, в том числе, с зарубежными странами. Свои эмиграционные намерения молодые люди объясняют недостаточностью возможностей для реализации жизненных планов на территории региона их проживания [14]. Н. Н. Седова, проведя сравнительный анализ жизненных стратегий столичной и провинциальной молодежи, выяснила, что молодые жители столиц (Москва и Санкт-Петербург) более критично относятся к внешнему контексту своей жизнедеятельности, а также смотрят на обстоятельства собственной жизни через призму возможностей для развития, тогда как молодые люди из провинции более зависимы от внешних обстоятельств и ориентированы на цели, связанные с «малым социумом» [11].

Молодежь, будучи основной движущей силой инноваций и социальных изменений, играет особую роль в общественном развитии. Перенимая от старших опыт и традиции и тем самым сохраняя культурное наследие,

молодое поколение в то же время привносит в жизнь общества свои идеи и ценности и, как следствие, трансформирует социальные институты, адаптируя их к новым условиям [10]. Однако отмечаемое многими исследователями тяготение молодых людей в направлении индивидуальных, а не общественных и коллективных интересов официальный дискурс сегодня склонен толковать как фактор потенциального ослабления социальной солидарности в будущем [1]. В этой связи становятся очевидными два принципиальных противоречия. Во-первых, противоречие между традиционными российскими ценностями, заявленными в «Основах государственной политики...»¹ и активно продвигаемыми государством, с одной стороны, и реальными ценностными установками молодежи, с другой. А во-вторых, противоречие между условиями первичной социализации, необходимыми, по мнению властей, для усвоения традиционных российских ценностей, и теми социальными условиями, в которых протекало детство сегодняшних молодых людей и которые официальный дискурс ныне трактует как индивидуализированное общество и «общество потребления».

В контексте нашего исследования важное значение имеет место проживания информанта в период его первичной социализации, что обусловлено различиями в социокультурных условиях Ростовской области и новых регионов РФ (ДНР и ЛНР). Перед учеными встает непростая задача найти теоретически и эмпирически обоснованное разрешение указанных контроверз, а для этого необходима опора не только на жестко формализованные методы сбора данных, но и на слабо формализованные, к коим относится метод фокус-групп.

Эмпирическая база исследования

В июле – октябре 2025 г. коллектив ЮРФ ФНИСЦ РАН в рамках проекта «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» провел 6 фокус-групп с представителями молодежи Ростовской области и новых регионов РФ (ДНР и ЛНР). Всего в исследовании приняло участие 48 чел. (по 8 в каждой фокус-группе) из двух возрастных когорт: 18–24 года и 25–29 лет. Первые являлись студентами вузов, а вторые имели статус работников без совмещения с образовательной деятельностью. В каждом регионе было проведено по одной фокус-группе с представителями каждой возрастной категории. Выбор возрастных когорт и территорий обусловливался необходимостью включить в исследование молодых людей, первичная социализация которых проходила как до 2014 г., так и после, и одновременно с этим в разных социально-политических контекстах.

¹ Там же.

Отбор информантов осуществлялся случайным образом среди студенческой и работающей молодежи, являющейся наиболее активной частью данной демографической группы. Ростовская область, ДНР и ЛНР были избраны для исследования, поскольку находятся в центре событий СВО, непосредственно влияющей на аксиологические установки молодежи.

Вошедшие в гайд вопросы касались глубинных оснований формирования ценностных и поведенческих установок у представителей молодого поколения, социализировавшихся в разных социокультурных условиях и имеющих разный уровень сформированности общероссийской гражданской идентичности.

В настоящей статье приводятся результаты трех фокус-групп, проведенных с представителями младшей возрастной когорты (18–24 лет). Все принявшие участие в исследовании информанты на тот момент являлись студентами очной формы обучения; женщин среди них было 16 чел., мужчин – 8¹.

Жизненные цели студенческой молодежи и планы на будущее

Отвечая на вопрос «Каковы ваши планы и цели, которые вы хотели бы достичь в ближайшие несколько лет?», информанты из числа студентов обозначили ряд жизненных приоритетов, обусловленных текущим этапом их жизненного пути. Согласно имеющемуся в литературе определению, студенческая молодежь является «специфической, социально-профессиональной группой людей молодого поколения, объединенной выполнением специальных учебных и социально-подготовленных функций, готовящейся к выполнению в обществе социальных функций, характеризующаяся общностью быта, ценностных ориентаций и образа жизни» [7, с. 74]. В полном соответствии с приведенной дефиницией наши информанты в первую очередь заявили о своем желании получить высшее образование, а затем, возможно, продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре. Такие планы озвучило большинство участников фокус-групп что из Ростовской области, что из новых регионов: *«Хотелось бы продолжить обучаться и пойти в аспирантуру»*; *«Хочу получить диплом магистратуры»*; *«В ближайших планах, во-первых, закончить бакалавриат – в одном университете, и во втором, – а потом пойти на магистратуру»*; *«Хочу получить образование в ближайшие годы как минимум уровня бакалавриата, возможно, поступить в магистратуру, если будет желание и predisposition к этому»*.

Несколько информантов из Ростовской области выразили сомнение в том, что продолжат обучение после окончания бакалавриата, связывая это со слишком далекой перспективой: *«Я пока что учусь на первом курсе*

¹ Изначально формирование выборки проводилось на основании большей представленности женщин среди студенческой молодежи. Однако сложности, возникшие в процессе отбора участников фокус-групп, усилили данную диспропорцию. Тем не менее, итоговые данные вполне позволяют получить представление о разнице мнений юношей и девушек.

бакалавриата, поэтому не могу сказать, буду ли поступать в магистратуру или нет, на какое направление»; «Я учусь на данный момент на третьем курсе бакалавриата, пока до конца не уверена, хочу ли поступать в магистратуру, и если да, то на какое направление». Стоит отметить, что в отличие от ростовских сверстников, студенты из ДНР и ЛНР продемонстрировали в целом большую уверенность и мотивацию учиться дальше.

Университетская среда неизбежно оказывает влияние на карьерные ориентации студенческой молодежи. Многие из наших информантов высказали намерение связать свою профессиональную деятельность с преподаванием и/или наукой: «Хотелось бы связать свою жизнь с ЮФУ, потому что я очень хорошо себя чувствую в преподавательской стезе»; «После получения диплома магистратуры хочу продолжать работать в школе»; «В планах связать себя с наукой»; «Хочу поискать себя в сфере преподавания и педагогики, возможно психологии».

Рассуждая о своем понимании жизненного успеха, информанты из Ростовской области часто называли одной из его составляющих возможность поддерживать членов семьи и значимых других, помогать им: «Если я могу обеспечить, помочь и сделать жизнь своих близких людей лучше, хоть там на какую-то долю <...> если вот это вложение, отдача эмоций, отдача даже финансовых средств, отдача того, что поможет действительно человеку, это действительно, мне кажется, жизнь удалась». Связывание индивидуального успеха с возможностью помогать родным и близким говорит об ориентированности на внешнюю среду. Примечательно, что при такой установке материальный достаток воспринимаются как инструмент, призванный служить благополучию дорогих людей, которое ставится на первое место: «Материальный достаток должен помогать нашим родственникам, их здоровью, своему здоровью или в каких-то еще делах помогать». Данное высказывание выражает одну из основных жизненных ориентаций ростовской студенческой молодежи: **благополучие значимых других как мера жизненного успеха.**

Касательно соотношения в их жизни работы и дома и характера труда на рабочем месте молодые люди из Ростовской области придерживаются мнения, что работа не должна отнимать все время, даже если речь идет о любимом деле: «Человек ходит и выполняет любимую, интересную ему работу. ...если человек в равной степени трудится и в такой же равной степени в соотношении отдыхает». Информанты подчеркнули, что работа должна приносить удовольствие, но и в этом случае не стоит отдаваться ей полностью, забывая про отдых: «Чтобы не погружался прямо дено и нощно. Чтобы не было вообще отдыха. Работа должна быть удовольствием». Эти замечания позволили нам выделить другую важную ценностную компоненту в установках ростовской молодежи: **соблюдение баланса между работой и домом/отдыхом.**

Не менее важным для студентов Ростовской области оказалось стремление заслужить признание как члена общества, вносящего в его благополучие персональный вклад: «Складывается из многих факторов, но, наверное, самый главный из них, опять же, лично для меня, это ува-

жение и признание в обществе. ...что человек меня уважает и признает как какого-то конкретного члена общества за какой-то мой труд, вклад, то тогда я могу сказать, что моя жизнь действительно удалась». При этом желаемое признание видится не сиюминутным, а таким, которое сохранится в людской памяти и будет передано последующим поколениям: *«Есть люди, которые благодарны ему [данному человеку] тем, что он принес какую-то пользу всему обществу. Ну и второе, это он наставил критичное наследство своим потомкам»*. Таким образом, список жизненных ориентаций учащихся вузов Ростовской области пополняется еще одной позицией – **общественное признание**.

Молодежь из новых регионов в качестве своей приоритетной жизненной цели довольно часто называла **самореализацию** через любимое дело или работу, которая должна приносить моральное удовлетворение: *«Человек должен, в первую очередь, заниматься любимым делом, которое должно приносить ему удовольствие»; «Главным показателем является то, что ты нашел себя, реализовал себя, нашел свое любимое дело – дело, которое приносит тебе удовольствие в жизни»; «Это реализация себя, своего потенциала. То есть это больше, наверное, про карьеру»*. Акцент на самореализации в профессии и моральном удовлетворении отличает информантов из ЛНР и ДНР от их ровесников из Ростовской области, которые, говоря про работу и успех, делали упор на достаток, открывающий возможность помогать другим, и соблюдение баланса между трудом и домом.

В тесной связи с профессиональной самореализацией звучали суждения о **материальном достатке**, который должна обеспечивать работа: *«Главное, чтобы был стабильный доход»; «Дело, которое приносит тебе удовольствие в жизни, которое приносит также хороший доход, что немало важно»*. Обращает на себя внимание то, что студенты из новых регионов упоминают о высоком доходе как о самостоятельной цели без привязки к каким-либо иным, достижению которых могло бы служить материальное благополучие. Это отличает их от студентов из Ростовской области.

Значимым также является **создание семьи**, что вместе с самореализацией через любимое дело, приносящее удовольствие, и материальным достатком формирует основополагающую «триаду» жизненных ценностей студенческой молодежи новых регионов: *«Рядом должен быть любимый человек, который должен поддерживать»; «...конечно же, создал [бы] свою семью»*.

Делясь планами на семейную жизнь, большинство информантов выразило желание вступить в брак, но лишь в будущем, после успешной профессиональной самореализации: *«Сейчас нет тяги завести семью и отдать себя воспитанию детей, но на будущее такая цель есть, и она будет реализована»; «Женитьба это в далеком будущем. Пока что я вообще об этом не задумываюсь»; «На личную жизнь планов я никаких еще не строила, потому что считаю, что это может как-то помешать в построении карьеры»; «Хочу максимально реализовать свой потенциал, а также создать семью в будущем»*.

Мнения относительно потенциального переезда в другой регион разделились. Часть молодых людей, преимущественно из Ростовской области, намерена остаться в месте нынешнего пребывания, объясняя свой выбор трудоустройством или особой эмоциональной связью с региональной столицей: *«Хотелось бы связать свою жизнь с ЮФУ и остаться в Ростове-на-Дону. Так получилось, что город „притянул к себе“»; «Продолжать жить я собираюсь в этом городе»*. Однако большинство информантов как из Ростовской области, так и из новых регионов ориентировано на переезд с целью продолжения образования, устройства семейной жизни или получения карьерных перспектив: *«Когда выйду замуж, скорее всего, уеду из этого города в более маленький»»; «Я бы хотела уехать из Ростова, желательно в Москву, потому что вижу в целом свое будущее там»»; «В планах где-то лет через пять, наверное, уехать в Москву, там больше перспектив в творческом плане»»; «Возможно, также пойду в магистратуру, но не уверена, что это будет именно в Ростове-на-Дону, скорее всего, выберу какой-нибудь другой город»»; «В планах получить высшее образование, потом, наверное, когда-нибудь переехать»*.

Для полноты картины стоит также упомянуть тех, кто в качестве ценности назвал **получение разнообразного жизненного опыта и обретение счастья**: *«...важно, наверное, много всего уметь, много где быть, то же самое путешествовать. Это не только расширяет кругозор, ну просто как эстетическое удовольствие приносит»»; «...человек думает, что жизнь дала этот момент, когда он познает свое счастье. То есть вообще это неважно что, просто он в этот момент счастливый»*. Подобные мечты молодых людей из ДНР, скорее всего, объясняются непростыми условиями жизни в республике.

Представления о жизненном успехе у молодежи и старшего поколения

Одним из компонентов аксиологических установок, влияющим на консолидацию российского общества, является жизненный успех. Он представляет собой, с одной стороны, внутреннее ощущение победы, получения значимых результатов, а с другой – внешнее признание достижений социумом. Такое интегративное понимание жизненного успеха учитывает значимость не только личностных качеств и достижений, но и их соответствие социальному контексту. Совпадение собственного ощущения успеха и чувства, что жизнь удалась, с требованиями и ожиданиями общества может стать залогом большего единения как индивидов внутри отдельных социальных групп, так и социальных групп между собой и всего общества в целом.

По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2023 г., успешный человек в представлении российской молодежи возрастной группы от 18 до 24 лет – это тот,

кто добился поставленной цели/успехов/идет к цели (22%); имеет образование/грамотный (9%); материально обеспечен / имеет хороший заработок (8%)¹.

У наших информантов из всех трех регионов представления о жизненном успехе во многом совпали с мнением молодых участников опроса ВЦИОМ: это устойчивый материальный доход, любимое дело и общественное признание. При этом деньги для наших информантов не самоцель, а лишь средство, обеспечивающее доступ либо к дорогостоящим товарам и услугам: *«Смотря на красивую картинку в интернете, конечно, хочется все равно так же иметь»*; либо к иным значимым «вещам», например здоровью, собственному и близких: *«Жизнь удалась, когда ты можешь себе оплатить полный чекап по здоровью»*; *«...материальный достаток должен помогать нашим родственникам, их здоровью, своему здоровью или в каких-то еще делах помогать»*. Показательно, что в нарративах молодежи из ДНР неимущественные блага при разговоре о деньгах не упоминались, использовались лишь коды «деньги», «доход».

Большинство информантов из всех трех регионов отмечали, что для них важно заниматься любимым делом: поскольку *«работа во взрослой жизни занимает достаточно большое количество времени, сил и ресурса внутреннего, [поэтому] очень важно, чтобы это было любимое дело»*. Рассуждая о будущей трудовой деятельности, они вспоминали и цитаты мыслителей: *«Если у тебя будет любимая работа, то ты не дня не будешь работать»*; и высказывания родителей, ставшие жизненным девизом: *«Найди то, что зажжет в тебе искру, и тогда оно заставит тебя и страдать, но одновременно и осчастливит тебя»*. Звучали также аргументы, что работа, которая искренне нравится, дает человеку возможность *«в равной степени трудиться и в такой же равной степени в соотношении отдыхать»*.

В своих суждениях студенты из ДНР делали акцент на наличие рядом семьи и/или близкого/любимого человека: *«Я бы не забывала про семью, потому что для полноценной картины мира не хватает все-таки частички чего-то более теплого, не такого отстраненного, не ожесточенного, не связанного с карьерой, каким-то соперничеством, возможно»*. Для них семья оказалась таким же неотъемлемым показателем жизненного успеха, как и достаток: *«Семья и деньги, а что еще нужно?»*.

Информанты из Ростовской области, напротив, не были склонны объединять материальное благополучие и семью в общий параметр жизненного успеха. Более того, один из участников ростовской фокус-группы отметил, что выбор в пользу либо семьи, либо достатка указывает на принципиальные различия в убеждениях: *«С родственниками у меня прям очень сильное расхождение во взглядах на жизнь. Оно особенно проявляется, я думаю, как раз в построении семьи, потому что многие из них считают, что самая главная жизненная цель – это именно построение семьи»*.

¹ Русская формула успеха // ВЦИОМ. 2023. 16 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkaja-formula-uspekha> (дата обращения: 02.10.2025).

Трактовка фразы «жизнь удалась» именно как наличие семьи, по признанию информантов, перенята ими отчасти от родителей: *«Родители достаточно сильно повлияли на мое такое восприятие»; «... под влиянием семьи, в особенности моего отца, потому что мне кажется, что это целиком и полностью его мнение, но которое я разделяю»; а отчасти сформирована под влиянием книг: «Дети – это зеркало семьи, я считаю, поэтому очень много мы берем от своих родителей, но для меня также немаловажны книги. Я с детства читаю много, поэтому... они расширяют наш кругозор, и из них мы тоже черпаем очень много ценностей»; «...это из литературы больше. Я сейчас нахожусь, наверное, под впечатлением именно последних прочитанных книг».*

Еще один источник формирования своих представлений об успешности назвали информанты из новых регионов: это сетевое информационное пространство, через которое транслируются паттерны поведения успешного человека: *«Но [что] в целом немаловажно еще для меня, это социальные сети. Я не знаю, это просто факт. Мы смотрим, вникаем, проникаемся и дальше уже хотим как-то привлечь это в свою жизнь»; «Интернет тоже оказывает очень большое влияние и формирует многие желания, многие „хотелки“».*

Молодые люди из Ростовской области тоже упоминали интернет в своих высказываниях, однако единого мнения относительно него так и не прозвучало. Одни полагали, что всемирная сеть унифицирует представления людей, другие утверждали, что есть и иные агенты с большей степенью влияния: *«[Если] до такого широкого распространения глобальной сети Интернет люди очень сильно отличались за счет разного уровня жизни и за счет разных активностей, которые им приходится выполнять, то сейчас, когда люди объединяются в этом неформальном пространстве, они перенимают какие-то точки зрения. И мне кажется, что многие сейчас стали схожи»; «Да, есть то, что нас объединяет всех... это интернет. Он пытается навязать какое-то единое мнение, и, по сути, чем человек больше в нем сидит, тем ему больше навязывается общее мнение. В этом, да, есть единство. Но даже если люди из одного абсолютно города и смотрят абсолютно одинаково в интернете, у них все равно может быть разное».*

Говоря о консолидации как единении большой социальной общности, особенно важно обратить внимание на расхождение во мнениях и установках, которые при неблагоприятных условиях могут стать барьерами на пути объединения субъектов и групп в единое сплоченное целое. Такие расхождения наблюдаются как в самой молодежной среде, так и между представителями разных поколенческих групп. По свидетельствам наших информантов, основные межпоколенческие разногласия между ними и их родителями связаны с выбором профессии. С этим сталкивались молодые люди и из Ростовской области: *«Во времена, когда я хотела поступать в институт, мои родители настаивали, что тебе нужно пойти куда-то в такое... на юриспруденцию куда-нибудь, не знаю, бухгалтерский учет,*

в экономику. И на тот момент я понимала, что это обусловлено тем, что родители хотят в какую-то крупную структуру устойчивую государственную меня запихнуть»; и из новых регионов: «Все равно родители придерживаются более традиционного как бы взгляда то, что, там, это должна быть какая-то стабильная понятная работа, там, в офисе не в офисе или тоже, там, учитель, преподаватель, врач, там, юрист, то есть то, что вот понятно всем и, там, было, есть и будет всегда во все времена. И достаточно скептически относятся к каким-то творческим проявлениям»; «...допустим, какое-то лингвистическое направление или как переводчик. Да, вот это они будут считать престижным. А, допустим, фитнес тренер будет не просто непрестижно, по их мнению, вот так».

Высказывания участников фокус-групп показывают, что и сама молодежная среда неоднородна в плане своих мнений и установок. Различия, по их собственному утверждению, обусловлены, во-первых, местом жительства: «...ребята рождены, там, в селах, может быть, в деревнях, в станицах, они больше... наверное, нацелены на... создание семьи, какого-то такого кусочка общества своего. А... ребята из таких крупных прям городов, там, Питер, не знаю, Казань, тот же Ростов еще тоже относительно, то, наверное, больше следует на путь карьерного роста, развития...»; «Это будет огромный мегаполис, в котором, банально, есть хорошие библиотеки, там, допустим, много всяких интересных мест... в которых люди могут встречаться и каким-то образом общаться, делиться мнениями. Если город маленький, захолустье, никому это не интересно. Все работают в каких-то своих заведениях, магазинах продуктовых, больничках, ищут что-то. Но нет таких способов, чтобы люди каким-то образом развивались»; во-вторых, профессиональной принадлежностью: «По каким-то профессиональным критериям. То есть, если мы сравниваем какого-то представителя определенной профессии, допустим, того же медика... с человеком из науки, то они будут, конечно, разных мнений, несмотря на то что они живут в одном городе или вообще по соседству»; в-третьих, социальным капиталом: «Если они живут в семьях разного материального достатка, в семьях разных ценностей. Просто [если один] человек поступил в один институт, другой человек в другой институт, у них уже разное мировоззрение»; в-четвертых, этнической принадлежностью: «...у нас в России очень много разных народов. И будет разница идти уже минимум от этого. У нас есть какие-то области, в которых живут именно одни народы, в других областях другие народы. И у каждого народа свой менталитет, своя культура, и это будет влиять на различия»; в-пятых, принадлежностью конфессиональной: «И, безусловно, на это влияет... религиозная принадлежность».

В то же время, по признанию самих молодых людей, расхождения во взглядах не воспринимаются ими как преграда для коммуникации: «Но мне кажется, что у меня с многими из них очень сильно расходятся вот именно и ценности, и взгляды на будущее, потому что, мне кажется,

это максимально индивидуально и зависит вот как раз от жизненного опыта. И даже при общении я, опять же, не задавала им такие вопросы, мы на такие темы, возможно, и не общаемся. Но даже при общении можно понять, что человек для себя ставит во главу своей жизни, а на что как-то забывает. И у меня со многими сильны разногласия, но это не мешает мне с ними дружить. Мне кажется, что каждый имеет право на свое мнение, и меня в целом тоже за мои устремления никто не осуждает».

Выводы

Исследование показало: студенческая молодежь из всех трех вошедших в него регионов придерживается более или менее схожих ценностных установок и жизненных планов. Их объединяет стремление к продолжению обучения и профессиональному росту в купе с намерением отсрочить момент вступления в брак и создания семьи.

Вместе с тем в системе жизненных ценностей молодых людей из Ростовской области и новых регионов имеется и ряд отличий. Так, например, у ростовской молодежи наблюдается ориентация на значимых других (благополучие близких) и общество (признание вклада), тогда для молодежи из новых регионов значимее оказываются персональный успех и личная реализация. Данное расхождение можно обозначить как ориентация на других *vs.* ориентация на себя. Другое заметное расхождение касается места, отводимого материальному достатку в системе ценностей. Информанты из Ростовской области наделяют его инструментальным смыслом и видят в нем средство, позволяющее реализовывать отмеченную выше ориентацию на значимых других (заботиться о родных и близких). Для информантов из ДНР материальный достаток является самостоятельной целью и условием личного благополучия. Указанную разницу в жизненных предпочтениях мы склонны объяснять отличиями в условиях жизни на вошедших в исследование территориях.

Большинство информантов из всех трех регионов критериями достижение жизненного успеха считают: 1) устойчивый материальный доход, 2) любимое дело и 3) общественное признание. Примечательно, что, по свидетельству самих молодых людей, эти критерии они во многом переняли у родителей или почерпнули из литературы. Однако и тут не обошлось без некоторых разногласий, правда уже со старшим поколением. Соглашаясь с молодежью в том, что для успешной жизни необходимо построение карьеры, представители поколения родителей иначе оценивают предпочтительность тех или иных профессий.

При сопоставлении ценностных ориентаций и жизненных планов студенческой молодежи с активно продвигаемыми официальной властью традиционными российскими ценностями становятся заметны некоторые противоречия. Так, признавая семью одной из главных ценностей и критерием успешности, молодые люди тем не менее в качестве своих ближайших

жизненных целей называют построение карьеры и достижение определенного уровня финансового благополучия, которые в рамках официального дискурса подводятся под рубрику материального и противопоставляются духовному, должному иметь, согласно «Основам государственной политики...»¹, приоритет над материальным.

Ценности семьи и материального благополучия соотносятся в мировоззрении молодых людей весьма интересным образом. Создание собственной семьи не отвергается, но откладывается до момента достижения личностной и профессиональной самореализации. В свою очередь материальный достаток видится информантам не только средством обеспечения личного благополучия, но и благополучия их близких. Другими словами, материальный достаток предстает не как самоцель, а как необходимый инструмент, помогающий достичь иные цели, в том числе духовные. Очевидно, что студенческая молодежь прекрасно осознает сегодняшние реалии, в которых материальный фактор играет важную роль, так как позволяет занять более выгодные или престижные социальные позиции. В сложившейся ситуации от государства и основных институтов социализации требуются действия, направленные на поддержку молодых людей и обеспечение таких условий жизни в стране, при которых им не придется выбирать между личностной и профессиональной самореализацией, с одной стороны, и созданием семьи, с другой.

В силу ограничений, обусловленных методологией исследования и спецификой выборки, полученные в итоге результаты можно рассматривать исключительно в качестве предварительных, нуждающихся в дополнении и уточнении. И в то же время представленные в настоящей статье выводы являются значимыми с точки зрения проработки проблемы и выхода на рабочие гипотезы для будущих исследований.

Библиографический список

1. Гайфуллин А. Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 3(15). С. 221–232. DOI: 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232; EDN: GQNMID.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.
3. Зинич А. В. Профессиональные и жизненные цели современной молодежи // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. Т. 9. № 4. С. 146–152. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-4-1-2; EDN: NXQPSL.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 03.10.2025).

4. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688; EDN: KFHOUI.

5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. и др. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.

6. Маршак А. Л., Рожкова Л. В. Политический и гражданский потенциал молодежи Поволжья и Крыма в современных условиях // Власть. 2020. Т. 28. № 3. С. 98–109. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7319; EDN: ZLMYJO.

7. Михайловская С. А. Концептуализация понятий «Студенческая молодежь» и «Вторичная занятость» в контексте социологии управления // Вестник ЗабГУ, 2014. № 3(106). С. 68–74. EDN: SCSIF.

8. Палитай И. С. Мировоззренческие установки современной российской молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2025. № 18. С. 159–165. EDN: VXNEAG.

9. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Жизненные цели молодежи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 97–107. DOI: 10.31857/S013216250023772-2; EDN: KQDNSZ.

10. Розенберг Н. В., Афанасьева Ю. Л., Рудакова И. А. Социальный портрет современной студенческой молодежи: ценностные аспекты (по материалам социологических исследований) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1(73). С. 24–41. DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-3; EDN: WMEAWL.

11. Седова Н. Н. Жизненные стратегии молодежи столиц и провинций // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 6. С. 217–231. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-217-231; EDN: FCKSNU.

12. Склярова Н. Ю., Бродовская Е. В. Ценности, установки и идентичность молодежи, получающей педагогическое образование в России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 105–131. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-105-131; EDN: KFXWOL.

13. Толкунов Н. С. Влияние ценностных ориентаций молодежи на трансформацию российского общества // Свободная мысль. 2024. № 4(1706). С. 89–94. EDN: DSIHMH.

14. Халикова С. С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1(98). С. 117–124. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124; EDN: TVKOPG.

15. Ценность // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699> (дата обращения: 03.10.2025).

16. Часовская Л. А., Ефремов А. А. и др. Традиционные духовно-нравственные ценности студенческой молодежи // Коммуникология. 2025. Т. 13. № 2. С. 144–156. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-144-156; EDN: RTSKFO.

17. Chen L., Ren Q. et al. Youth values and attitudes // Child and Youth Well-being in China. London, Routledge. 2018. P. 77–89. DOI:10.4324/9780367086145-8.

18. Leskova A., Yochanna M. Values and Education for Values of Today's Youth // Journal of Education Culture and Society. 2024. Vol. 15(2). P. 35–42. DOI: 10.15503/jecs2024.2.19.33.

19. Silke C., Brady B. et al. Social values and civic behaviour among youth in Ireland: The influence of social contexts // Irish Journal of Sociology. 2019. Vol. 28. P. 44–64. DOI: 10.1177/0791603519863295.

Получено редакцией: 09.10.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чикарова Галина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения; младший научный сотрудник

Пантелеев Вадим Геннадьевич, научный сотрудник

Киселев Данил Александрович, младший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4

Value orientations of student youth in Rostov Oblast and the new regions

Galina I. Chikarova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia

chikarova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-7499-5472

Vadim G. Panteleev

South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia

pwg92@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8909-5744

Danil A. Kiselev

South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia

danil.kiselev.2015@list.ru

ORCID: 0009-0007-0640-9893

For citation: Chikarova G. I., Panteleev V. G., Kiselev D. A. Value orientations of student youth in Rostov Oblast and the new regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 62–81. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4; EDN: RGHBQK.

Abstract. The article is devoted to the problem of value orientations of students in the Rostov region and new regions. The study draws on data collected by a team from the South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences as part of the sociological study "Value Orientations of Russian Youth: Meanings, Behavioral Practices, and the Potential for Consolidating Russia's Multicultural Society,"

conducted with the authors' participation. The study used a qualitative approach based on focus groups. The study population included young people in two age groups: younger (18–24) and older (25–29). This article draws on the findings of focus groups with students at higher education institutions in Rostov Oblast and the Donetsk and Lugansk People's Republics.

The authors analyze several key aspects of contemporary university students' value orientations. They examine the life goals that students prioritize over the next few years and identify the main criteria by which they judge success in life. They also identify the principal factors shaping young people's conceptions of a successful life and examine how these conceptions compare with those of the older generation. The findings show that participants' value orientations comprises a distinctive "triad": work they enjoy, material well-being, and family formation. Young people also express a marked desire to continue their education after graduation, at either the master's or doctoral level. The study also identified a tendency among participants to postpone family formation until they achieve professional fulfillment. The article is relevant both to specialists involved in developing and implementing state youth policy and to university staff responsible for student development. Its significance also lies in its examination of data from the Donetsk and Lugansk People's Republics—regions that have received limited attention from sociologists.

Keywords: university students, value orientations, life goals, success in life, consolidation, new regions

References

1. Gayfullin A. Yu. Sociological analysis of the value orientations of modern students. *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum*, 2023: 3(15): 221–232 (in Russ.). DOI: 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232; EDN: GQHMD.
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. Moscow, FCTAS RAS, 2020: 688 (in Russ.). DOI:10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.
3. Zinich A. V. Professional and life goals of modern youth. *Nauchnyj rezultat. Tehnologii biznesa i servisa*, 2023: 9: 4: 146–152 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-4-1-2; EDN: NXQPSL.
4. Zubok Yu. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 3(157): 4–12 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688; EDN: KFHOUI.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. et al. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 3: 79–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
6. Marshak A. L., Rozhkova L. V. Political and civil potential of youth of the Volga region and the Crimean republic in the modern situation. *Vlast'*, 2020: 28: 3: 98–109 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7319; EDN: ZLMYJO.
7. Mihajlovskaya S. A. Conceptualization of the concepts of "Student youth" and "Secondary employment". *Vestnik ZabGU*, 2014: 3(106): 68–74 (in Russ.). EDN: SCSHIF.
8. Palitay I. S. Ideological attitudes of modern Russian youth. *Rossiiskij politicheskij process v regionalnom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*, 2025: 18: 159–165 (in Russ.). EDN: VXNEAG.
9. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Life goals of youth and ways to achieve them (a survey in the South-Western and Southern regions of Russia). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 5: 97–107 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250023772-2; EDN: KQDNSZ.
10. Rozenberg N. V., Afanasyeva Yu. L., Rudakova I. A. A social image of modern student youth: value aspects (by the materials of sociological research results). *Izvestiya vuzov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2025: 1(73): 24–41 (in Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-3; EDN: WMEAWL.
11. Sedova N. N. Life Strategies of Youth in Capitals and Provinces. *Socialno-politicheskie nauki*, 2024: 14(6): 217–231 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-217-231; EDN: FCKSNU.
12. Sklyarova N. Yu., Brodovskaya E. V. Values, attitudes, and identity of young people receiving pedagogical education in Russia. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 2023: 1: 105–131 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-105-131; EDN: KFXWOL.
13. Tolkunov N. S. The influence of youth value orientations on the transformation of Russian society. *Svobodnaja mysl'*, 2024: 4(1706): 89–94. (in Russ.). EDN: DSIHMH.

14. Khalikova S. S. Life strategies of the far-eastern youth. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2022: 1(98): 117–124 (in Russ.). DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124; EDN: TVKOPG.
15. Value. The Great Russian Encyclopedia. Accessed: 03.10.2025. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699> (in Russ.).
16. Chasovskaya L. A., Efremov A. A. et al. Traditional spiritual and moral values of student youth. *Kommunikologija*, 2025: 13(2): 144–156 (in Russ.). DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-144-156; EDN: RTSKFO.
17. Chen L., Ren Q. et al. Youth values and attitudes. In *Child and Youth Well-being in China*. London, Routledge, 2018: 77–89. DOI: 10.4324/9780367086145-8.
18. Leskova A., Yochanna M. Values and Education for Values of Today's Youth. *Journal of Education Culture and Society*, 2024: 15(2): 35–42. DOI: 10.15503/jecs2024.2.19.33.
19. Silke C., Brady B. et al. Social values and civic behaviour among youth in Ireland: The influence of social contexts. *Irish Journal of Sociology*, 2019: 28: 44–64. DOI: 10.1177/0791603519863295.

The article was submitted on: October 9, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina I. Chikarova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of the Regional Studies at the Institute of Sociology and Regional Studies; Junior Researcher

Vadim G. Panteleev, Research Fellow

Danil A. Kiselev, Junior Researcher

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5

EDN: NUOPOM

Повседневный досуг в поселках городского типа Якутии: локальная инфраструктура и пространственная мобильность¹

Ссылка для цитирования: Винокурова А. В., Канзычакова Н. Г., Яковлев А. И. Повседневный досуг в поселках городского типа Якутии: локальная инфраструктура и пространственная мобильность // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 82–97. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5; EDN: NUOPOM.

For citation: Vinokurova A. V., Kanzychakova N. G., Yakovlev A. I. Everyday leisure in Yakutia's urban-type settlements: Local infrastructure and spatial mobility. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 82–97. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5; EDN: NUOPOM.

SPIN-код: 1193-8174

Винокурова Анна Викторовна^{1,2}

¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

vinokurova77@mail.ru

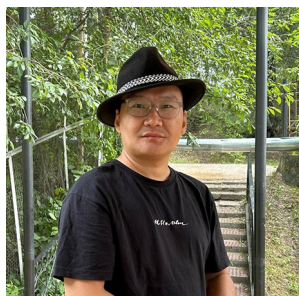

SPIN-код: 4050-9678

Канзычакова Надежда Германовна¹

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

kanzychakova.nadia@yandex.ru

SPIN-код: 4877-3181

Яковлев Айтал Игоревич¹

¹Северо-Восточный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

yakovlevital@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-00500.

Аннотация. В статье обсуждается проблема организации досуговых практик жителей поселков городского типа Республики Саха (Якутия). Поселки городского типа занимают промежуточное положение между городскими и сельскими поселениями и сохраняют важное значение в системе расселения регионов, при этом повседневные практики их жителей, в том числе досуговые, остаются недостаточно изученными. Преимущественным объектом большинства исследований досуга, что отечественных, что зарубежных, являются жители городов либо сельских территорий, тогда как население поселков городского типа редко попадает в поле зрения ученых, изучающих досуг. Исследование 2025–2026 гг., легшее в основу настоящей статьи, опирается на комплексную стратегию с использованием количественных и качественных методов. Его эмпирическую базу составили материалы фокусированных интервью с жителями двух пгт Якутии ($n = 24$), представляющими разные социально-демографические группы, а также данные формализованного анкетного опроса населения тех же поселков ($n = 112$). Полученные данные позволили установить, что досуговые практики жителей поселков городского типа формируются на пересечении локальных инфраструктурных возможностей и включенности поселков в более широкое территориальное пространство. Были выявлены две модели организации досуга: 1) с активным использованием ресурсов регионального центра (Якутск), поездки в который являются устойчивой частью повседневности; 2) с преимущественной ориентацией на использование локальной инфраструктуры и неформальных досуговых пространств при относительно нечастых выездах в более крупные центры. Показано, что поездки за пределы поселка нередко сочетают в себе несколько целей, а досуговые практики жителей поселков городского типа выходят за рамки ограниченных инфраструктурных возможностей и отражают специфический поселковый образ жизни, основанный на сочетании локальной укорененности и пространственной мобильности. Именно эта комбинация обеспечивает успешную адаптацию к условиям поселковой среды и выступает важным ресурсом устойчивости поселков городского типа.

Ключевые слова: досуговые практики, повседневность, досуговая инфраструктура, пространственная мобильность, образ жизни, поселки городского типа, Республика Саха (Якутия)

Введение

Современная система расселения России представлена различными типами поселенческих общностей. Если говорить о городских населенных пунктах, то согласно принятой в нашей стране административно-статистической классификации к ним относятся города и поселки городского типа. Последние образуют сравнительно небольшой, но заметный сегмент. По данным Росстата на 1 января 2024 г. в РФ насчитывается 1173 поселков городского типа (пгт), в которых проживает 7,03 млн чел., что составляет 4,8% от общей численности населения страны и 6,4% от ее городского населения¹.

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 14.07.2026).

В Республике Саха (Якутия) насчитывается 41 пгт, из них 39 имеют постоянное население, совокупная численность которого составляет 114 974 чел., что соответствует 11,5% от общей численности населения Республики и 17% от численности ее городского населения¹. Это позволяет заключить, что пгт сохраняют важное значение в системе расселения региона.

В отечественной научной традиции, связанной с изучением пгт, отчетливо прослеживаются несколько доминирующих направлений. Первое – «институционально-экономическое» – фокусируется на месте и роли пгт в общей системе расселения, их обеспеченности ресурсами, уязвимостях, возможных перспективах развития (см., напр.: [12; 10; 3]). Второе – «миграционное» – ориентировано на выявление причин и последствий сокращения численности населения пгт за счет миграции, а также факторов, сдерживающих и стимулирующих миграционную убыль (см., напр.: [7; 1; 9; 12]). Особенно часто подобные темы обсуждаются на материалах сибирских и дальневосточных поселков, где остро стоит проблема депопуляции и «сжатия» освоенного пространства. Третье – «социокультурное» – обращено к повседневности, локальной идентичности, символическому наполнению поселковой жизни (см., напр.: [20; 14]).

В рамках последнего, «социокультурного», направления особое место занимают исследования, посвященные проблематике досуга жителей пгт, поскольку именно досуговые практики помогают более четко описать и концептуализировать сложившиеся формы повседневного поселкового уклада. Через них можно увидеть, как проявляется характер локальных социальных связей и какова степень вовлеченности местного населения в семейные и соседские взаимодействия, оценить уровень включенности жителей в различные формы досуговой мобильности, связанные с выездами за пределы пгт, а также выявить субъективные представления о поселке как о комфортном или, напротив, ограничивающем пространстве.

Вместе с тем необходимо признать, что в исследованиях, посвященных социокультурным аспектам поселковой повседневности, тема досуговых практик если и бывает представлена, то, как правило, фрагментарно [8]. В большинстве работ, что российских, что зарубежных, где рассматривается досуг и свободное время жителей малых поселений, речь в основном идет либо о малых городах, либо о сельских территориях [22; 16; 5; 6; 17; 21; 2].

Как видим, пгт, занимающие промежуточное положение между городом и селом, редко оказываются самостоятельным объектом исследования при изучении повседневного досуга. Настоящая статья восполняет указанный пробел. Социологический интерес к досугу жителей пгт ориентирован не столько на описание доступных способов проведения свободного времени, сколько на выявление с их помощью механизмов адаптации повседневной жизни к условиям конкретной поселенческой среды.

¹ Рассчитано авторами по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 14.07.2026).

Ограниченность локальной инфраструктуры сама по себе не предопределяет дефицит досуга. Жители могут компенсировать ее использованием неформальных пространств, домашними практиками или регулярными выездами в другие населенные пункты. Соответственно, возникает вопрос: в какой мере ограниченность локальной среды определяет досуг жителей пгт, а в какой – компенсируется социальными и пространственными ресурсами? Цель настоящей статьи – выявить типичные модели организации досуга жителей пгт Республики Саха (Якутия).

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретическо-методологическую базу исследования составили концепции и подходы, рассматривающие досуг в качестве социального феномена. Во-первых, это концепция досуга как элемента образа жизни и повседневности [18; 19], в рамках которой он определяется не только как время, свободное от трудовой деятельности, но и как самостоятельная сфера повседневных практик, отражающая особенности жизненного уклада различных социальных групп.

Во-вторых, подход, содержащийся в работах П. Бурдье и ряда других авторов [23; 4], где досуг трактуется как социальная и пространственная практика. Данный подход примечателен тем, что в нем учитывается связь форм проведения свободного времени с доступными ресурсами и самими характеристиками среды проживания. Не меньший интерес представляет и концепция «третьих мест» Р. Ольденбурга – особых пространств вне дома и работы, создающих условия для неформального общения и социального взаимодействия [11]. Задаваемая идеями П. Бурдье и Р. Ольденбурга перспектива позволяет рассматривать пгт не только как место жительства, но и как пространство повседневного освоения, где инфраструктурные возможности и локальные связи определяют доступные формы досуга.

В-третьих, мобильностная теория Дж. Урри [15], признающая перемещения в пространстве значимой составляющей современной повседневности, в том числе досуговой, и потому являющаяся подходящей рамкой для анализа выездных форм досуговой активности. Данная теория позволяет интерпретировать поездки жителей пгт за его пределы не только как следствие ограниченности локальной среды, но и как способ расширения пространства повседневной жизни. В свою очередь возможность компенсировать локальные инфраструктурные ограничения за счет мобильности зависит от положения поселка относительно центров более высокого порядка, что обуславливает необходимость учитывать при анализе центр-периферийные различия в доступе к досуговым ресурсам.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, досуг жителей пгт можно трактовать как важный элемент их образа жизни, отражающий возможности и ограничения поселковой среды, а также особенности восприятия и освоения локального пространства.

Местом проведения исследования были выбраны пгт Жатай одноименного городского округа и Мохсоголлох Хангаласского улуса, демонстрирующие разные траектории социально-экономического и пространственного развития. Мохсоголлох как поселение возник вокруг крупного промышленного предприятия – Якутского цементного завода (Якутцемент), в свою очередь Жатай формировался как поселок речников, развитие которого определялось деятельностью предприятий судоремонтного и судостроительного комплексов, а также функционированием речного транспорта на р. Лене. Различаются поселки и по своему географическому расположению. Жатай находится в пригородной зоне Якутска, что создает условия для маятниковой миграции и большей вовлеченности его населения в экономику и инфраструктуру региональной столицы. Мохсоголлох, напротив, более чем на 100 км удален от административного центра республики, что, с одной стороны, способствует большей его автономности, а с другой – создает ряд ограничений в плане доступа к городским ресурсам. Сравнительный анализ этих двух кейсов позволил выявить влияние местоположения пгт на досуговые практики их жителей.

Сбор эмпирической информации осуществлялся в два этапа.

На первом этапе (март 2025 г.) была проведена серия фокусированных интервью с жителями пгт Жатай и Мохсоголлох ($n = 24$), анализ материалов которых проводился с применением логики тематического кодирования.

На втором этапе (март 2026 г.) проводился формализованный анкетный опрос жителей тех же пгт. Всего было опрошено 112 человек. Указанные поселки мы отобрали с учетом их территориального расположения относительно региональной столицы. Жатай располагается в пригородной зоне Якутска, а Мохсоголлох находится на достаточно удаленном расстоянии от административного центра РС (Я) (примерно в 100 км от Якутска). Затем посредством маршрутного метода осуществлялся отбор домохозяйств, далее опрашивали всех взрослых (18 лет и старше) членов отобранных домохозяйств. Среди опрошенных женщины составили 63,4%, мужчины – 36,6%. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 18–24 лет – 8,9%; 25–34 лет – 19,6%; 35–59 лет – 54,5%; 60 лет и старше – 17%. Анкета включала 37 вопросов, условно разделенных на несколько тематических блоков: локальная идентичность и жизненные стратегии, занятость и трудовые практики, повседневность и досуг, инфраструктура и качество жизни, миграционные настроения, социально-демографические характеристики участников опроса.

Основные результаты исследования

Локальная инфраструктура и досуговые пространства пгт. Важным условием формирования и реализации досуговых практик жителей пгт выступает локальная инфраструктура, поскольку именно она определяет доступное пространство для проведения свободного времени. В крупных

городах, прежде всего в региональных столицах, досуговая среда обычно включает широкий спектр учреждений культуры, спорта, общественного питания, торгово-развлекательных центров, парков, кинотеатров, клубов, образовательных пространств, коммерческих сервисов и много другого. В поселках набор таких заведений и пространств значительно уже, поэтому организация досуга в большей степени связана не с выбором из множества альтернатив, а с использованием ограниченного числа доступных возможностей.

Вместе с тем, как показывает анализ отобранных нами для изучения поселковых кейсов, роль локальной инфраструктуры определяется не только ее наполнением, но и положением пгт в системе расселения. В расположенном в непосредственной близости от Якутска Жатае досуговая среда фактически выходит за административные границы поселка. Несмотря на наличие в ней собственных досуговых учреждений и пространств, его жители постоянно пользуются возможностями регионального центра. Повседневные формы досуга реализуются ими преимущественно в самом поселке, однако более разнообразные культурные, развлекательные и потребительские практики нередко переносятся в Якутск: *«Ой, ну конечно, в Якутск постоянно ездим погулять, посмотреть, что-то купить. Вроде и у нас все есть, но иногда хочется чего-то такого, не знаю, другого чего-то»* (ж., 47 л., Жатай); *«На концерт какой-то, в театр на премьеру – это, конечно, в Якутск, к нам большие заезжие артисты обычно не доезжают»* (ж., 73 г., Жатай).

Иная ситуация складывается в Мохсоголлохе. Здесь локальная инфраструктура в куда большей степени определяет повседневную организацию досуга, а ее ограниченность компенсируется активным использованием прилегающих территорий и других неформальных пространств поселка. В этих условиях досуговая среда включает не только официальные досуговые учреждения: культурно-развлекательный центр, различные спортивные объекты (спортзалы, бассейн, детские и спортивные площадки), библиотеку, но и, например, гаражи, дачные участки и прочие освоенные жителями пространства повседневности: *«Дача – это наше все, это прямо правило такое: с самой весны до осени, до самых холодов, жить на даче. Все там, там движняк: кто-то шашлыки жарит, кто-то на рыбалку идет, кто-то с детьми играет, в гости друг к другу ходят – вся жизнь там»* (м., 44 г., Мохсоголлох).

Как видим, в Жатае близость региональной столицы значительно расширяет спектр доступных возможностей и при этом формирует более высокий уровень ожиданий относительно качества и разнообразия досуговой инфраструктуры. В свою очередь в Мохсоголлохе досуговая инфраструктура поселка выходит далеко за рамки формально существующей сети учреждений и включает разнообразные неинституционализированные пространства.

Самым распространенным из таких неинституционализированных мест проведения свободного времени оказался дом, этот вариант отметили 92,9% анкетированных. Следующими по значимости являются дача, огород

или приусадебный участок (45,5%), а также природные пространства, связанные с выездами на пашлыки, охотой, рыбалкой и иными схожими форматами отдыха (37,5%). Еще треть респондентов (33,0%) в качестве частого места проведения досуга указали интернет и социальные сети.

Из организованных форм досуга самой популярной стоит признать выезды за пределы поселка, о ней упомянули 50,9% участников анкетирования. Общественные пространства пгт – парки, скверы и другие подобные места – используют 42,9% их жителей; учреждения культуры и кафе, магазины и торговые точки – 33,9%, спортивные объекты – 26,8%. При этом 11,6% указали, что практически не проводят свободное время в подобных местах.

Таким образом, досуг в поселке не сводится исключительно к посещению специализированных учреждений. Его основу составляют сочетание домашних, семейных, природно-ориентированных и выездных практик, а организованные формы включаются в более широкий комплекс повседневной активности. Это позволяет иначе взглянуть и на проблему ограниченности досуговой инфраструктуры пгт. Относительно невысокая востребованность отдельных учреждений сама по себе не свидетельствует ни об их недоступности, ни о неудовлетворенности ими жителей. Для части населения потребность в институционализированных формах досуга менее выражена, поскольку свободное время организуется преимущественно вокруг дома, семьи, дачи, природы или общения в цифровой среде.

Важен не только объем формально доступной инфраструктуры, но и то, насколько она соответствует сложившемуся образу жизни. Поселковая среда предполагает иной набор способов проведения свободного времени, нежели крупный город. Отсутствие широкого спектра специализированных заведений частично компенсируется использованием пространств, которые вообще не имеют исключительно досуговой функции. Так, поездка в другой населенный пункт может одновременно сопряжена с несколькими целями: отдыхом, общением, семейным взаимодействием, решением повседневных задач. Поэтому вопрос о качестве досуговой среды целесообразно рассматривать не только с позиции наличия или отсутствия соответствующих учреждений, но и через призму способности жителей конструировать из доступных ресурсов приемлемые для себя формы досуга.

Не последнее влияние на организацию досуговых практик жителей пгт оказывает также их семейная ситуация. Большинство опрошенных имеют детей: 30,4% – одного ребенка, 33% – двоих, 17% – троих и более. Как следствие, для значительной части жителей обоих поселков досуг встраивается в семейную повседневность и обусловлен не только и не столько индивидуальными предпочтениями, сколько необходимостью согласовывать свободное время с интересами и потребностями других членов семьи. По этой причине особое значение приобретают такие формы досуга, которые допускают совместное участие: например, пребывание на даче, отдых на природе, посещение общественных пространств, поездки за пределы поселка.

В контексте досуга семейный статус выступает не только фактором потенциального ограничения свободного времени, но и задает саму структуру досуговых практик. Для семей с детьми досуг может в большей степени приобретать совместный и повседневно-практический характер, а индивидуальные и институционализированные формы, напротив, отходить на второй план.

Данные анкетирования позволяют получить представление об общем состоянии досуговой инфраструктуры исследуемых пгт на основании оценок их жителей. При ответе на вопрос о наиболее характерных для поселка хозяйственных и инфраструктурных проблемах 32,1% указали на недостаток мест и возможностей для проведения досуга. Справедливости ради отметим, что это не самая популярная альтернатива из предложенных, гораздо больше опрошенных волнуют плохие дороги (48,2%), недостаточная доступность медицинских услуг (43,8%), проблемы ЖКХ (34,2%), экологические проблемы (33,6%). И тем не менее дефицит досуговой инфраструктуры относится к числу заметных ограничений поселковой среды.

В то же время жители пгт воспринимают существующую досуговую инфраструктуру неоднозначно. Наряду с фиксацией ее дефицита большинство не выражают явной неудовлетворенности ее состоянием: 17,6% им полностью удовлетворены, 39,5% – скорее удовлетворены. Те, кто неудовлетворен, находятся в меньшинстве: 9,6% скорее не удовлетворены, 5,1% не удовлетворены полностью. Еще 28,2% затруднились с оценкой, выбрав альтернативу «сложно сказать».

Ограниченность локальной досуговой инфраструктуры также не сопровождается массовой неудовлетворенностью организацией досуга. Почти две трети опрошенных (65,2%) полностью или скорее удовлетворены тем, как проводят свободное время; 61,6% положительно оценивают существующие в поселке досуговые возможности. Представленные данные позволяют сделать вывод: дефицит отдельных видов инфраструктуры и субъективная неудовлетворенность досугом – не одно и то же. Ответы жителей пгт указывают на их адаптацию к доступному набору возможностей и формирование у них устойчивых способов дополнения имеющейся досуговой инфраструктуры домашними, природными и выездными практиками.

Высказываясь о досуговой инфраструктуре, информанты, как правило, не оценивали ее в терминах «хорошая» или «плохая». Скорее они сопоставляли имеющиеся возможности с собственными потребностями и с тем, что есть в поселке, нередко подчеркивая при этом доступность существующих учреждений культуры и спорта, разнообразие кружков и секций, невысокую стоимость занятий: *«Мы с девочками два раза в неделю ходим в бассейн. Абонемент совсем недорогой, четыре раза сходить – всего 360 рублей. В городе за такие деньги точно не поплаваешь. И народу, кстати, всегда хватает»* (ж., 73 г., Мохсоголлох); *«У нас в Центре культуры жизнь кипит. Для всех что-нибудь найдется: и детям, и молодежи, и пенсионерам. Кто поет, кто танцует, кто творчеством занимается. И ведь многое бесплатно, а сделано все достойно, совсем не хуже, чем*

в городе» (ж., 60 л., Жатай). Реже информанты отмечали отсутствие некоторых современных форм досуга, востребованных прежде всего молодежью: *«Если про молодежь говорить, то им, конечно, хочется чего-нибудь посовременнее. Ну там, кофейни всякие, какие-то места, где можно просто посидеть, пообщаться, такие, атмосферные, ламповые¹. В этом плане поселок пока до города не дотягивает»* (ж., 59 л., Мохсоголлох).

Озвученные запросы на современные форматы досуга важно рассматривать в контексте жизненных стратегий молодежи, проживающей в пгт. Результаты анкетирования показывают, что 67,0% его участников относят отсутствие перспектив для молодых людей к числу наиболее характерных социальных проблем исследуемых поселков. Полученные данные наглядно демонстрируют, что развитие досуговой среды не является изолированной проблемой и включено в более широкий комплекс представлений о привлекательности пгт для молодых жителей. Причем речь идет не только о количестве учреждений или наличии конкретных развлечений, но и о соответствии локальной среды современным ожиданиям, касающимся общения, самореализации, потребления и способов проведения свободного времени.

С этой точки зрения нехватка кафе, общественных пространств и/или иных современных форматов досуга может выступать для молодежи одним из маркеров ограниченности поселковой среды и тем самым негативно влиять на ее представления относительно возможности обеспечить себе в будущем желаемый образ жизни в родном пгт. Поэтому развитие досуговой инфраструктуры необходимо рассматривать не как самостоятельную задачу по расширению перечня развлечений, а как элемент повышения привлекательности поселка в целом, превращения его в место, где молодежь захочет остаться жить.

Как видим, досуговая инфраструктура пгт не воспринимается жителями исключительно через призму дефицита или достаточности. Более существенным следует признать ее соответствие сложившемуся образу жизни и повседневным потребностям различных групп населения. При этом значение отдельных элементов досуговой среды может существенно варьироваться в зависимости от возраста и жизненной ситуации.

Мобильный досуг: поездки за пределы поселка. Имеющиеся ограничения локальной инфраструктуры не означают, что досуговая повседневность жителей пгт замыкается в его административных границах. Часть потребностей в отдыхе, развлечениях, общении и культурном участии реализуется за пределами поселка. Результаты анкетирования позволяют говорить о высокой интенсивности пространственной мобильности населения обследованных пгт. Большинство опрошенных выезжает достаточно часто: практически ежедневно – 18,3%, несколько раз в неделю – 20,2%, несколько раз в месяц – 27,5%. Таким образом, почти 2/3 жителей пгт оказываются включены в устойчивые практики пространственной мобильности, предполагающие регулярные выезды за пределы поселка. Эти перемещения не относятся к числу исключительных или эпизодических.

¹ Ламповый – разговорное обозначение уютного, неформального, эмоционально комфортного пространства.

Напротив, они имеют довольно регулярный характер и составляют часть повседневного образа жизни. География и направленность таких повседневных перемещений различается в зависимости от территориального положения поселка и его близости к республиканским центрам различного уровня. Для жителей Жатай, находящегося в непосредственной близости от Якутска, главным центром притяжения закономерно является региональная столица, а для жителей Мохсоголлоха более предпочтительным направлением выступает Покровск – административный центр Хангаласского улуса.

Самой распространенной причиной выезда за пределы поселка оказалось совершение покупок, на это указали 57,8% опрошенных. Второе место по частоте упоминания заняли поездки, связанные с реализацией культурно-досуговых потребностей, – 49,1%. Существенная доля выездов приходится также на трудовую мобильность (33,1%), визиты к родственникам и друзьям (32,1%) и поездки за медицинской помощью (31,7%). Заметно реже люди выезжали из своих поселков ради получения административных услуг (14,2%) и учебы (6,8%).

По признанию анкетированных, их поездки за пределы пгт в большинстве случаев совмещают в себе несколько целей. Мобильный досуг редко реализуется как полностью самостоятельная практика, чаще он оказывается встроенным в целый комплекс повседневных перемещений, через которые жители поселков компенсируют ограниченность локальной инфраструктуры и включаются в более широкое социальное и территориальное пространство.

Для населения Жатай выезды в Якутск давно стали привычной частью повседневной мобильности. В их случае городская инфраструктура естественным образом дополняет возможности поселка, что, во-первых, позволяет сочетать практические и рекреационные цели поездки «в город», а во-вторых, делает границу между локальным и городским досугом подвижной: *«Ну тут как? За чем-то одним же ездить невыгодно. Вот, например, надо к врачу, днем или утром сходила, потом навестила подругу, сходила к детям, вечером можно куда-то покушать сходить или в кино, например»* (ж., 56 л., Жатай); *«Вроде все у нас есть, но в городе то одно нужно, то другое, со стройматериалами там получше, больше выбор, опять же к детям. Мама у меня заядлая театралка, следим с ней за афишами. Если увидим что-то стоящее, что действительно хочется посмотреть, здесь без вариантов – едем на спектакль в Якутск»* (ж., 47 л., Жатай).

В Мохсоголлохе выездной досуг носит иной характер. Удаленность от регионального центра делает поездки туда менее регулярными, более затратными и требующими предварительного планирования. Чаще они бывают вызваны какой-нибудь «важной» причиной – покупками, потребностями в медицинских услугах, визитами к родственникам, отпуском, решением бытовых вопросов, а досуговый компонент включается в них попутно. В силу указанных обстоятельств внешние ресурсы не становятся для жителей Мохсоголлоха повседневным продолжением поселковой

среды, как в Жатае. Скорее, они используются в качестве дополнительной возможности: *«Вот мне надо ехать [в Якутск] по каким-то своим делам, и я им [родственникам] говорю: „Так, куда сегодня?“ И мы идем, ну куда-нибудь, где вкусно кормят, [в] кафе, ресторан. Мы идем на выставку, в музей, еще куда-то. Так бы специально я не поехала, а так полезное совмещаешь с приятным»* (ж., 45 л., Мохсоголлох).

В то же время сама возможность выезда вовсе не обязательно предполагает наличие устойчивой нужды в городском досуге. Для части информантов, например старших возрастов, подобные поездки бывают связаны прежде всего с поддержанием родственных связей, тогда как досуговые практики включаются в них ситуативно. В этом случае город не замещает поселковую среду. Он используется в качестве дополнительного ресурса, а возвращение обратно домой остается предпочтительным завершением поездки: *«Если бы не дети, то, может, и не ездила бы никуда, а так приезжаю к ним навестить, повидаться с внуками. Ну и они хотят маму как-то развлечь, чтобы не скучно ей было, что-то интересное показать. А я что? Я не против, только за. Но иной раз устаю, хочется назад в свой родной поселок»* (ж., 68 л., Мохсоголлох).

Как становится ясно из ответов информантов и анкетированных, выезды за пределы пгт часто оказываются рациональным способом восполнить то, чего не хватает в самом поселке: кафе, развлекательные заведения, общественные пространства, т. е. те «третьи места», которые делают жизненную среду более насыщенной и разнообразной. Когда в родном поселке подобных пространств недостаточно, поездка в более крупный населенный пункт становится привычным элементом организации досуга и повседневного потребления.

Заключение

Полученные данные позволяют рассматривать досуг как одну из сфер, в которой особенно отчетливо проявляется специфика поселкового образа жизни. Для проживающих в пгт характерен иной, нежели для горожан, способ организации повседневности – такой, при котором границы между собственно досугом, с одной стороны, и неформальным общением, бытовыми занятиями, перемещениями за пределы места жительства, с другой, оказываются достаточно подвижными. Это делает применение к поселкам типично городской логики оценивания – через разнообразие специализированной инфраструктуры – не вполне корректным, так как эта логика отражает реальную структуру свободного времени их жителей лишь отчасти.

Объективная ограниченность локальных ресурсов вовсе не обязательно переживается жителями пгт как непосредственный дефицит, поскольку часть их потребностей удовлетворяется вне специализированных учреждений или за пределами самого поселка. Его население не только выбирает между уже существующими возможностями, но в определенной

степени самостоятельно конструирует пространство своей повседневности. Дом, дача, природное окружение, общественные пространства и внешние центры образуют единую сеть доступных ресурсов, конфигурация которой зависит не столько от административных границ пгт, сколько от сложившихся практик ее использования. В этом отношении пространственная мобильность представляет собой не противоположность локальной укорененности, а один из способов ее поддержания. Возможность получать часть необходимых ресурсов вне поселка позволяет людям продолжать жить там, сохраняя доступ к более широкому спектру благ и услуг.

Зафиксированная нами сравнительно высокая удовлетворенность собственным досугом при одновременно фиксируемых инфраструктурных ограничениях не является противоречием. Скорее, она отражает способность жителей приспосабливать доступную среду к сложившемуся образу жизни. Впрочем, такую адаптацию отнюдь не следует безусловно принимать за свидетельство достаточности существующих возможностей. Привычные формы досуга могут вполне соответствовать потребностям одних групп и вместе с тем восприниматься другими как ограничивающие. Особенно показателен в этом отношении молодежный запрос, который обращен уже не только к наличию конкретных мест проведения свободного времени, но и к качеству самой локальной среды, а также к возможности реализовать в ней желаемый стиль жизни. Когда существующая среда перестает соответствовать имеющимся ожиданиям, инфраструктурный дефицит необходимо приобретает социальное значение.

Если исходить из более широкого контекста, полученные нами данные позволяют уточнить само понимание промежуточного положения пгт между городом и селом. Эта промежуточность проявляется не только формально, через административный статус и численность населения, но и воспроизводится на уровне повседневных практик. Имеет место сочетание относительно высокой локальной укорененности с регулярным обращением к ресурсам внешних центров. Поэтому пгт целесообразно рассматривать не как «недостаточно городской» тип поселения, а как самостоятельную социально-пространственную среду со своими способами организации повседневности.

Принятие этого вывода задает соответствующие рамки для оценивания качества поселковой среды. Само по себе увеличение числа учреждений досуга не гарантирует их востребованность, как и отсутствие отдельных объектов не обязательно означает низкое качество повседневной жизни. Более продуктивным в перспективе нам представляется вопрос о соответствии инфраструктуры реальным практикам и меняющимся запросам различных групп жителей, а также о доступности внешних ресурсов, которыми локальная среда фактически дополняется. Дальнейшее сравнительное изучение пгт в других российских регионах позволит установить, какие из выявленных особенностей обусловлены конкретной системой расселения Якутии, а какие характеризуют пгт в общем, как особую форму организации социальной и пространственной жизни.

Библиографический список

1. Амбросова В. И. Гражданская идентичность и миграционные намерения старшеклассников (на примере пгт Эльбан) // Амурский научный вестник. 2018. № 2. С. 4–15. EDN: XSPZVZ.
2. Бабич И. Л. Мир повседневности жителей малых городов, или Искусство жить в провинциальном городе (на примере Гусь-Хрустального) // Общество. Среда. Развитие. 2025. № 2(75). С. 34–46. DOI: 10.53115/19975996_2026_02_135_145; EDN: QBMJEL.
3. Бреславский А. С. Поселки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 4 (70). С. 90–98. DOI: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98; EDN: UBPQZR.
4. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–568.
5. Жирикова А. А. Досуговые практики жителей средних и малых городов России // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4(126). С. 91–98. EDN: SGMAWB.
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов: особенности саморегуляции // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 140–156. DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11; EDN: UTKKIW.
7. Ипполитова Н. А. Пгт Иркутской области: современное состояние и перспективы развития // Вестник ИрГТУ. 2014. № 12 (95). С. 274–283. EDN: TFGCHF.
8. Казакова С. В., Федотова А. В. Теоретические основы организации выставочной деятельности в поселке городского типа // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 78-1. С. 145–151. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-40; EDN: CNPNKM.
9. Мельникова Е. В., Казанова Н. В., Штыров А. В. Динамика миграционных настроений студентов как ответ на развитие волгоградской агломерации // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 3. С. 130–145. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13; EDN: DCLLNS.
10. Петровская О. В. Поселки городского типа в системах расселения регионов России // Вестник ТвГУ. География и геоэкология. 2021. № 3(35). С. 28–41. DOI: 10.26456/2226-7719-2021-3-28-41; EDN: КОТТТW.
11. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: НЛО, 2014. 456 с.
12. Симагин Ю. А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: ИСЭПН РАН, 2009. 224 с.

13. Тиникова Е. Е., Прищепа Е. В. Социально-экономические проблемы монопрофильных поселений Хакасии в условиях рыночной экономики // Исторический курьер. 2022. № 4(24). С. 72–79. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-6; EDN: UZDXGJ.

14. Тиникова Е. Е., Винокурова А. В. и др. Между селом и городом: социальная идентичность локальных сообществ поселков городского типа Республики Бурятия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 2. С. 120–129. DOI: 10.63973/1998-6785/2025-2/120-129; EDN: NFALCN.

15. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Н. А. Харламова. М.: ИКГ «Праксис», 2012. 576 с.

16. Campbell A. Location, Location, Location: Women's Leisure in Rural Australia // Leisure Studies. 2013. Vol. 32. No. 3. P. 249–263. DOI: 10.1080/02614367.2011.627373.

17. Chen N., Tsai Ct. L. Rural-Urban Divide and the Social Stratification in Leisure Participation in China: Application of Multiple Hierarchy Stratification Perspective // Applied Research Quality Life. 2020. Vol. 15. P. 1535–1548. DOI:10.1007/s11482-019-09750-z.

18. Dumazedier J. Sociologie Empirique du Loisir: Critique et Contre-Critique de la Civilisation du Loisir. Paris: Éditions du Seuil, 1974. 270 p.

19. Elias N., Dunning E. Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Chester Springs PA: University College Dublin Press, 2008. 336 p.

20. Grigoriev K. V., Elokhina Yu. V. Not a City Yet, not a City Anymore: Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 15. Is. 2. P. 169–178. DOI: 10.17516/1997-1370-0897; EDN: UGHIIU.

21. Lynnebakke B. The Role of Leisure Practices and Local Identity in Migrants' Inclusion in Two Rural Norwegian Municipalities // Social Inclusion. 2024. Vol. 12. P. 1–18. DOI: 10.17645/si.7805.

22. Mair H. Club Life: Third Place and Shared Leisure in Rural Canada // Leisure Studies. 2009. Vol. 31. No. 5. P. 450–465. DOI: 10.1080/01490400903199740.

23. Place Attachment / Ed. by I. Altman, S. Low. N. Y: Plenum Publishing Corporation, 1992. 314 p.

Получено редакцией: 10.08.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук; старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям

Канзычакова Надежда Германовна, научный сотрудник лаборатории этнопсихологии

Яковлев Айтал Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Всемирная, отечественная история, этнология, археология» Исторического факультета

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5

Everyday leisure in Yakutia's urban-type settlements: Local infrastructure and spatial mobility¹

Anna V. Vinokurova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

vinokurova77@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6415-4680

Nadezhda G. Kanzychakova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

kanzychakova.nadia@yandex.ru

ORCID: 000-0002-6928-8351

Aital I. Yakovlev

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

yakovlevital@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3233-780X

For citation: Vinokurova A. V., Kanzychakova N. G., Yakovlev A. I. Everyday leisure in Yakutia's urban-type settlements: Local infrastructure and spatial mobility. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 82–97. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.5; EDN: RGHBQK.

Abstract. The paper examines how residents of urban-type settlements in the Sakha Republic (Yakutia) organize their leisure. Urban-type settlements occupy an intermediate position between urban and rural settlements and remain an important component of regional settlement systems; however, their residents' everyday practices, including leisure practices, remain understudied. Most leisure research, both in Russia and internationally, focuses on urban or rural populations, while residents of urban-type settlements rarely receive scholarly attention in this field. The study underpinning this article was conducted in 2025–2026 and employed a mixed-methods research design combining quantitative and qualitative methods. The empirical data were collected through focused interviews with residents from a range of sociodemographic groups in two urban-type settlements in Yakutia ($n = 24$) and a structured questionnaire survey of residents of the same settlements ($n = 112$). The findings show that residents' leisure practices are shaped by the interplay between the opportunities afforded by local infrastructure and the settlements' connections to a wider geographic area. Two models of leisure organization were identified: (1) active use of resources in the regional center (Yakutsk), with trips to the city forming an established part of everyday life; and (2) reliance primarily on local infrastructure and informal leisure spaces, with relatively infrequent trips to larger centers. The study shows that trips beyond the settlement often serve multiple purposes and that residents' leisure practices are not confined to the opportunities provided by local infrastructure. These practices reflect a way of life specific to urban-type settlements, grounded in a combination of local rootedness and spatial mobility. This combination enables successful adaptation to life in these settlements and is an important resource for their resilience.

Keywords: leisure practices, everyday life, leisure infrastructure, spatial mobility, way of life, urban-type settlements, Sakha Republic (Yakutia)

References

1. Ambrosova V. I. Civic Identity and Migration Intentions of High School Students: the Case of the Urban-Type Settlement of Elban. *Amurskiy nauchnyy vestnik*, 2018: 2: 4–15 (in Russ.). EDN: XSPZVZ.
2. Babich I. L. World of Everyday Life of Residents of Small Towns, or Art of Living in a Provincial Town (on the Example of Gus-Khrustalny). *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2025: 2: 34–46 (in Russ.). DOI: 10.53115/19975996_2026_02_135_145; EDN: QBMJEL.
3. Breslavsky A. S. Urban-Type Settlements in the Post-Soviet Transformation of Urban Settlement System in Transbaikalia and the Russian Far East. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 2024: 4(70): 90–98 (in Russ.). DOI: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98; EDN: UBPQZP.
4. Bourdieu P. Distinction: a Social Critique of the Judgement of Taste. In *Western Economic Sociology. Reader of Contemporary Classics*. Comp. and ed. by V. V. Radaev. Moscow, ROSSPEN, 2004: 537–568 (in Russ.).

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-00500.

5. Zhirikova A. A. Leisure Practices of Residents of Medium-Sized and Small Cities in Russia. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie*, 2014: 4(126): 91–98 (in Russ.). EDN: SGMAWB.
6. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Cultural Life and Cultural Practices of Young People in Small Towns: Features of Selfregulation. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2020: 3: 140–156 (in Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11; EDN: UTKKIW.
7. Ippolitova N. A. Irkutsk Region Urban-Type Settlements: Current State and Development Prospects. *Vestnik IrGTU*, 2014: 12(95): 274–283 (in Russ.). EDN: TFGCHF.
8. Kazakova S. V., Fedotova A. V. Theoretical Foundations of Organizing Exhibition Activities in an Urban-Type Settlement. *Tendencii Razvitiya Nauki i Obrazovaniya*, 2021: 78-1: 145–151 (in Russ.). DOI: 10.18411/trnio-10-2021-40; EDN: CNPNKM.
9. Melnikova E. V., Kazanova N. V., Shtyrov A. V. Dynamics of Student Migration Intentions as a Response to the Development of Volgograd Agglomeration. *Logos et Praxis*, 2021: 20: 3: 130–145 (in Russ.). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13; EDN: DCLLNS.
10. Petrovskaya O. V. Urban-Type Settlements in the Russian Regional Settlement System. *Vestnik TvGU. Geografiya i geokologiya*, 2021: 3(35): 28–41 (in Russ.). DOI: 10.26456/2226-7719-2021-3-28-41; EDN: KOTTTW.
11. Oldenburg R. Tret'e mesto: kafe, kofeyni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva [The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow, NLO, 2014: 456 (in Russ.).
12. Simagin Yu. A. Poselki городского типа России: transformaciya seti i osobennosti naseleniya [Urban-Type Settlements in Russia: Transformation of the Network and Population Characteristics]. Moscow, ISEPN RAN, 2009: 224 (in Russ.).
13. Tinikova E. E., Prishchepa E. V. Socio-Economic Problems of Single-Industry Settlements of Khakassia in the Context of the Market Economy. *Istoricheskiy kur'er*, 2022: 4 (24): 72–79 (in Russ.). DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-6; EDN: UZDXGJ.
14. Tinikova E. E., Vinokurova A. V. et al. Between Village and City: Social Identity of Local Communities in Urban-Type Settlements in the Republic of Buryatia. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2025: 19: 2: 120–129 (in Russ.). DOI: 10.63973/1998-6785/2025-2/120-129; EDN: NFALCN.
15. Urry J. Mobilities. Transl. from Eng. by A. V. Lazarev; intr. article by N. A. Kharlamov. Moscow, IKG «Praksis», 2012: 576 (in Russ.).
16. Campbell A. Location, Location, Location: Women's Leisure in Rural Australia. *Leisure Studies*, 2013: 32: 3: 249–263. DOI: 10.1080/02614367.2011.627373.
17. Chen N., Tsai Ct. L. Rural-Urban Divide and the Social Stratification in Leisure Participation in China: Application of Multiple Hierarchy Stratification Perspective. *Applied Research Quality Life*, 2020: 15: 1535–1548. DOI: 10.1007/s11482-019-09750-z.
18. Dumazedier J. Sociologie Empirique du Loisir: Critique et Contre-Critique de la Civilisation du Loisir. Paris: Éditions du Seuil, 1974: 270 (in Fr.).
19. Elias N., Dunning E. Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Chester Springs PA: University College Dublin Press, 2008: 336.
20. Grigoriev K. V., Elokhina Yu. V. Not a City Yet, Not a City Anymore: the Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2022: 15: 2: 169–178. DOI: 10.17516/1997-1370-0897; EDN: UGHIIU.
21. Lynnebakke B. The Role of Leisure Practices and Local Identity in Migrants' Inclusion in Two Rural Norwegian Municipalities. *Social Inclusion*, 2024: 12: 1–18. DOI:10.17645/si.7805.
22. Mair H. Club Life: Third Place and Shared Leisure in Rural Canada. *Leisure Studies*, 2009: 31: 5: 450–465. DOI: 10.1080/01490400903199740.
23. Place Attachment. Ed. by I. Altman, S. Low. New York: Plenum Publishing Corporation, 1992: 314.

The article was submitted on: 10 August, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Sciences of the School of Arts and Humanities; Senior Researcher at the Department of International and Interregional Relations

Nadezhda G. Kanzychakova, Researcher at the Laboratory of Ethnopsychology

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of World History, Russian History, Ethnology and Archaeology of the Faculty of History

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

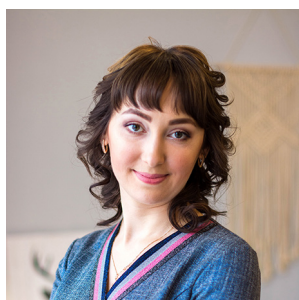
DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6
EDN: OOFOZG

Молодежные сетевые сообщества Сибири: дискурс-анализ мобилизационных практик в контексте специальной военной операции¹

Ссылка для цитирования: Бурмакина А. Л. Молодежные сетевые сообщества Сибири: дискурс-анализ мобилизационных практик в контексте специальной военной операции // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 98–117. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6; EDN: OOFOZG.

For citation: Burmakina A. L. Online youth communities in Siberia: A discourse analysis of mobilization practices in the context of the special military operation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 98–117. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6; EDN: OOFOZG.

**Бурмакина
Анна Леонидовна¹**

¹Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия

anna-sidjakina@rambler.ru

SPIN-код: 7988-9068

Аннотация. В статье обсуждаются результаты дискурс-анализа мобилизационных практик, представленных в региональных сетевых молодежных сообществах Сибири и тематически связанных со специальной военной операцией. Такого рода сообщества рассматриваются как неочевидные, но активные агенты сетевых взаимодействий, включенные в процессы мобилизации (активизации) совместных усилий в целях преобразования общественного пространства регионов.

Эмпирической базой исследования послужили публикации в сетевых молодежных сообществах Сибирского макрорегиона, к которому были отнесены: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Кемеровская область – Кузбасс, Томская, Иркутская, Новосибирская и Тюменская области, Красноярский и Алтайский края, республики Хакасия, Тыва и Алтай. Массив исследуемых сетевых сообществ включал: официальные аккаунты государственных организаций и представителей органов власти в сфере молодежной политики, профили общественных молодежных организаций и движений, региональные и городские молодежные паблики, объединения творческой, работающей и религиозной молодежи. Мобилизационные практики в этих сообществах изучались на примере постов, тематически связанных со специальной военной операцией.

По итогам проведенного дискурс-анализа текстов публикаций было выделено несколько крупных групп тематик как характерные для всех регионов Сибири (военный, патриотический, гуманитарная помощь и поддержка военных, социальная поддержка

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-01459.

семей военнослужащих, героизм), так и специфических для конкретных регионов (консолидация общества, региональная идентичность и социальная сплоченность, коллективные действия и участие, культура и искусство, награды). Далее эти блоки в зависимости от их направленности были объединены в две группы: деятельностные и ценностно-ориентированные. Как показало исследование, в структуре и общерегиональных, и специфических тематических блоков преобладают те, которые носят информационно-просветительский характер и имеют патриотическую ориентированность. Те же, что демонстрируют примеры успешных вариантов объединения молодежи ради реализации конкретной помощи нуждающимся, оказались, напротив, в меньшинстве.

В заключении делается вывод о снижении в сетевом пространстве доли контента, транслирующего результаты инициативной деятельности молодых людей, и о трансформации целей использования ими социальных сетей в сторону развития ее собственного социального капитала.

Ключевые слова: социальная мобилизация, политическая мобилизация, Сибирский макрорегион, сетевые сообщества, специальная военная операция, молодежь

Введение

В условиях динамичной трансформации социальных отношений, политической нестабильности и социально-экономической неопределенности возникает потребность в управленческих инновациях в сфере взаимодействия власти и населения при сохранении приоритетного вектора развития. Одновременно формируется устойчивый институциональный запрос на активизацию (мобилизацию) деятельности региональных сообществ с целью разрешения ключевых социальных проблем и противоречий.

Неуклонно нарастающая цифровизация общественных процессов приводит к созданию новых коммуникационных пространств, какими становятся сетевые сообщества и группы. Действуя на онлайн-платформах в режиме открытого общения, они переводят территориальную и региональную коммуникацию участников социально-политического взаимодействия в новые реактивные форматы. Последние характеризуются: 1) быстрым обменом сообщениями как реакция на актуальную повестку, 2) высокой скоростью изменения содержания коммуникации, отражающейся на принятии решений, 3) использованием новых инструментов и пространств для взаимодействия. Исходя из этого мы определяем молодежные сетевые сообщества как группы участников онлайн взаимодействия, обладающие деятельным началом, и причисляем к ним тематические паблики и каналы в социальных сетях и мессенджерах («ВКонтакте», Telegram, др.), которые объединяют молодых людей вокруг актуальных проблем и общих интересов (политических, творческих, общественных и т. д.), а также имеют потенциальную возможность мобилизовывать своих подписчиков на реальные действия офлайн. Такие сообщества относятся к категории «неочевидных» акторов [26]: будучи включенными в процессы мобилизации, они не заявляют напрямую о собственных политических

интересах, но вместе с тем имеют достаточный ресурсный потенциал для реализации тех или иных инициатив, направленных на преобразование социальной структуры повседневной жизни населения.

Как показывают современные исследования, молодые люди принимают самое активное участие в сетевых взаимодействиях. Традиционные формы реализации гражданских и политических инициатив дополняются, а нередко и замещаются, онлайн практиками, что делает актуальным изучение векторов сетевых гражданских инициатив молодого поколения [31, с. 300].

Молодежь чаще других возрастных групп отдает предпочтение цифровой среде как пространству выражения своей позиции. Так, по результатам всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводившегося ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2025 г., среди молодых людей доля готовых использовать интернет для обращения к общественности достигает 28,1% (18–24 лет) и 30,1% (25–30 лет), что значительно превышает долю тех, кто готов к участию в митингах (8,8 и 6,5% соответственно). Это говорит о том, что политическая и гражданская активность молодежи все больше переходит из офлайна в цифровое пространство, где участие реализуется через публичные обращения, петиции и сетевые инициативы [12, с. 40].

Специальная военная операция (СВО) связана с мобилизацией не только в военном плане, но и в социально-политическом, так как предполагает организацию и объединение усилий граждан для решения сопутствующих социальных задач. В этой ситуации социальные сети выступают реактивным инструментом для консолидации совместных действий и обсуждений и в таком качестве оказываются прекрасным исследовательским полем для изучения отношения молодежи к текущей повестке спецоперации.

Общественный интерес к СВО, в том числе в молодежной среде, подтверждается актуальными данными об участии населения в различных формах гражданской активности. Согласно результатам мониторинга «Как живешь, Россия?» 2025 г. одним из популярных направлений реализации гражданских инициатив оказалась «помощь в рамках СВО» (46%). Это был второй по предпочтительности вариант ответа после участия в выборах [15, с. 83]. Как замечают авторы исследования, среди названных форм активности часто встречались такие, которые либо координируются онлайн, либо напрямую реализуются в цифровой среде, что подтверждает актуальность гражданского участия через онлайн практики.

Результаты мониторингового опроса ВЦИОМ (2025 г.) также фиксируют рост участия населения, в том числе молодежи, в активностях, связанных с текущей повесткой (например, помощью участникам СВО). Стоит отметить, что доля молодых россиян, оказавших помощь, увеличивается по мере перехода от самой младшей когорты в данной возрастной группы к самой старшей: 18–24 лет – 27%, 25–34 года – 31%, 35–44 года – 39% [7].

Обозначенные тенденции подчеркивают важность изучения мобилизационных процессов и практик, вызванных к жизни проведением спецоперации и реализуемых в сетевой среде. Соответственно, цель настоящей статьи – на примере молодежных сетевых сообществ Сибири выявить мобилизационные практики, представленные в том сегменте контента, который тематически связан с СВО.

Обзор литературы по проблеме исследования

Интерес исследователей к теме сетевых сообществ за последнее время заметно возрос, что объясняется несколькими причинами: 1) повышением активности пользователей, прежде всего молодых, в социальных сетях, причем не только в сфере потребления контента, но и его производства; 2) ростом значимости виртуальных платформ в функционировании бизнес-структур; 3) развитием потребности в управлении различными социальными группами, сложными нелинейными процессами, происходящими в обществе, и самими социальными сетями [9].

Сегодня сетевые сообщества уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни российских регионов. Они используются как один из способов информирования населения относительно значимых местных событий, выполняют роль общедоступных площадок для обсуждения региональных проблем и поиска путей их решения, служат каналом обращения к органам власти, помогают привлечь к дискуссии новых участников, а также являются средством политического воздействия и мобилизации [10; 16; 23; 28].

К настоящему моменту распространение онлайн-коммуникации достигло таких масштабов, что социальные сети обрели дополнительную, консолидирующую, функцию, став, кроме всего прочего, частью мобилизационной структуры. Сетевые сообщества, как правило, создаются пользователями с уже сформировавшимися предпочтениями, в том числе политическими, а сетевое пространство, в свою очередь, способствует еще большему укреплению и мультиплицированию взглядов участников сетевых взаимодействий [11; 19]. Собственно молодежные сообщества характеризуются потенциально высоким уровнем вовлеченности в сетевые процессы и множественностью используемых приемов интеграции, что делает их весьма привлекательным объектом изучения.

В рамках данной статьи мобилизация трактуется вне военно-организационного контекста. Под ней мы будем понимать коллективные действия и целесообразное объединение членов сетевого сообщества, концентрацию их усилий и ресурсов для реализации общих и дифференцированных потребностей и интересов [26; 29].

Изучение мобилизационных процессов, происходящих в обществе, входит в состав предмета социологии уже не одно десятилетие. В рамках отечественной социологии вопросы социально-политической мобилизации исследовались многими ведущими учеными. Так, О. Н. Яницкий, говоря о процессах массовой мобилизации, предлагал различать два ее вида:

конструктивную и вынужденную. Первая связана с целенаправленной организацией социальных действий на основе имеющихся сетей и других ресурсов, вторая же обусловлена внешними стимулами – критической ситуацией, техногенной или экологической катастрофой [35]. Т. И. Заславская и Н. И. Лапин связывают мобилизацию с трансформационными процессами в российском обществе и модернизационными изменениями [6; 20].

Один из подходов к изучению мобилизации предполагает ее рассмотрение в контексте социального неравенства. Несправедливое распределение социальных благ, так же как и их уравнилельное распределение, снижает заинтересованность граждан в общественно-созидательной деятельности. В этой ситуации мобилизация становится средством, помогающим добиться налаживания продуманной социальной политики и способствующим активизации ресурсов и сил различных групп населения [34]. Молодежь, если ее рассматривать с такой позиции, находится в неравном положении с представителями более старших возрастных групп. С одной стороны, она располагает куда меньшим количеством материальных благ и ее ценностные ориентиры еще только формируются, но с другой – присущие ей в силу возраста энергия и готовность объединяться в купе с широкой сетью социальных контактов делают ее весьма привлекательным объектом для мобилизационных воздействий.

Мобилизационные практики мы рассматриваем как разновидность социальных практик, теоретическим осмыслением которых в зарубежной социологии занимались П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Бергер [2; 4; 8] и др., а в отечественной – В. Волков и О. Хархордин [6]. На основании высказанных ими идей было сформулировано следующее определение: мобилизационные практики – это конкретные действия, которые социальные акторы воспроизводят в ходе своей повседневной социальной деятельности и которые включают в себя приемы мобилизации, направленные на приложение совместных усилий (инициированных властью или самоорганизованных) ради преобразования социальной реальности.

Большинство известных исследований мобилизационных практик молодежи в сетевом пространстве связаны с проблемой регулирования и предотвращения протестной активности (особенно девиантной и нелегальной) и/или фокусируются на теме сопряженности онлайн и офлайн форматов реализуемых действий [3; 18; 33]. Для нас, однако, интерес представляют более консолидированные формы позитивного взаимодействия молодежи, нацеленные на решение общих проблем и реализацию общих интересов как политических, так и социальных.

Наряду с неоспоримыми преимуществами сетевой коммуникации для формирования активной социальной базы, быстрой мобилизации и самоорганизации граждан, исследователи указывают и на негативные эффекты, заключающиеся в краткосрочности и фрагментарности участия пользователей в сетевых гражданских инициативах, что обусловлено мимолетностью интересов и личными выгодами [30]. Подобное поведение свойственно и молодежи, которая быстро переключается на что-то другое, если ситуация меняется или угасает интерес.

Контекст СВО для изучения мобилизационных практик в молодежных сетевых сообществах был выбран неслучайно. Он напрямую связан не только с военной мобилизацией, но также с социальной и политической, тогда как сама спецоперация провоцирует определенные стратегии реагирования на нее в молодежной среде, различие которых обуславливает и различия в мобилизационных практиках. Примером одной из таких стратегий служит релокация – массовый переезд молодых россиян на жительство за границу вследствие несогласия с действиями властей и угрозы призыва [1]. Другая, противоположная ей, заключается в объединении усилий ради оказания инициативной, координированной и созидательной помощи лицам, так или иначе причастным к СВО. К настоящему моменту в отечественной социологии уже сложилось несколько тематических направлений в изучении молодежи в контексте спецоперации: социальное самочувствие и отношение к сложившейся ситуации [14; 22; 27], патриотическое воспитание и проявления гражданского активизма [21; 25], участие в процессах солидаризации и консолидации российского общества [32]. В то же время работ, посвященных именно практикам реализации молодежных инициатив и особенностям их репрезентации, в том числе в сетевом пространстве, по-прежнему остается крайне мало, что побудило нас восполнить имеющийся пробел.

Эмпирическая база исследования

В статье анализируется корпус постов из 292 молодежных сетевых сообществ 12 субъектов РФ Сибирского макрорегиона. Исследуемые сообщества распределены по субъектам федерации следующим образом: Ямало-Ненецкий автономный округ – 10, Ханты-Мансийский автономный округ – 17, Кемеровская область – Кузбасс – 34, Томская область – 22, Иркутская область – 21, Тюменская область – 18, Красноярский край – 22, Республика Хакасия – 7, Республика Тыва – 14, Новосибирская область – 52, Алтайский край – 40, Республика Алтай – 35. Выборка сплошная. Поиск сообществ осуществлялся вручную в социальной сети «ВКонтакте». В качестве критериев отбора использовались: 1) присутствие в названии слов, содержащих корень «молод»; 2) территориальная привязка к одному из указанных выше административных образований Сибири, отраженная также в названии; 3) наличие в паблике постов, тематически связанных с СВО и содержащих примеры мобилизационных действий.

Среди найденных молодежных сообществ Сибири оказались группы разной направленности: 1) официальные аккаунты государственных организаций и представителей органов власти в сфере молодежной политики (молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные центры, отделы молодежной политики и т. д.); 2) профили молодежных организаций и движений как государственных, так и общественных (региональные группы «Движения первых» и «Юнармии», «Студенческие отряды» и др.); 3) региональные и городские молодежные паблики («Молодежь

Ханты-Мансийского района», «Молодежь Тюменский район» и т. п.), 4) аккаунты молодежных проектов и платформ развития (ТИМ «ЮНИОР», Лаборатория ПРО | молодежный проектный офис (Новосибирск) и др.); 5) инициативные объединения творческой, религиозной, работающей молодежи («Работающая молодежь НСО», «Христианская молодежь Минусинска», «Молодежь КрасЖД (СМ)», «Православное молодежное движение Томской епархии» и т. д.).

Большую часть найденных пабликов составили аккаунты государственных организаций и учреждений, транслирующие институционализированную повестку органов власти, – 190 шт. Общественные организации и объединения молодежи, ориентированные на реализацию инициативных проектов, оказались представлены вдвое меньшим числом сетевых сообществ – всего 102. Подобная диспропорция объясняется резким ростом сетевой активности органов власти и государственных организаций после принятия 1 декабря 2022 г. закона о госпабликах, обязывающего официальные структуры создавать и развивать открытые страницы в соцсетях, через которые они информировали бы население о своей деятельности¹. Соответственно, это привело и к увеличению числа провластных сетевых молодежных сообществ [5].

Для отбора внутри найденных пабликов постов, тематически связанных с СВО, был задействован сервис Feedspsy². Это инструмент мониторинга социальных сетей, позволяющий проводить качественную оценку публикуемого в сообществах контента. Поиск велся среди постов, появившихся в период с 01.01.2025 г. по 01.01.2026 г. Выбор данного временного промежутка обусловлен, с одной стороны, темпоральностью выгрузки сетевых данных в рамках исследовательских этапов, а с другой – потребностью получить самую актуальную на момент проведения анализа информацию. Исследование, легшее в основу настоящей статьи, является продолжением наших более ранних проектов, в рамках которых изучалась ситуация в молодежных сетевых сообществах с момента начала СВО. Для семантического анализа текста постов и выделения тематических блоков использовался сервис Advego³.

Результаты исследования

Всего с помощью сервиса Feedspsy было отобрано 854 публикации (табл. 1). Процесс отбора представлял собой поэтапный поиск в каждом сообществе постов, содержащих ключевые слова «СВО» и «специальная

¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и ст. 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

² Сервис для мониторинга и анализа активности в социальных медиа Feedspsy. URL: <https://feedspsy.net/> (дата обращения: 15.03.2026).

³ Семантический анализ текста Advego для SEO онлайн. URL: <https://advego.com/text/seo/> (дата обращения: 21.03.2026).

военная операция». Для повышения качества анализируемого массива был проведен дополнительный контроль отобранных постов вручную на предмет их соответствия цели исследования: наличия в текстах примеров мобилизационных действий.

Таблица 1 (Table 1)

Статистика постов, посвященных тематике СВО и размещенных в сетевых молодежных сообществах Сибири в социальной сети «ВКонтакте»
Statistics on posts dedicated to the Special Military Operation and published in Siberian online youth communities on VK social network

Наименование региона	Количество постов об СВО	Общее количество постов за период	Доля постов об СВО от общего числа публикаций, %
Ямало-Ненецкий автономный округ	30	3088	0,97
Ханты-Мансийский автономный округ	41	3889	1,05
Тюменская область	14	4579	0,31
Кемеровская область – Кузбасс	50	7554	0,66
Иркутская область	18	5434	0,33
Томская область	119	3267	3,64
Красноярский край	106	5808	1,83
Республика Хакасия	38	2790	1,36
Республика Тыва	133	6300	2,1
Новосибирская область	225	15 492	1,45
Алтайский край	75	4631	1,61
Республика Алтай	5	1632	0,31
Итого	854	64 464	1,32

Поскольку количество постов, тематически связанных с СВО, как и общее количество постов за анализируемый период, а также их соотношение в каждой паблике разное, целесообразнее проводить сравнение не в абсолютных числах, а в долях. По доли постов об СВО в общей массе публикаций лидируют сообщества Томской области, Республики Тыва и Красноярского края – 3,64, 2,1 и 1,83% соответственно. Отчасти это может объясняться тем, что, как было установлено нами ранее в ходе прошлых исследований, сетевые молодежные сообщества в данных регионах включают ряд крупных аккаунтов с большим числом подписчиков и высокими показателями сетевой активности. Например, в сообществах Тувы можно встретить довольно много постов с информацией о мерах поддержки мобилизованных и назначенных им выплатах, разъяснениями относительно порядка и последствий частичной мобилизации, историями героев и участников спецоперации из республики, сведениями о проводимых мероприятиях с участием ветеранов СВО. В свою очередь Томская область и Красноярский край являются крупными центрами высшего образования, что обуславливает высокую концентрацию в них студенческих

организаций и объясняет их потенциальную привлекательность в плане реализации разного рода молодежных мероприятий и инициатив, в том числе связанных с СВО.

После отбора постов было сформировано 12 датасетов с текстами сетевых публикаций для каждого региона, а затем проведен количественный анализ полученных наборов качественных данных с помощью программы Advego. Возможности этой программы позволяют вычленять тематически значимые (ключевые) слова и составлять их рейтинг исходя из частоты упоминания, что неявно указывает степень их важности для пользователей сети.

Статистика по текстам, полученная в ходе их семантического анализа, частично представлена в таблице 2, где приводятся значения двух основных показателей по каждому региону: общее количество слов во всех публикациях за исследуемый период и количество тематически значимых слов. Последние составляют семантическое ядро текста и позволяют определить направленность мобилизационных действий, реализуемых через региональные сетевые сообщества. Количество тематически значимых слов в блоках текстов в большинстве регионов варьируется от двух до четырех тысяч, что обеспечивает широкий простор для дальнейшего анализа.

Таблица 2 (Table 2)

**Основные показатели статистики текстов публикаций
в молодежных сетевых сообществах Сибири в социальной сети «ВКонтакте»**
*Key statistical indicators for post content
in Siberian online youth communities on VK social network*

Наименование региона	Количество постов	Количество слов в публикациях	Количество тематически значимых слов
Ямало-Ненецкий автономный округ	30	3304	1017
Ханты-Мансийский автономный округ	41	5247	1900
Тюменская область	14	1706	533
Кемеровская область – Кузбасс	50	7194	2577
Иркутская область	18	2324	710
Томская область	119	12 255	3767
Красноярский край	106	8099	2591
Республика Хакасия	38	4256	1386
Республика Тыва	133	13 160	3845
Новосибирская область	225	12 545	4434
Алтайский край	75	8161	2663
Республика Алтай	5	437	120

Наиболее объемные посты, тематически связанные с СВО, публикуются, как можно видеть, в сообществах Тувы и Томской области: при общем количестве сообщений 133 и 119 суммарное количество слов в них достигает 13 160 и 12 255 соответственно. В отличие от них, содержание

постов в сообществах Новосибирской области более сжатое: при сопоставимом суммарном количестве слов публикаций здесь почти вдвое больше, чем в тувинских и томских пабликах.

В связи с достаточно большим массивом полученных ключевых слов, а также в целях экономии временных ресурсов, для тематической группировки текстовых данных использовалась русскоязычная диалоговая AI-модель ГигаЧат. Оговоримся сразу, ГигаЧат привлекался нами исключительно для механической обработки данных, объединения значимых слов в общие тематические группы и подсчета частоты их упоминания. Последующая же проверка выделенного набора тематик осуществлялась уже вручную. Обращению к нейросетевой модели предшествовало написание промпта (инструкции-запроса), включающего все необходимые элементы для получения адекватного результата: описание роли искусственного интеллекта, контекст исследовательской задачи, сама задача с четким указанием поэтапных действий, ограничения (чтобы избежать некорректных результатов), формат вывода итогового результата. В итоге получился текст следующего содержания: *«Вы – опытный исследователь, социолог. В файле представлен список слов и их частота упоминания в исследуемом массиве текстовых данных из постов социальной сети, связанных со специальной военной операцией. Проведи группировку слов из документа по основным тематикам. Анализируй только предоставленный текст. Используй только научный стиль. Ответ оформи в виде таблицы: 1. Тематика. 2. Слова, относящиеся к тематике. 3. Суммарная частота упоминания данной тематики (в %), рассчитанная по сумме частот входящих в нее слов и словосочетаний»*.

Результаты тематической группировки показали наличие как общих тематик (табл. 3), так и специфических для отдельных регионов.

В общей сложности было выделено пять наиболее крупных и часто встречающихся групп тематик, характерных для всех регионов Сибири. Первую мы условно назвали «Военная тематика в целом». Ключевыми для нее являются слова: «боец», «военный», «операция», «специальная военная операция», «фронт», «отряд», «участник», «зона специальной военной операции». Доминирование данной тематики в общем массиве сообщений вполне ожидаемо, поскольку она непосредственно связана с общей тематической направленностью анализируемых текстов. Чаще всего посты этой тематики встречаются в публикациях молодежных сообществ Алтайского края – 25,5%.

Тематика «Поддержка и помощь военным» маркируется такими словами, как: «помощь», «гуманитарный», «гуманитарная помощь», «поддержка», «волонтер», «волонтеры», «сбор гуманитарной помощи», «пожертвование», – и представлена публикациями о проводимых с участием молодежи мероприятиях по оказанию помощи участникам СВО (сборах гуманитарной помощи, изготовлении необходимых предметов бытового и военного назначения и т. п.). Чаще всего подобные посты появлялись в молодежных сообществах Алтайского края (12,3%) и Томской области (12,4%), что, возможно, объясняется высокой концентрацией объ-

единений студенческой молодежи в данных регионах, и, соответственно, бóльшим числом проводимых вузами мероприятий по сбору гуманитарной помощи для нужд СВО.

Таблица 3 (Table 3)

**Группировка общих тематик в публикациях сетевых молодежных сообществ
и частота их упоминаний (в %)**
*Grouping of common topics in posts within online youth communities
and their frequency of mention (in %)*

Наименование региона	Группы тематик				
	Военная тематика в целом	Поддержка и помощь военным	Патриотизм и воспитание молодежи	Поддержка семей	Героизм
Ямало-Ненецкий автономный округ	12,4	9,6	10,8	-	-
Ханты-Мансийский автономный округ	15,6	8,7	6,3	-	12,4
Тюменская область	5,4	6,2	2,7	2,9	-
Кемеровская область – Кузбасс	12,4	8,6	5,2	3,1	9,8
Иркутская область	4,65	3,21	2,34	1,17	-
Томская область	7,4	12,4	10,8	-	-
Красноярский край	1,67	1,95	0,76	0,68	0,76
Республика Хакасия	2,86	1,68	-	1,68	1,55
Республика Тыва	7,9	8,7	5,8	6,4	10,2
Новосибирская область	7,5	10,8	-	4,3	12,4
Алтайский край	25,5	12,3	10,0	7,0	-
Республика Алтай	8,4	9,8	-	-	-

В отличие от двух предыдущих, тематика «Поддержка семей» представлена в сообществах лишь восьми из двенадцати регионов. Ее семантическое ядро составили слова «семья», «мать», «отец», «дети», «поддержка семьи», «забота», «семейный», «помощь семье участника спецоперации», «помощь семье военнослужащего, находящегося на СВО», «семьи участников спецоперации», которые встречались прежде всего в публикациях о помощи, оказываемой молодежью семьям участников СВО. Чаще всего молодые люди объединялись для решения бытовых проблем матерей участников и героев СВО: помогали с уборкой снега, заготовкой дров и т. д. Наиболее высока доля таких постов в молодежных сообществах Алтайского края (7%) и Республики Тыва (6,4%), что обусловлено преобладанием в них сельского типа расселения и распространенностью связанных с ним специфических форм организации быта, опирающихся на физический труд.

Семантическое ядро тематики «Патриотизм и воспитание молодежи» составляют слова «патриотический», «патриотизм», «воспитание», «сила духа», «Отечество», «защитники родины», «молодежь», «молодеж-

ный», «воспитание», «память», «подвиг», «мужество», «отвага», «самоотверженность», «вечная память», которые чаще всего можно встретить в публикациях, рассказывающих о мероприятиях с участием ветеранов и бойцов СВО, героических поступках военнослужащих и т. д. Наиболее высока доля таких постов в сообществах Ямало-Ненецкого автономного округа (10,8%), Томской области (10,8%) и Алтайского края (10%).

Содержательно близка к предыдущей тематика «Героизм», ключевыми словами для которой являются: «герой», «героизм», «мужество», «защитник», «защитник отечества», «настоящие герои», «погибшие герои». Публикации, этой тематики, как правило, содержат личные истории героев и ветеранов СВО, зачастую рассказанные их родственниками, и чаще всего встречаются в молодежных сообществах Новосибирской области (12,4%), Ханты-Мансийского автономного округа (12,4%) и Тувы (10,2%).

Высокая представленность тематик «Патриотизм и воспитание молодежи» и «Героизм» в пабликах Новосибирской области и Алтайского края вполне может объясняться вхождением этих субъектов РФ в топ регионов по количеству Героев России, отличившихся в ходе СВО¹. Наличие героев-земляков усиливает патриотические настроения среди молодого поколения и дает дополнительный мобилизационный эффект. Реальные истории успеха и жертвенности рожают живой эмоциональный отклик у молодых людей и заставляют их перейти от пассивных форм патриотизма («я люблю свою Родину») к активным – совершению общественно-полезных действий, оказанию посильной помощи в сложившихся условиях, в том числе и за пределами военного контекста.

Отражением региональных особенностей мобилизационного дискурса в молодежных сетевых сообществах Сибири являются уникальные тематики, характерные только для одного конкретного региона. Так, специфической для Кемеровской области оказалась тема, связанная с консолидацией общества (6,5%) и обозначенная словами: «общество», «поддержка», «общественное движение», «народ», «консолидация», «россияне», «страна». Как правило, посты этой тематики содержат информацию о готовящихся либо уже проведенных мероприятиях, направленных на организацию помощи фронту и лицам, причастным к СВО. Стоит отметить, что тема общественной консолидации имеет определенную историю в сетевом и офлайн-пространстве области. Ранее жители Кузбасса демонстрировали примеры высокой консолидации при решении значимых для региона проблем. Достаточно вспомнить шахтерские забастовки 1990-х гг., митинг после трагедии в ТЦ «Зимняя вишня» в марте 2018 г., организованная реакция на проекты по реконструкции объектов социальной инфраструктуры 2021-го и 2024 г.

В этнических регионах специфическими являются группы тем, связанные с региональной идентичностью и социальной сплоченностью. В сообществах Республики Алтай эти темы маркируются словами:

¹ Соколов А. Из каких регионов оказалось больше всего Героев России // Ведомости. 2026. 21 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/21/1170636-iz-kakih-regionov-okazalos-bolshe> (дата обращения: 09.08.2026).

«вместе», «народный», «много», «помогать», «поддержка», «участие», «акция», «мероприятие» (9,8%). В публикациях молодежных сообществ Хакасии акцент в первую очередь делается на ценностях, а ключевыми оказываются слова: «вместе», «сила», «дух», «сила духа», «память», «Родина», «страна» (2,32%). В сообществах Ямало-Ненецкого автономного округа распространение получила тематика коллективного действия и участия, выраженная словами: «участник», «участие», «приняли участие», «акция», «вместе», «все» (7,1%). Все это свидетельствует об устойчивой потребности в солидарности и объединении ради сохранения национальной идентичности, транслируемой сетевыми сообществами упомянутых выше регионов, и, следовательно, о высоком мобилизационном потенциале соответствующих публикаций.

Уникальными для сетевых молодежных сообществ Тувы оказались темы, связанные с культурой и искусством (3,9%) и с наградами (3,2%). Нередко публикуемые тувинскими пабликами сообщения, тематически связанные с СВО, сопряжены также с информацией о культурных мероприятиях. Ключевыми для данной тематики словами являются: «песня», «стихи», «музыка», «музей СВО», «культура», «творчество», «фестиваль». Семантическое ядро «наградной» тематики составляют слова: «медаль», «орден», «награда», «награждены орденом Мужества», «почетный знак». Преобладание традиционного уклада жизни в регионе обуславливает значимость сохранения культурных традиций, передача которых происходит в том числе и через актуальную повестку.

Никак не отражена в коммуникационном пространстве изученных сетевых сообществ тема новых эмигрантов (релокантов). Причиной этому может быть либо использование молодежью других площадок для обсуждения данной темы, либо ее принципиальная табуированность для молодых людей, продиктованная нежеланием затрагивать острые политические вопросы или же оставлять цифровые следы, за которые есть риск подвергнуться правовым санкциям и общественному осуждению.

Еще одной особенностью дискурса обследованных сетевых молодежных сообществ является отклик аудитории на представленные в постах мобилизационные практики. В сетевом пространстве показателем актуальности той или иной темы служит количество лайков, комментариев и репостов. Для изученных нами пабликов характерна очень низкая включенность пользователей в процесс комментирования постов. Даже если комментарии присутствуют, чаще всего они имеют графический формат – смайлики, стикеры, мемы и т. п. Больше всего таких реакций-картинок встречается под постами, где рассказывается об участии молодежи в общественно-полезных акциях: уборке снега на придомовых территориях участников СВО или членов их семей, плетении маскировочных сетей, создании необходимых предметов быта для фронтовиков. Поддержка в таком формате инициатив со стороны молодежной аудитории пабликов при первом рассмотрении может говорить о ее положительном к ним отношении, солидарности с участниками акций и потенциальном желании объединяться ради решения схожих вопросов. Однако, нельзя исключать и возможный

слактивизм («диванный активизм»), как основу оставляемых реакций, не предусматривающий никаких дальнейших реальных действий со стороны молодежи. Для уточнения действительных мотивов пользователей, исключения использования автоматизированных программ (ботов) для имитации активности требуется, на наш взгляд, более глубокий анализ за пределами данной статьи.

Заключение

Тема СВО и сопряженные с ней достаточно широко освещаются в молодежных сообществах Сибирского макрорегиона социальной сети «ВКонтакте». Все многообразие постов, тематически связанных со спецоперацией и содержащих примеры мобилизационных практик, можно условно разделить на две группы: деятельностьные и ценностно-ориентированные. Первые информируют о реализации тех или иных молодежных гражданских инициатив в рамках текущей повестки: например, по оказанию необходимой помощи военнослужащим, ветеранам, героям СВО, их семьям. Вторые отличаются ярко выраженной патриотической направленностью и имеют своей целью привлечь внимание молодежи к проблемам тех, кто непосредственно задействован в спецоперации. В таких постах рассказывается, например, о значимости поддержки военнослужащих, героических поступках участников СВО, приводятся личные истории фронтового пути и т. п. Публикации этой группы напрямую связаны с общегосударственной установкой на продвижение патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей, а потому в изобилии встречаются в пабликах органов власти и государственных организаций.

Из пяти выделенных нами общих региональных тематических блоков только два могут быть отнесены к категории деятельностьных – «Поддержка и помощь военным» и «Поддержка семей», а остальные три имеют ценностно-ориентированную направленность. Таким образом, большинство публикаций в сетевых молодежных сообществах Сибири носят преимущественно информационно-просветительский характер. Тех же, в которых демонстрируются примеры успешного объединения молодежи ради оказания конкретной помощи нуждающимся, заметно меньше.

Среди уникальных региональных тематических блоков деятельностьный компонент практически не представлен, а основной акцент делается на ценностных составляющих, актуализирующих патриотическую установку и выполняющих по отношению к молодежи воспитательные функции.

Проведенное исследование показало, что к настоящему моменту самостоятельно организованная активность молодежи сибирских регионов в социальных сетях постепенно затихает. Это обусловлено, с одной стороны, высокой сетевой активностью аккаунтов государственной власти, вынужденных в силу принятого закона развивать свои сообщества и насыщать их отчетами о мероприятиях просветительского и воспитательного характера, которые свидетельствовали бы об успешной реализации про-

грамм молодежной политики, а с другой – изменением инструментального значения социальных сетей для молодежи и ее развития. Ранее молодежные лидеры активно использовали соцсети для наращивания собственного социального и сетевого капитала и с их помощью объединяли вокруг себя единомышленников с целью укрепления ресурсной базы, решения актуальных проблем и продвижения значимых групповых инициатив. Сейчас, напротив, соцсети все чаще служат площадками для демонстрации собственного персонализированного опыта и продвижения личного бренда [17], лишенного объединительной силы и размывающего стремление молодежи делиться успешными примерами реализации коллективных инициатив, в частности касающихся актуальной повестки СВО.

Перспективным направлением дальнейших исследований нам видится изучение представленных в социальных сетях результатов самоорганизованной деятельности молодежи с целью выявления действенных механизмов продвижения инициативных мобилизационных практик, отвечающих интересам как власти, так и самих молодых людей.

Библиографический список

1. Барсукова С. Ю., Денисова-Шмидт Е. В. Новые мигранты (релоканты) из России в Армении и Грузии: вызовы и возможности // Мир России. Социология. Этнология. 2026. Т. 35. № 1. С. 106–139. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-106-139; EDN: JXGLYQ.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: МЕДИУМ, 1995. 323 с.
3. Бродовская Е. В., Склярова Н. Ю., Лукушин В. А. Цифровая активность российской молодежи в условиях новой политической реальности: ключевые риски и возможности их преодоления // Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 6. С. 100–123. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-100-123; EDN: MMMJWS.
4. Бурдые П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 336 с.
5. Бурмакина А. Л. Мобилизационные практики в региональных сетевых молодежных сообществах Сибири в условиях СВО // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти. М.: РОС, 2025. С. 2254–2260. EDN: FTIDLH.
6. Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУ в СПб, 2008. 298 с.
7. Волонтерство в России: мониторинг, 2025 год // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 28.07.2026)
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.

9. Гладченко И. А. Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 30–43. DOI: 10.18721/JHSS.10203; EDN: DODBJD.
10. Гнедаш А. А., Морозова Е. В. Модернизационный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики // ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8. № 3. С. 183–199.
11. Голосеева А. А., Хохлов А. А. Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2025. № 2. С. 81–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93; EDN: OIELJQ.
12. Гребняк О. В. Национально-государственная идентичность в цифровую эпоху: между патриотическим консенсусом и информационной тревогой // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 4. С. 34–45. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45; EDN: VWUAXC.
13. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
14. Казаков А. А. Три года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте влияния медиа) // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 3. С. 303–313. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313; EDN: КМЕННО.
15. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: бюллетень. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025; EDN: ERLAQU.
16. Киняшева Ю. Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10. EDN: YLJTKP.
17. Колмыкова М. А. Формирование информационной культуры молодежи как условие накопления социального капитала // Научные труды МосГУ. 2022. № 2. С. 49–54. DOI: 10.17805/trudy.2022.2.5; EDN: GBJYMG.
18. Косоруков А. А., Осипов В. С. Механизмы социально-политической мобилизации молодежи на примере российских, белорусских и китайских Телеграм-каналов // Право и политика. 2021. № 9. С. 176–196. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36442; EDN: OPJJUO.
19. Крыштановская О. В., Мещерякова Н. Н. Политическая коммуникация в социальных сетях // Информационное общество. 2025. № 4. С. 79–85. EDN: KVYRJQ.
20. Лапин Н. И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4(27). С. 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542; EDN: YWANBV.
21. Марин Е. Б., Осмачко Н. В. Об отношении молодежи Приморского края к ключевым антикризисным стратегиям государства // Вестник Института социологии. 2026. Т. 17. № 1. С. 111–129. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6; EDN: CAKGPV.

22. Маршак А. Л., Дубина А. Ш. Восприятие специальной военной операции в студенческой среде // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 4(74). С. 28–37. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2; EDN: GTDCPK.
23. Михайленок О. М., Левченко Н. В. и др. Сетевой взгляд на политические отношения в современных коммуникациях (материалы круглого стола) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 264–278. DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52065; EDN: ANRBKT.
24. Общественная активность молодежи (по результатам опроса), 2022 год // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 10.02.2026).
25. Преликова Е. А., Кукшин Н. Р., Извеков Д. С. Отношение молодежи к отечеству: анализ влияния специальной военной операции на патриотическое воспитание студентов приграничных регионов // Alma Mater. 2024. № 5. С. 32–38. DOI: 10.20339/AM.05-24.032; EDN: KCSFDU.
26. Сетевая социально-политическая мобилизация в сибирских регионах ресурсного типа. Кемерово: КемГУ, 2025. 168 с.
27. Смирнов В. А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250. DOI: 10.17223/1998863X/77/20; EDN: BQKUTR.
28. Терновецкая К. В., Евстратова Т. А. Социальные сети как способ взаимодействия органа власти с населением // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22. № 4(149). С. 45–52. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-4-45-52; EDN: CNOUFU.
29. Тилли Ч. От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: ВШЭ, 2019. 432 с.
30. Туманова А. С., Сафонов А. А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 2. С. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25; EDN: PIBNZP.
31. Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира. Социальная и социально-политическая ситуация / Под ред. В. К. Левашова. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-443-7.2025; EDN: JLMHLD.
32. Цветкова Г. А. Россияне в условиях специальной военной операции // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 4. С. 111–120. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-111-120; EDN: VLDEAC.
33. Чернов А. С. Социально-политическая активность молодежи: от доверия власти к сотрудничеству // Известия ЮЗГУ. Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 186–194. EDN: GJNEVW.
34. Шинкевич В. Е. Актуальность социальной мобилизации населения в условиях современного общества // Научный компонент. 2020. № 1(5). С. 79–89. DOI: 10.51980/2686-939X_2020_1_79; EDN: BQUWGU.

35. Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12.

Получено редакцией: 12.05.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурмакина Анна Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований, доцент кафедры социологических наук

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6

Online youth communities in Siberia: a discourse analysis of mobilization practices in the context of the special military operation¹

Anna L. Burmakina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

anna-sidjakina@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3087-4393

For citation: Burmakina A. L. Online youth communities in Siberia: A discourse analysis of mobilization practices in the context of the special military operation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 98–117. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6; EDN: OOFZG.

Abstract. This article presents the findings of a discourse analysis of mobilization practices in regional online youth communities in Siberia during the special military operation (SMO). Such communities are conceptualized as less readily recognized but active agents of networked interaction, engaged in mobilizing (activating) collective efforts to transform public life in their regions.

The study draws on posts by youth communities in the Siberian macroregion, which, as defined in this study, encompasses the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets autonomous okrugs; Kemerovo Oblast–Kuzbass; Tomsk, Irkutsk, Novosibirsk, and Tyumen oblasts; Krasnoyarsk and Altai krais; and the republics of Khakassia, Tuva, and Altai. The online communities studied include official accounts of state organizations and government representatives working in youth policy, profiles of civic youth organizations and movements, regional and city-based public social media pages aimed at young people, and associations of young people engaged in creative work, employed young people, and religious youth. Mobilization practices in these communities were examined through posts related to the SMO.

The discourse analysis of the textual corpora identified the main thematic clusters: (1) those common to all regions studied (military topics, patriotism, humanitarian aid and support for military personnel, social support for families, and heroism); and (2) those specific to particular regions (societal consolidation, regional identity and social cohesion, collective action and participation, culture and the arts, and awards). These clusters were then classified as either action-oriented or value-oriented. The study shows that both the cross-regional and region-specific thematic clusters are dominated by informational and educational content with a patriotic orientation. By contrast, content illustrating successful examples of young people coming together and providing practical assistance to those in need is less prevalent.

The article concludes that content reporting the outcomes of young people's own initiatives accounts for a declining share of online discourse, while young people's goals in using social media are shifting toward building their own social capital.

Keywords: social mobilization, political mobilization, Siberian macroregion, online communities, special military operation, youth

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-01459.

References

1. Barsukova S. Yu., Denisova-Schmidt E. New Russian Migrants in Armenia and Georgia: Challenges and Opportunities. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2026: 35: 1: 106–139 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-106-139; EDN: JXGLYQ/
2. Berger P., Luckmann T. Socialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge]. Transl. from Eng. by E. D. Rutkevich. Moscow, MEDIUM, 1995: 323 (in Russ.).
3. Brodovskaya E. V., Sklyarova N. Yu., Lukushin V. A. Digital Activity of Russia's Youth in the New Political Reality: The Main Risks and Ways to Overcome Them. *Vestnik Moskov. un-ta. Ser. 12. Politicheskiye nauki*, 2023: 1: 6: 100–123 (in Russ.). DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-100-123; EDN: MMMJWS.
4. Bourdieu P. Nachala [Beginnings]. Transl. from Fr. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos, 1994: 336 (in Russ.).
5. Burmakina A. L. Mobilization practices in regional network youth communities of Siberia in the context of the SMO. In *Sociology and society: the formation and functioning of public memory*. Moscow, ROS, 2025: 2254–2260 (in Russ.). EDN: FTIDLH.
6. Volkov V., Kharkhordin O. Teoriya praktik [Theory of Practice]. St. Petersburg, EU v SPb., 2008: 298 (in Russ.).
7. Volunteering in Russia: monitoring – 2025. In Russian Public Opinion Research Center. Accessed 28.07.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring> (in Russ.).
8. Giddens A. Ustroenie obshchestva: Oчерк teorii strukturatsii [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Transl. from Eng. by I. Tyurina. Moscow, Academ. proekt, 2005: 528 (in Russ.).
9. Gladchenko I. A. New approaches for studying mobilization in network communities. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2019: 10: 2: 30–43 (in Russ.). DOI: 10.18721/JHSS.10203; EDN: DODBJD
10. Gnedash A. A., Morozova E. V. Modernization potential of network interaction in the sphere of social policy. *POLITEKS*, 2012: 8: 3: 183–199 (in Russ.).
11. Goloseyeva A. A., Khokhlov A. A. Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye*, 2024: 2: 81–93 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93; EDN: OIELJQ.
12. Grebnyak O. V. National-state Identity in the Digital Age: Between Patriotic Consensus and Informational Anxiety. *Sotsialno-politicheskiye nauki*, 2025: 15: 4: 34–45 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45; EDN: VWUAXC.
13. Zaslavskaya T. I. Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo: sotsial'nyy mekhanizm transformatsii [Modern Russian Society: Social Mechanism of Transformation]. Moscow, Delo, 2004: 400 (in Russ.).
14. Kazakov A. A. Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth (within the context of media influence). *Izvestiya Saratov. un-ta. Nov. ser. Sotsiologiya. Politologiya*, 2025: 25: 3: 303–313 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313; EDN: KMEHNO.
15. How are you, Russia? Express information. Stage 55 of the All-Russian sociological monitoring, May 2025: bulletin. Moscow, FNIS RAN, 2025: 106 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025; EDN: ERLAQU.
16. Kinyasheva Yu. B. Social networks as a tool for political mobilization of citizens in modern Russia. *Izvestiya TGU. Gumanitarnyye nauki*, 2018: 3: 3–10 (in Russ.). EDN: YLJTKP.
17. Kolmykova M. A. Formation of information culture of youth as a condition for accumulation of social capital. *Nauchnye trudy MosGU*, 2022: 2: 49–54 (in Russ.). DOI: 10.17805/trudy.2022.2.5; EDN: GBJYMG.
18. Kosorukov A. A., Osipov V. S. Mechanisms of socio-political mobilization of youth on the example of Russian, Belarusian and Chinese Telegram channels. *Pravo i politika*, 2021: 9: 176–196 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36442; EDN: OPJJUO.
19. Kryshantovskaya O. V. Meshcheryakova N. N. Political communication in social media. *Informatsionnoye obshchestvo*, 2025: 4: 79–85 (in Russ.). EDN: KVYRJQ.

20. Lapin N. I. Hybrid transit and the need for «modernization for all». *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9: 4(27): 105–136 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542; EDN: YWAHBB.
21. Marin E. B., Osmachko N. V. On the Attitude of the Youth of Primorsky Krai toward Key Anti-Crisis Strategies of the State. *Vestnik instituta sotziologii*, 2026: 17: 1: 111–129 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6; EDN: CAKGPV.
22. Marshak A. L., Dubina A. Sh. Perception of the special military operation in student environment. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2025: 14: 4(74): 28–37 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2; EDN: GTDCPK.
23. Mikhailenok O. M., Levchenko N. V. et al. Network view of political relations in modern communications (materials of the round table). *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*, 2025: 2: 264–278 (in Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52065; EDN: ANRBKT.
24. Social activity of young people (according to survey results) – 2022. In Russian Public Opinion Research Center. Accessed 10.02.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analitycheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (in Russ.).
25. Prelikova E. A., Kukshin N. R., Izvekov D. S. Attitude of youth towards the Fatherland: Analysis of the impact of a special military operation on the patriotic education of students in border regions. *Alma Mater*, 2024: 5: 32–38 (in Russ.). DOI: 10.20339/AM.05-24.032; EDN: KCSFDD.
26. Network socio-political mobilization in Siberian regions of the resource type. Kemerovo, KemGU, 2025: 168 (in Russ.).
27. Smirnov V. A. Social well-being of russian youth in the conditions of the special military operation. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2024: 77: 241–250 (in Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/77/20; EDN: BQKUTR.
28. Ternovetskaya K. V., Evstratova T. A. Social Networks as a Way of Interaction Between the Government and the Population. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, 2023: 22: 4(149): 45–52 (in Russ.) DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-4-45-52; EDN: CNOUFU.
29. Tilly C. From Mobilization to Revolution. Transl. from Eng. by. D. Karaseva. Moscow, VShE, 2019: 432 (in Russ.).
30. Tumanova A. S., Safonov A. A. Civil Society in the Information and Digital Age: Challenges of Transformation and Adaptation. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2022: 31: 2: 6–25 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25; EDN: PIBNZP.
31. The Stability of the Russian State and Society in the Context of Strengthening Traditional Values and the Emergence of a Multipolar World. Social and Sociopolitical Situation. Ed. by V. K. Levashov. Moscow, FNIS RAN, 2025: 688 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-443-7.2025; EDN: JLMHLD.
32. Tsvetkova G. A. Russians in a special military operation situation. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye*, 2023: 4: 111–120 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-111-120; EDN: VLDEAC.
33. Chernov A. S. Socio-political activity of youth: from trust in the authorities to cooperation. *Izvestiya YZGU. Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2021: 11: 3: 186–194 (in Russ.). EDN: GJNEVW.
34. Shinkevich V. E. Relevance of social mobilization of the population in the conditions of modern society. *Nauchnyy component*, 2020: 1(5): 79–89 (in Russ.). DOI: 10.51980/2686-939X_2020_1_79; EDN: BQUWGU.
35. Yanitsky O. N. Mass mobilization: problems of theory. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2012: 6: 3–12 (in Russ.).

The article was submitted on: May 12, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna L. Burmakina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.7

EDN: PDITZL

Цифровое милосердие: зооволонтерство в Бурятии в контексте сетевого общества

Ссылка для цитирования: Бадмацыренов Т. Б., Шантаков А. М. Цифровое милосердие: зооволонтерство в Бурятии в контексте сетевого общества // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 118–132. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.7; EDN: PDITZL.

For citation: Badmatsyrenov T. B., Shantakov A. M. Digital compassion: Animal welfare volunteering in Buryatia in the context of the network society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 118–132. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.7; EDN: PDITZL.

SPIN-код: 5847-4109

Бадмацыренов Тимур Баторович¹

¹Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

badmatsyrenovtb@bsu.ru

SPIN-код: 2054-1473

Шантаков Артем Михайлович¹

¹Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

artemshantakov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме зооволонтерства в сети как форме проявления низового гражданского активизма, возникшего на локальной территории. Отсутствие на сегодняшний день достаточного количества социологических данных не позволяет ни составить социальный портрет современного зооволонтера, ни оценить степень влияния зооволонтерских движений на общественное мнение в регионе, например, касательно формирования позитивного (ответственного и гуманного) отношения к бездомным животным.

В работе представлены данные, полученные с помощью 1) неформализованных интервью с десятью представителями крупных зооволонтерских движений Республики Бурятия, активно ведущих свои паблики в социальной сети «ВКонтакте», 2) контент-анализа содержимого этих пабликов и 3) анализа ряда региональных кейсов.

В результате проведения исследования было установлено, что в Бурятии постепенно развивается «цифровое милосердие», суть которого заключается в использовании зооволонтерами сетевых коммуникаций для реализации их главной миссии – помощи бездомным животным. Привлечение цифровых ресурсов позволяет участникам зооволонтерских движений масштабировать свои усилия и придать им дополнительную публичность, что в свою очередь способствует общей гуманизации установок и, как следствие, ведет к изменению институциональных правил.

Ключевые слова: сетевое общество, сетевые коммуникации, социальные сети, зооволонтеры, бездомные животные, цифровое милосердие

Введение

Технологические и социально-экономические перемены конца XX в. привели к трансформации логики и структуры социальных коммуникаций, доминирующее положение в которых постепенно заняла система сетевых связей. В эпоху, когда интернет замещает традиционные формы общения, гражданские инициативы открывают для себя новые возможности. Наглядным примером организованной социальной активности и эффективного использования сетевых коммуникаций может служить зооволонтерское движение в регионах России.

Развитие этого движения началось еще в XIX в. с создания «Российского общества покровительства животным», находившегося на попечительстве императора Александра II и распространявшего среди населения принципы гуманного отношения к животным [1, с. 276]. В пришедшем на смену Российской Империи СССР официально провозглашенная идея защиты животных подразумевала бережное отношение только к представителям дикой фауны как объектам природного капитала, однако даже тогда существовали инициативные группы, не оставлявшие попыток привлечь внимание общественности к проблемам бездомных животных. В период перестройки, характеризовавшийся повышенным уровнем общественного активизма, зоозащитная тема получила новый импульс, который имел логическое продолжение в начале «нулевых». Сегодня зооволонтерское движение активно развивается в соцсетях, где оно представлено широкой сетью аккаунтов, пабликов, каналов, групп и т. п. Это

движение приобретает все большее значение и вес в регионах России, где проблема бездомных кошек и собак стоит острее, нежели в крупных российских мегаполисах.

Выбор Республики Бурятии в качестве региона для проведения исследования является неслучайным, поскольку именно там был принят первый в современной России закон об эвтаназии бездомных животных, а после под давлением общественности отменен. Данный кейс представляет несомненный научный интерес в плане оценки уровня гражданской активности местных зооволонтеров, масштабов их сетевой коммуникации и возможностей влиять на решение проблемы бездомных животных.

Цифровизация кардинально изменила повседневные практики зооволонтеров, что проявилось в повсеместном использовании интернета для помощи животным. Малое число научных работ и иных материалов, посвященных обсуждаемой теме, свидетельствуют о ее недостаточной изученности. Имеющаяся на данный момент в распоряжении ученых информация не позволяет определить уровень общественной интеграции современного зооволонтерского движения и его способности оказывать влияние на общественное мнение в контексте применения новых форм и инструментов реализации зооволонтерской деятельности. Настоящая статья призвана восполнить указанный пробел.

Своей целью мы ставили выявить особенности текущего этапа развития зооволонтерского движения, протекающего в условиях все расширяющейся цифровизации, а также определить возможности сетевых коммуникаций для решения задач мобилизации, координации и воздействия на общественные и институциональные решения. В рамках нашего исследования считаем важным различать зооволонтеров и зооактивистов. Первые осуществляют практическую помощь животным, участвуют в непосредственной волонтерской деятельности по лечению, передержке и т. д., тогда как вторые преимущественно акцентируют внимание на публичных действиях и привлечении внимания общественности.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования

Значимый вклад в осмысление современного общества, отличающегося доминированием сетевой логики, внес испанский социолог М. Кастельс [12, с. 55], в работах которого анализируется влияние информационных технологий на социальные практики и развитие «сетевых обществ». В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет его книга «Власть коммуникации», раскрывающая значение цифровых технологий для возникновения и функционирования социальных движений. Согласно Кастельсу социальные сети позволяют общественным движениям обходиться без обращения к традиционным институтам и при этом обеспечивают высокую эффективность в плане целедостижения одновременно с сокращением издержек и расходов.

Собственно сети, как и информация, не являются чем-то новым, однако их роль заметно изменилась в XXI в. В эпоху доминирования цифровых технологий, они формируют социальную реальность и составляют значимую часть современной социальной структуры. Реальные и символические элементы социальной коммуникации сосуществуют в виртуальной среде и воспринимаются ее участниками как реальные.

По мнению Е. В. Морозовой и И. В. Мирошниченко, интернет создает благоприятные условия для развития гражданского общества, у членов которого благодаря сетевым коммуникациям появляется возможность оперативно находить нужные контакты и выстраивать эффективные связи с целью реализации гражданских инициатив. Кроме того, технологии открывают возможности не только для адресного поиска, но и для привлечения новых сторонников из числа тех, кто испытывает потребность в проявлении своей гражданской позиции, что в конечной перспективе способствует формированию культуры повседневного гражданского активизма [7, с. 18].

М. Кастельс призывает отказаться от традиционного понятия «информационное общество», обуславливая это появлением новых средств коммуникации, под которыми подразумевает сети информационных технологий, служащие инструментом для организации новых форм сетевого взаимодействия. Аналогичные предложения звучат и от других теоретиков. Возрастающая медиатизация социума и активная интеграция цифровых технологий создают, по мнению О. Б. Давыдова, новую информационную систему, пришедшую на смену «индустриальной социальной структуре» [3, с. 212]. Обмен информацией неразрывно связан с соцсетями, которые стали доминировать во многих сферах общественной жизни, вытеснив привычные средства коммуникации. Цифровой формат взаимодействия безусловно имеет множество преимуществ, к числу которых можно отнести оперативное управление, дистанционный обмен информацией и т. д. [17, с. 70]. Сетевая логика, по сути, сводится к возможности обмениваться большими и малыми данными в обход структурных препятствий, характерных для иерархических сообществ, сохраняя при этом равенство участников, чего не всегда можно было добиться в рамках традиционного формата.

Если говорить конкретно про зооволонтерство, сетевые связи позволяют осуществлять коммуникацию вне зависимости от территориальной удаленности и расположения субъектов волонтерской деятельности, а также дают возможность преодолевать институциональные барьеры и одновременно сберегает время и ресурсы. Вместе с тем подобного рода связи не замещают собой традиционные формы коммуникации, а дополняют их, создавая условия для гибридного участия волонтеров в помощи животным: например, помогают расширить круг участников зооволонтерских движений. Таким образом, на примере зооволонтерства мы можем наблюдать эффективное сочетание «виртуальных» и «реальных» типов взаимодействия.

Эмпирической базой исследования послужили данные: 1) десяти неформализованных интервью с активистами зооволонтерского движения, 2) анализа кейсов, 3) контент-анализа пабликов семи организаций в социальной сети «ВКонтакте» – приютов для бездомных животных «Ананда», «Кот и пес», «Право на жизнь 03», «Алиса», «Тамир», «Возрождение» и фонда «Собака счастья». Поиск зооволонтерских пабликов осуществлялся посредством онлайн-сервиса для парсинга «Target Hunter»¹ с использованием метода подбора ключевых слов. Всего было найдено 43 открытых сообщества с совокупной неуникальной аудиторией 208 166 подписчиков. При анализе пабликов мы ставили себе задачей выяснить возможности их мобилизационных ресурсов, а также способы и формы коммуникации с подписчиками как онлайн, так и в формате гибридного соучастия.

Цифровая инфраструктура зооволонтерства

Исследование показало, наиболее популярной формой цифрового приюта животных является распространение соответствующей информации через функцию «предложить новость» или посредством публикации объявления на «открытых стенах». По признанию информантов, цифровыми участниками волонтерской деятельности являются пользователи, не относящие себя к категории зооактивистов, но при этом активно содействующие в помощи и поиске хозяев для животных через группы в соцсетях. Как правило, им со стороны администраторов пабликов и иных цифровых зооактивистов предлагается передержка животных, консультации и ссылки на другие площадки: *«Я подписана на разные тематические паблики и чаты по городу: например, „Левый берег“, „Сотые квартала“, „Шишковка“ и т. д. Для меня не важна принадлежность к организации, главное – помочь животному»* (ж., 61 г., замужем, есть дети, работает).

Помимо публикации на «открытых стенах», бурятские зооволонтеры пользуются также возможностями сотрудничества с крупными региональными зооволонтерскими пабликами на безвозмездной основе и обращаются к функциям Telegram для размещения публикаций в разделе «Истории» с целью охватить не только подписчиков каналов, но и все контакты пользователей мессенджера. Не менее эффективными оказываются объявления в мобильном приложении «Авито» в разделе «Животные»; данный сервис работает на целевую аудиторию и позволяет точно попасть в интересы пользователей.

Проведенный анализ позволил выделить две категории пабликов: официальные паблики приютов и фондов и неофициальные тематические паблики по поиску хозяев для бездомных животных. Разница между ними заключается в наличии/отсутствии признаков социальной организаций. У каждого приюта и фонда, которые ведут свой официальный паблик, несмотря на неформальную структуру и заявленное равенство всех участ-

¹ Экосистема Target Hunter. URL: <https://targethunter.ru/> (дата обращения: 02.03.2026).

ников, есть лидер, а также ряд типичных организационных атрибутов: название, логотип, слоган, брендированный контент в соцсетях, система корпоративных норм и, самое главное, материальная база для содержания и передержки бездомных животных до момента, когда им найдут новых хозяев. Хотя суть всех зоозащитных организаций сводится к одному – помогать бездомным животным, каждый из них имеет свои цели, функции и выбирает собственный способ их достижения. И, разумеется, все они без исключения используют в своей деятельности возможности информационных технологий, в том числе для сбора материальной помощи животным, которые находятся у них на содержании, и информирования населения о необходимости гуманного отношения к своим питомцам, что является частью профилактической политики организаций, направленной на сокращение количества бездомных животных, брошенных прежними хозяевами.

В отличие от официальных пабликов приютов и фондов, неофициальные тематические паблики не обладают большинством из перечисленных выше организационных признаков и атрибутов. Это просто цифровые площадки, объединяющие тех, кто сочувствует бездомным животным.

Едва ли не каждый из администраторов пабликов, являющихся также по совместительству руководителями организаций, которым эти паблики принадлежат, реализует свои потребности в гражданском активизме через инструменты цифровых площадок. На них он размещает информацию о своей деятельности и ведет сопутствующую информационную работу по решению глобальных вопросов в целях сокращения численности бездомных животных. Последнее особо актуально в свете причин, по которым, согласно свидетельствам наших информантов, домашние животные лишаются дома. Наиболее распространенная из них – безответственное отношение прежних владельцев, выбрасывающих своих питомцев на улицу¹.

Из ответов информантов стало известно, что на территории Улан-Удэ и прилегающих к нему районов действуют шесть крупных приютов и один фонд помощи бездомным животным: «Ананда»², «Кот и пес»³, «Право на жизнь 03»⁴, «Алиса»⁵, «Тамир»⁶, «Возрождение»⁷, Фонд «Собака

¹ См., напр.: URL: https://vk.com/wall-55416455_2429958 (дата обращения: 02.03.2026).

² Приют Ананда | БФ Остров Добра | г. Улан-Удэ. URL: <https://vk.com/anandapriut> (дата обращения: 02.03.2026).

³ Приют для бездомных животных «Кот и Пес». URL: https://vk.com/pryut_kot_i_pes (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ АНО Приют «Право на Жизнь 03». URL: https://vk.com/priut_pravo_na_zhizn03 (дата обращения: 25.12.2025).

⁵ «Алиса» – мини-приют для животных в Улан-Удэ. URL: <https://vk.com/aliceshelter> (дата обращения: 25.12.2025).

⁶ Центр помощи бездомным животным «ТАМИР». URL: <https://vk.com/tamircenter> (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Приют для животных «Возрождение». URL: https://vk.com/vozrozhdenie_bur (дата обращения: 25.12.2025).

счастья»¹. Каждая из этих организаций имеет свой паблик в соцсетях, каналы в мессенджерах и групповые чаты. Среди доступных онлайн-площадок волонтерские организации используют: отечественные социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники», мессенджеры «Telegram» и МАХ, сервис для создания и просмотра коротких видео TikTok, видео-хостинг Rutube, а также российскую блог-платформу «Дзен».

Большинство зооволонтеров используют социальные сети как альтернативу офлайн контактам и традиционным формам гражданской активности. Соответственно, их подход к формированию контента аналогичен способам донесения информации, к которым они прибегают за пределами интернета. В то же время перенасыщенность контента в социальных сетях и его разнообразие создают серьезную конкурентную среду и вынуждают бороться за внимание аудитории [15, с. 24]. Администраторам пабликов приходится адаптироваться к требованиям сетевых площадок ради мобилизации аудитории на ответные действия. Одним из популярных способов увеличить органический охват, с тем чтобы повысить вероятность успешного поиска новых хозяев для бездомного животного и интенсифицировать сбор помощи, является создание видеороликов с эмоциональным содержанием: *«До волонтерской деятельности я вообще не работала с соцсетями, но, когда мы начали это делать у нас, стало хорошо получаться. Я заметила, что местные смм-агентства, которые предлагали нам свои услуги, делали это хуже. В этом деле важно не просто знать алгоритмы работы соцсетей, а понимать работу волонтеров и как все у них устроено»* (ж., 31 г., замужем, есть дети, работает).

В ходе контент-анализа пабликов был выявлен ряд кейсов, которые затем подверглись более детальному анализу. Одним из таких стала праздничная предновогодняя лотерея, проводимая приютом «Ананда» в ее паблике в «ВКонтакте»². Любой, кто приобретал билет участника за 300 руб., мог выиграть один из 21 приза, часть которых была подготовлена самим приютом (кружки, шопперы с логотипом), а остальные предоставлялись партнерами и ощутимо превышали стоимость лотерейного билета. Аналогичные лотереи проводились в чате Telegram-канала приюта «Право на жизнь 03»³ и в паблике фонда «Собака счастья»⁴. В последнем проводилась также приуроченная к празднованию Нового года акция «Тайный Санта»⁵ для животных, в рамках которой подписчики могли заказать любой пода-

¹ Собака Счастья | Фонд помощи животным. URL: <https://vk.com/sobakaluck> (дата обращения: 25.12.2025).

² Наша новогодняя лотерея стартует уже сегодня // ВКонтакте. 2025. 24 декабря. URL: https://vk.com/wall-217617054_17214 (дата обращения: 02.03.2026).

³ [Новогодняя акция] // Telegram. 2024. 13 декабря. URL: https://t.me/priut_pravo_na_zhizn03/55641/55667 (дата обращения: 02.03.2026).

⁴ Новогодняя лотерея // ВКонтакте. 2025. 14 декабря. URL: https://vk.com/wall-194795072_16202 (дата обращения: 02.03.2026).

⁵ [Тайный Санта] // ВКонтакте. 2025. 23 декабря. URL: https://vk.com/wall-194795072_16277 (дата обращения: 02.03.2026).

рок для питомца и отправить его в пункт выдачи заказов. Стоит отметить и бессрочную акцию в паблике приюта «Право на жизнь 03» под названием «День стольника»¹, направленную на формирование чувства социальной ответственности и финансовую поддержку приюта: *«Это здорово, когда ты можешь не просто поддержать приют, но и получить взамен что-то полезное. Мне кажется, что такие акции будут больше мотивировать людей помогать животным»* (ж., 52 л., замужем, есть дети, работает).

Кроме проведения собственных акций, приюты и фонды нередко сотрудничают с иными агентами сетевой коммуникации. Так, в конце 2025 г. приют «Право на жизнь 03» принял участие в благотворительной совместной акции² с музыкальной группой «Сезон дождей» в социальной сети «ВКонтакте». Артисты провели профессиональную фотосессию с бездомными кошками с целью привлечь внимание общественности к проблеме бездомных животных и помочь пушистым питомцам обрести новых хозяев. Всего было сделано 10 публикаций: 4 в паблике группы, 4 в паблике и канале приюта и 2 в паблике и канале фотографа, – которые набрали в совокупности 23 800 просмотров.

Как показывает цифровая практика, волонтеры и активисты используют социальные сети с приземлением соответствующего контента на цифровые платформы. Анализ материалов интервью и содержимого пабликов позволяет прийти к схожим выводам: обращение зооволонтеров к цифровым ресурсам стало отражением процесса их адаптации к виртуальной среде. Контент в их пабликах подходит для продвижения не только с помощью информационных постов, но и посредством интерактивных ивентов, включающих всевозможные акции, розыгрыши, коллаборации с блогерами, медийными личностями, а также с иными крупными пабликами и каналами в социальных сетях. Данный подход позволяет расширить круг сочувствующих, привлечь в ряды зооволонтерского движения, помимо действующего состава, новых участников и адаптировать их возможности и ресурсы под конкретные задачи.

Гибкое участие в движении, не только через формальное членство или причастность к организации, демонстрирует сетевую логику такого рода коллективного действия, описанную в трудах Кастельса. Переход от информационных сообщений в виде типовых публикаций – по сути, формального присутствия в соцсетях без явных результатов – к устойчивой и сложной системе создания контента в купе с межрегиональной коммуникацией мы предлагаем называть *цифровым милосердием*. В этом случае роль технологий не сводится исключительно к механической функции. Соцсети и мессенджеры превращаются в площадки для поиска сторонников и формирования новых форм гражданской активности, что проявляется, кроме всего прочего, в поддержке движения посредством денежных переводов на счета организаций. *Сопричастность активных пользователей выражается через их*

¹ День стольника // ВКонтакте. 2025. 24 ноября. URL: https://vk.com/wall-223884874_61771 (дата обращения: 02.03.2026).

² Продолжаем акцию с бездомными кошечками // ВКонтакте. 2025. 23 декабря. URL: https://vk.com/wall-223884874_65305 (дата обращения: 02.03.2026).

реакции к постам. С одной стороны, такой подход чреват «кликтивизмом», а с другой – алгоритмы работы соцсетей открывают перед движением новые возможности в плане распространения информации и развития культуры повседневной гражданской активности в виртуальном пространстве.

В 2023 г. Бурятия стала первым в России субъектом федерации, где был принят закон, разрешающий эвтаназию бездомных животных. В первоначальной редакции документа среди прочих присутствовал пункт, предписывающий умерщвление животного без владельцев по истечении 30-дневного календарного срока его пребывания в пункте временного содержания в силу его признания не востребовавшимся¹. Поводом к принятию закона послужила череда нападений собак на жителей региона, вызвавшая социальное напряжение в информационном поле, которое проявилось в форме негативных комментариев и призывов к решительным действиям. В свою очередь пункт об умерщвлении спровоцировал волну возмущения со стороны зоозащитников и приверженцев гуманного обращения с животными; после ряда судебных разбирательств его отменили²: «Для спасения собак мы создали группу в Viber-e – „Отправка собак“. Нам писали, когда будет проходить отправка животных в другие регионы. Удалось вывезти примерно 500 собак. Эта ситуация нас очень сплотила, и даже сейчас админ группы продолжает отправлять фото спасенных собачек. Мы очень рады и считаем, что сделали хорошее дело» (ж., 62 г., замужем, есть дети, работает).

Тогда зооактивисты со всей страны поддерживали бурятских зооволонтеров как материально, так и информационно. Приюты, фонды, иные общественные организации, одиночные активисты и просто неравнодушные распространяли информацию в пабликах, каналах, чатах и на своих страницах в соцсетях и мессенджерах. Как рассказал нам один из информантов, люди из других регионов России самостоятельно выходили на руководителей бурятских приютов бездомных животных через мессенджеры и за свой счет перевозили собак к себе на передержку. Данный кейс является наглядным примером работы сетевых коммуникаций, позволивших зооволонтерам из разных уголков страны проявить свою активную гражданскую позицию, сплотиться вокруг общей проблемы и с помощью соцсетей и мессенджеров направить усилия по спасению собак в единое русло. Тем более что по их оценкам, разрешение умерщвлять не востребовавшихся собак все равно не решило бы проблему, поскольку, несмотря на систему ОСВВ (отлов, стерилизация, вакцинация, возврат), количество бездомных животных не уменьшается, а в социальных сетях продолжают появляться сообщения, касающиеся бродячих собак³.

На момент принятия закона первоочередной задачей зооволонтеров было спасение бездомных животных. После организации через соцсети вывоза собак из Бурятии в другие регионы, активисты создали инициативную группу

¹ Закон Республики Бурятия от 22.11.2023 № 185-VII «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Бурятия». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0300202311240003?index=7> (дата обращения: 25.12.2025).

² Никифоров В., Ерусланов О. Четвероногих частично оправдали // Коммерсантъ. 2024. 8 августа. № 141. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6879622> (дата обращения: 25.12.2025).

³ Аноним ОЗ. «Улица Мерецкова. С 7 утра собачий лай стоит. Стая из 12 собак...» // ВКонтакте. 2026. 17 апреля. URL: https://vk.com/wall-55416455_2975433 (дата обращения: 25.12.2025).

по оспариванию закона в суде. Истцами выступили местный фонд защиты животных и несколько известных в Бурятии зоозащитников: «Я не знаю точно, кто кому написал первым, но в деле об оспаривании закона со стороны истцов также участвовали юристы из Москвы. Наши ребята списались с ними и договорились о помощи. Конечно, для нас это было очень важно, потому что на кону жизнь животных» (ж., 39 г., замужем, есть дети, работает).

Рассказывая о том, что происходило вокруг принятия закона и отмены его пункта об умерщвлении, информанты продемонстрировали возможности сетевой коммуникации зооволонтерских организаций посредством соцсетей и мессенджеров. В кратчайшие сроки защитники животных смогли не только переправить собак в другие регионы, но и привлечь внимание общественности к закону как на региональном, так и на федеральном уровне. Сложившиеся во время борьбы с ним связи продолжили существовать и после его пересмотра: участники акции общались с новыми хозяевами питомцев и поддерживали контакты с волонтерами из других регионов. Мощный всплеск гражданской активности, порожденный необходимостью спасти животных, привел в итоге не только к пересмотру бурятского закона, но и к отмене аналогичных по содержанию нормативных актов в других субъектах федерации.

Гуманизация отношения к животным: установки и институциональные результаты

В современной истории российского общества наберется немало примеров, когда жестокое и безответственное обращение с животными приводило к массовым возмущениям в соцсетях. Печальная история кота Твикса, который погиб вследствие того, что проводница пассажирского вагона выкинула его во время одной из остановок на 30-градусный мороз, всколыхнула интернет-пространство и вызвала волну сетевых протестов по всей России. В итоге проявленное людьми сочувствие привело к следующим реальным результатам:

1. На сайте change.org были созданы две петиции, составители которых требовали уволить проводницу и привлечь ее к уголовной ответственности¹.

2. В сети предложили установить памятник коту Твиксу как напоминание о трагическом случае².

¹ Филиппова И. Кот символизирует жертву: Почему людей так тронула история пропавшего Твикса и как теперь изменятся правила перевозок животных в поездах // Сноб.ру. 2024. 24 января. URL: <https://snob.ru/society/kot-simvoliziruet-zhertvu-a-provodnica-palacha-pochemu-lyudej-tak-tronula-istoriya-propavshego-tviksa-i-kak-teper-izmenyatsya-pravila-perevozok-zhivotnyh-v-poezdah/> (дата обращения: 02.03.2026).

² Зотов И. Людей не жалко: Почему история про погибшего кота затмила даже «голую вечеринку»? // Новые известия. 2024. 21 января. URL: https://newizv.ru/news/2024-01-21/lyudey-ne-zhalco-pochemu-istoriya-pro-pogibshego-kota-zatmila-dazhe-goluyu-vecherinku-426361?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 02.03.2026).

3. РЖД поменяли правила перевозки домашних животных¹.

4. Глава СК РФ А. Бастрыкин поручил провести проверку по данному факту².

Не менее показательной стала история с компанией «Додо Пицца» и собакой «Додо Боней»³, когда увольнение курьера компании из-за помощи животному вызвало широкий общественный резонанс и социальную протестную активность по отношению к пиццерии. В результате данного кейса основатель сети Фёдор Овчиников обещал помогать животному до момента передачи его новым хозяевам, а также оказал материальную помощь приюту, в котором находится «Додо Боня». Кроме того, компания поменяла свои правила и разрешила приходить в пиццерию с питомцами.

В ходе интервьюирования на вопрос, каков основной мотив, заставляющий волонтеров проявлять гражданскую активность, все десять информантов ответили, что это помощь животным. Гуманизм и альтруистичность устремлений, присущие бурятским зооволонтерам, как нельзя лучше выразила одна из участниц интервью: *«Для меня порой подарок или доброе слово от близкого человека не приносит такой радости, как новость о том, что мы нашли добрых и любящих хозяев для котеночка или собачки. Мысль о том, что они не будут голодать и мерзнуть на улице, делает меня счастливее»* (ж., 63 л., замужем, есть дети, работает). Впрочем, альтруизм и чувство гуманности движет не только зоозащитниками из Бурятии. Наверное, они свойственны всем, кто неравнодушен к судьбам братьев наших меньших. Так, согласно данным социологического опроса С. Л. Нойманн, охватившего 426 американских зооволонтеров, в качестве самого популярного мотива для занятия зооволонтерской деятельностью назывался ценностный.

Сочувствие к бездомным животным довольно распространено среди российских граждан, как и предпочтение гуманных способов решения проблем с ними. По данным ВЦИОМ, с сочувствием к ним относятся 71% россиян; 90% в целом признают существование проблемы бездомных животных в нашей стране, которая острее всего проявляется в небольших городах с населением от 500 до 950 тыс. чел., что подтвердили 96% респондентов, проживающих в таких населенных пунктах. Согласно мнению 66% жителей России верным со стороны властей будет отлавливать животных и помещать в приют с последующей передачей новым хозяевам; 41% поддержал концепцию ОСБВ.

¹ Подольникова С. «А что, у нас коты к людям уже приравнены?» Как история кота Твикса показала отношение нашего общества к животным // Горящая изба. 2024. 24 января. URL: <https://burninghut.ru/kot-tviks/> (дата обращения: 02.03.2026).

² Филиппова И. Кот символизирует жертву: Почему людей так тронула история пропавшего Твикса и как теперь изменятся правила перевозок животных в поездах // Сноб.ру. 2024. 24 января. URL: <https://snob.ru/society/kot-simvoliziruet-zhertvu-a-provodnica-palacha-pochemu-lyudej-tak-tronula-istoriya-propavshego-tviksa-i-kak-teper-izmenyatsya-pravila-perevozok-zhivotnyh-v-poezdah/> (дата обращения: 02.03.2026).

³ Розанова А. Наказание за доброту: что известно о скандале с «Додо пиццей» и курьером. Он спас бездомное животное от мороза, несмотря на запрет руководства // РБК Life. 2026. 24 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/699d42519a794786cb8f4207> (дата обращения: 18.09.2026).

Заключение

Как показало исследование, сегодня коммуникация между собственными зооволонтерами и теми, кто оказывает им активную поддержку, осуществляется преимущественно через сетевые платформы. Информанты, с которыми мы беседовали, занялись волонтерством, когда интернет уже был неотъемлемой частью движения. Более того, многие из них впервые вышли на волонтерские организации, пытаясь пристроить бездомное животное через социальные сети, и поначалу примкнули к движению в онлайн формате. Сегодня вся информация о деятельности таких организаций содержится в их интернет-сообществах в социальных сетях и включает как официальные сведения, так и медиа информацию.

Большая часть деятельности современных российских зооволонтеров реализуется через систему сетевых коммуникаций, посредством которых участники движения ищут хозяев для бездомных животных, организуют временный пристрой и сбор помощи. Помимо новостной повестки, сообщества занимаются также профилактической работой, рассказывают о правилах обращения с животными и публикуют негативные примеры, демонстрирующие результаты ненадлежащего обращения.

Нередки и показательные случаи, когда волонтеры, относящие себя к одному из приютов, одновременно подписаны на паблики иных зооволонтерских организаций и сообществ, осуществляющих пристрой бездомных животных. Это свидетельствует об искренности намерений рядовых волонтеров, которые пытаются использовать все доступные им возможности сетевых коммуникаций, чтобы рассказать об очередной «брошенке» или «потеряшке».

Сетевые коммуникации позволяют региональным зооволонтерам выйти за пределы своих организаций и даже своего региона, чтобы принять участие в межрегиональном и внеорганизационном сотрудничестве. Движение за пересмотр закона Республики Бурятия об эвтаназии животных – яркий тому пример. Применение бурятскими зооволонтерами сетевых связей привело к объединению разнородных ресурсов, что вполне соответствует логике сетевого общества, описанной Кастельсом. С помощью инструментов виртуальной среды и их адаптации в соответствии с задачей они сумели выйти за рамки относительно закрытых, ограниченных локально групп и выстроить гибкую, открытую систему коммуникации, которая позволила в короткие сроки значительно расширить число участников и в итоге достичь желаемой цели.

Библиографический список

1. Безносова Я. В. Роль российского общества покровительства животным в совершенствовании законодательства российской империи в области гуманного обращения с животными во второй половине XIX века // Вестник КГУ. 2024. № 3. С. 275–281. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-275-281; EDN: AQMGBQ.

2. Боровик М. А., Михель Д. В. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 227–252. EDN: MSOGFJ.
3. Егоров М. В. Роль коммуникаций в современном сетевом обществе // Вестник университета. 2015. № 7. С. 212–215. EDN: UIKCEZ.
4. Жаде З. А., Ляушева С. А. Новые тенденции в исследовании сетевой идентичности // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 10–14. EDN: VHOBIN.
5. Кожевников О. А., Савоськин А. В. Социальные сети как развивающийся способ коммуникации органов власти с гражданами: состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 2(93). С. 151 – 155. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-293-151-155; EDN: BUIQLN.
6. Левченко Н. В. Влияние граждан на процесс принятия решений (на примере проблемы бездомных животных) // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 254–268. EDN: PBFHDN.
7. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. № 1. С. 16–24. EDN: NCPEEL.
8. Назарчук А. В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений. Т. 3. М.: Современные тетради. 2005. С. 100–101.
9. Ним Е. (Не) социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 409–427. EDN: YTHMLT.
10. Осипенко Е. А. Особенности российского зоозащитного движения в обществе // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5(154). С. 309–315. EDN: SXSZAT.
11. Палкова А. В. Сетевая идентичность: психолингвистические аспекты // Вестник ТвГУ. Филология. 2022. № 2(73). С. 108–115. EDN: NLPNYJ.
12. Птицына С. С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретикосоциологический анализ // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. №3(4). С.55–56.
13. Рязанова Т. А., Крейк А. И. и др. Влияние социальных сетей на эмоциональные переживания пользователей: социологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 5(109). С. 16–25. DOI: 10.24158/spp.2023.5.1; EDN: DIAMVW.
14. Саенко Л. А., Егоров М. В. Сетевое общество в контексте современных социальных трансформаций // Дискуссия. 2014. № 7(48). С. 88–93. EDN: SNGKEX.
15. Салихова Е. А. Игровые форматы контента в российских медиа // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2024. Т. 49. № 1. С. 3–28. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.328; EDN: DBDFSZ.

16. Смирнова В. Г. Сетевые коммуникации в управлении знаниями: направления и перспективы использования // Управление. 2013. Т. 1. № 2. С. 87–92. EDN: RZUZWP.

17. Тихонова А. В. Способы продвижения в социальных сетях и их преимущества // Вестник магистратуры. 2019. № 4-4(91). С. 69–71. EDN: TFUZII.

18. Neumann S. L. Animal Welfare Volunteers: Who Are They and Why Do They Do What They Do? // Anthrozoös. 2010. No. 23(4). P. 351–364. DOI: 10.2752/175303710X12750451259372.

Получено редакцией: 23.03.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадмацыренов Тимур Баторович, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедры политологии и социологии

Шантаков Артем Михайлович, аспирант кафедры политологии и социологии

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.7

Digital compassion: animal welfare volunteering in Buryatia in the context of the network society

Timur B. Badmatsyrenov

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia

badmatsyrenovtb@bsu.ru

ORCID: 0000-0002-6363-9464

Artem M. Shantakov

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia

artemshantakov@mail.ru

ORCID: 0009-0001-4653-5233

For citation: Badmatsyrenov T. B., Shantakov A. M. Digital compassion: Animal welfare volunteering in Buryatia in the context of the network society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 118–132. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.7; EDN: PDITZL.

Abstract. This article addresses the understudied phenomenon of online animal welfare volunteering as a locally rooted form of grassroots civic activism. The lack of sufficient sociological data currently prevents researchers from developing a social profile of contemporary animal welfare volunteers or assessing the extent to which animal welfare volunteer movements influence public opinion in the region, for example by fostering positive (responsible and humane) attitudes toward homeless animals.

The study draws on unstructured interviews with ten representatives of major animal welfare volunteer movements in the Republic of Buryatia who actively maintain public pages on the social networking platform VKontakte; content analysis of these pages; and analysis of selected regional cases.

The study finds that “digital compassion” is gradually developing in Buryatia. This involves animal welfare volunteers using networked communication to fulfill their primary mission of helping homeless animals. Digital resources enable these volunteers to scale up their efforts and gain greater public visibility, which in turn fosters more humane social attitudes and leads to changes in institutional rules.

Keywords: network society, networked communication, social media, animal welfare volunteers, homeless animals, digital compassion

References

1. Beznosova Ya. V. The role of the Russian animal protection society in improving the legislation of the Russian empire in the field of humane treatment of animals in the 2nd half of the 19th century. *Vestnik KGU*, 2024: 3: 275–281 (in Russ.). DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-275-281; EDN: AQMGBQ.
2. Borovik M. A., Mikhel D. V. Animal protection movements: history, policy, practice. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki*, 2010: 8: 2: 227–252 (in Russ.). EDN: MSOGFJ.
3. Egorov M. V. Role of communication in the modern network society. *Vestnik universiteta*, 2015: 7: 212–215 (in Russ.). EDN: UIKCEZ.
4. Zhade Z. A., Lyausheva S. A. The new trends in researches of network identity. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2016: 1: 10–14 (in Russ.). EDN: VHOBIN.
5. Kozhevnikov O. A., Savoskin A. V. Social networks as an evolving method of communication between authorities and citizens: state and prospects. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 2024: 30: 2(93): 151–155 (in Russ.). DOI: 10.24412/1999-625X-2024-293-151-155; EDN: BUIQLN.
6. Levchenko N. V. Vliyanie grazhdan na protsess prinyatiya resheniy (na primere problemy bezdomnykh zhivotnykh) [Influence of Citizens on the Decision-Making Process (Case Study of the Problem of Homeless Animals)]. *Vestnik instituta sotziologii*, 2011: 3: 254–268 (in Russ.). EDN: PBFHDN.
7. Morozova E. V., Miroshnichenko I. V. Net communities on emergency occasions: new possibilities for the citizens and for authorities. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 2011: 1: 140–152 (in Russ.). EDN: NCPEEL.
8. Nazarchuk A. V. Novaya kommunikativnaya situatsiya: rozhdenie setevogo obshchestva [The New Communicative Situation: The Birth of Network Society]. In *Philosophy and the Future of Civilization: Abstracts of the Reports and Speeches*. Vol. 3. Moscow, Sovremennye tetradi, 2005: 100–101 (in Russ.).
9. Nim E. (Non-) The (non)social construction of reality in the age of mediatization. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2017: 16: 3: 409–427 (in Russ.). EDN: YTHMLT.
10. Osipenko E. A. Features of the Russian animal protection movement in society. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2022: 5(154): 309–315 (in Russ.). EDN: SXSZAT.
11. Palkova A. V. Identity and selfpresentation in the cyberspace: psycholinguistic aspects. *Vestnik TvGU. Filologiya*, 2022: 2(73): 108–115 (in Russ.). EDN: NLPNYJ.
12. Ptitsyna S. S. Teoriya setevogo obshchestva M. Kastel'sa: Teoretiko-sotsiologicheskii analiz [Theory of the Network Society by M. Castells: Theoretical-Sociological Analysis]. *Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii*, 2011: 3(4): 55–56 (in Russ.).
13. Ryazanova T. A., Kreyk A. I. et al. Impact of social network services on users' emotional experiences: sociological aspect. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2023: 5(109): 16–25 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2023.5.1; EDN: DIAMVW.
14. Saenko L. A., Egorov M. V. Network society in the context of modern social transformations. *Diskussiya*, 2014: 7(48): 88–93 (in Russ.). EDN: SNGKEX.
15. Salikhova E. A. Gaming content formats in Russian media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 2024: 49: 1: 3–28 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.328; EDN: DBDFSZ.
16. Smirnova V. G. Network communication in knowledge management directions and perspectives of use. *Upravlenie*, 2013: 1: 2: 87–92 (in Russ.). EDN: RZUZWP.
17. Tikhonova A. V. Methods of Promotion in Social Networks and Their Advantages. *Vestnik magistratury*, 2019: 4-4(91): 69–71 (in Russ.). EDN: TFUZII.
18. Neumann S. L. Animal Welfare Volunteers: Who Are They and Why Do They Do What They Do? *Anthrozoös*, 2010: 23(4): 351–364. DOI: 10.2752/175303710X12750451259372.

The article was submitted on: March 23, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology

Artem M. Shantakov, Postgraduate student of the Department of Political Science and Sociology

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.8
EDN: JBTHPF

Организованный набор мигрантов: практики работодателей и иностранных граждан в Республике Татарстан

Ссылка для цитирования: Габдрахманова Г. Ф. Организованный набор мигрантов: практики работодателей и иностранных граждан в Республике Татарстан // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.8; EDN: JBTHPF.

For citation: Gabdrakhmanova G. F. Organized migrant recruitment: Practices of employers and foreign nationals in the Republic of Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.8; EDN: JBTHPF.

**Габдрахманова
Гульнара Фаатовна¹**

¹Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
Казань, Россия

medi54375@mail.ru

SPIN-код: 5083-8605

Аннотация. Статья посвящена ставшей актуальной в последние годы в официальном дискурсе российских органов государственной власти и управления теме организованного набора мигрантов для работы. На примере Республики Татарстан показано, как работодатели и мигранты участвуют в формировании дизайна организованного набора мигрантов в России. Теоретической основой исследования послужили: концепция миграционных государств Дж. Холлифилда и подход к анализу их режимов, предложенный А. Фионей и Г. Цурапас. Эмпирическую базу составили: 1) полуформализованные экспертные интервью с представителями управленческого аппарата ПАО «КАМАЗ» (Набережные Челны) и ПАТП-2 (Казань), активно привлекающими для работы иностранных граждан с помощью ОНМ; 2) опрос работников указанных предприятий из числа мигрантов.

В ходе исследования изучался, с одной стороны, опыт предприятий: причины, побудившие их обратиться к такому способу привлечения иностранной рабочей силы, этапы формирования управленческой стратегии, способы оказания трудовым мигрантам помощи в легализации, адаптации, организации их работы и повседневной жизни; а с другой – отношение иностранных работников к ОНМ. Как выяснилось, среди трудовых мигрантов преобладает позитивное мнение относительно выполняемой ими работы и желание заниматься ею дальше. Участие иностранных граждан в ОНМ способствует наращиванию у них человеческого капитала путем получения новой профессии, повышения квалификации и уровня знания русского языка. Дополнительным дивидендом для них выступает статус предприятия, на котором они трудятся.

По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что созданная предприятиями Татарстана система организованного набора мигрантов является эффективным решением проблемы острейшего дефицита трудовых ресурсов в промышленном секторе отечественной экономики. В заключении высказывается идея о принятии специальных мер по государственной поддержке предприятий, среднего и малого бизнеса, заинтересованных в решении вопроса нехватки рабочей силы путем организованного набора мигрантов, а также подчеркивается необходимость скорейшего оформления государственного подхода к организованному набору мигрантов и в целом к управлению миграцией из-за усиливающейся конкуренции на рынке труда Центральной Азии между импортерами рабочей силы.

Ключевые слова: управление миграций, организованный набор мигрантов, работодатели, трудовые мигранты, Республика Татарстан

Введение

Особенностью современной миграционной политики России является усиление роли государства в управлении и контроле миграционной ситуации в стране. Это выразилось в появлении новых законодательных инициатив, направленных на ужесточение надзора за мигрантами и работодателями [9], «расширении перечня организованных форм привлечения в Российскую Федерацию иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности»¹ и обсуждении способов претворения в жизнь системы целевого набора иностранных работников, правила которой прописаны в проекте ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по апробации правил и условий осуществления иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации в порядке организованного набора»². Согласно приводимому в последнем документе определению организованный набор мигрантов (ОНМ) – это «комплекс мероприятий по целевому организованному привлечению и использованию работодателями, заказчиками работ (услуг) иностранных граждан и лиц без гражданства для осуществления трудовой деятельности в массовом или индивидуальном характере на территории субъектов Российской Федерации, в том числе включающий подбор, отбор иностранных граждан и лиц без гражданства и их трудоустройство» (ст. 10, п. 3). Данное определение предполагает расширительное толкование ОНМ и включает в него самые разные формы привлечения работников из числа иностранных граждан.

¹ Раздел V, п. 28д Концепции государственной миграционной политики на период 2026–2030 годов, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 738 от 15.10.2025 г. (см.: <https://base.garant.ru/412850335/> (дата обращения: 15.03.2026)).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по апробации правил и условий осуществления иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации в порядке организованного набора // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/167751/> (дата обращения: 17.05.2026).

Идея ОНМ, как и инициативы по ее законодательному оформлению и внедрению, появились задолго до принятия новой Концепции миграционной политики РФ и публикации проекта ФЗ «О внесении изменений...» 1 октября 2009 г. Совет руководителей миграционных органов СНГ утвердил «Общие принципы и механизмы организованного привлечения трудящихся-мигрантов для осуществления трудовой деятельности в государствах-участниках СНГ» [11, с. 35]. В 2010-х гг. в целях развития ОНМ Россия заключила соответствующие соглашения с Кыргызстаном (2013), Узбекистаном (2017) и Таджикистаном (2019), однако это не поспособствовало существенному росту числа иностранных работников, приезжающих в РФ таким способом. Например, среди всех прибывших из Узбекистана в 2018 г. лишь 1% въехал по системе ОНМ [12, с. 14–15]. Позднее, в начале 2020-х гг., был запущен пилотный проект привлечения граждан Узбекистана для временной трудовой деятельности в трех секторах российской экономики. Его реализация стала возможной благодаря «Алгоритму действий по привлечению в экономику Российской Федерации иностранных граждан», разработанному в 2021 г. Министерством труда и социальной защиты РФ на период действия ограничительных мер на въезд в страну иностранных граждан (Распоряжение Правительства РФ № 635-р) [5, с. 71–73]. Впрочем, судить об успешности этого проекта сложно, поскольку данные разнятся: по одним источникам, в 2022 г. таким способом трудоустроились в России всего 4 тыс. выходцев из Узбекистана, по другим – 28 тыс. [5, с. 73].

С 2024 г. наблюдается активизация процессов внедрения ОНМ в России. В феврале 2024 г. Министерство труда и социальной защиты РФ предложило сделать его приоритетным механизмом трудоустройства иностранных граждан, ранее приступавших к поиску работы лишь только по приезду в страну, для чего рекомендовалось использовать государственный портал «Работа в России». В конце 2025 г. Министерство внутренних дел РФ, Министерство труда и социальной защиты РФ, Федеральная служба безопасности и Федеральная налоговая служба обязались разработать к 1 мая 2026 г. законопроект, утверждающий принципы ОНМ, а не позднее 1 декабря 2026 г. запустить информационную систему целевого организованного набора мигрантов и мобильное приложение для них¹, однако к сентябрю сведений о каких-либо изменениях в этом направлении не поступило. В последнее время руководители российских предприятий наряду с уже ставшими привычными рынками труда в государствах Центральной Азии стали обращать внимание на трудовой потенциал Индии, Турции и Северной Кореи².

На фоне стремления России внедрить ОНМ в процесс управления миграцией (УМ) в некоторых ее регионах еще до вынесения этой темы в официальный дискурс были налажены деловые связи с соответствующими

¹ «Ъ»: Россия может запустить оргнабор трудовых мигрантов // Бизнес Online. 2025. 28 ноября. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/688797> (дата обращения: 15.03.2026).

² Латыпов Т. Ренат Мистахов: «Ошибка с первыми „Метеорами“ обошлась нам очень дорого, но...» // Бизнес Online. 2026. 10 февраля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/694450> (дата обращения: 15.03.2026).

щими структурами в странах СНГ и стала складываться система привлечения таким способом трудовых мигрантов [6, с. 8], политико-правовая оценка которой дана в специальных публикациях [2; 11]. Параллельно возник исследовательский интерес к проблематике ОНМ [4]. Тем не менее российская наука пока не располагает достаточным количеством данных о бытующих в стране конкретных практиках ОНМ и характеристиках его непосредственных участников: работодателей и мигрантов [7, с. 58–59]. Цель настоящей статьи – раскрыть на примере Республики Татарстан, как предприятия и иностранные граждане участвуют в формировании дизайна ОНМ в России.

Проблематика управления миграцией в научном дискурсе

Преобладающая часть современных исследований миграции фокусируется на проблеме индивидуального выбора и игнорирует вопросы участия посреднических институтов и организаций, которые вносят значительный (если не доминирующий) вклад в перераспределении населения. Наиважнейшим из таких институтов, по мнению Дж. Холлифилда, является государство. Его влияние обозначилось уже в XVI–XVII вв., когда в Европе появились национальные государства, а в XX–XXI вв. это влияние стало еще заметнее, чему в немалой степени способствовало юридическое привязывание населения к территориям посредством паспортно-визовой системы. Данные процессы привели к возникновению миграционных государств [17], для которых УМ превратилось в движущую силу национального развития и значимый фактор, определяющий взаимодействие регионов и стран [18]. Значение УМ резко возросло после Второй мировой войны, когда европейские страны начали целенаправленно приглашать сезонных иностранных рабочих (*нем. Gastarbeiter*). С этого момента разнохарактерные потоки миграции (добровольно-экономические, вынужденные, легальные, нелегальные, криминальные и т. д.) становятся зоной ответственности государств и частью их миграционных политик [14, р. 864–865]. Со временем к управлению данными потоками подключились общественные организации международного и локального уровня, такие как Международная организация по миграции, Международный центр развития миграционной политики, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы и др., политика и фактическая деятельность которых нередко существенно расходятся с их риторикой [16, р. 1–2].

В ходе научного осмысления феномена УМ и попыток его концептуализировать было выработано понятие «режимы миграционных государств» [14]. В зарубежной литературе оно, как правило, используется при обсуждении политического устройства стран, настроений электората и вопросов защиты прав человека-мигрирующего. Либерально-демократический подход, пригодный для анализа (пост)индустриальных либеральных демократий, оказывается не всегда применим к территориям

с иными политическими системами, например, к странам-экспортерам рабочей силы Глобального Юга [14]. Кроме того, использование инструментов искусственного интеллекта в УМ еще больше усиливает и так существующую асимметрию государств на международной арене [14, р. 576–596].

Отдельный случай представляет собой СССР, где государственное управление перераспределением рабочей силы, направленное на обеспечение внутренней промышленности местными трудовыми ресурсами, исходило из экономической и политической необходимости заселения окраин, что, по сути, можно считать продолжением традиции, сложившейся ранее, в досоветское время [3, с. 138].

Сегодня ОНМ является одним из механизмов УМ, позволяющим эффективно решать проблемы переизбытка и дефицита трудовых ресурсов. Успешным опытом его реализации могут похвастаться Канада, Австралия и Германия, где действуют специальные государственные меры по поддержке сети рекрутинговых компаний в странах с потенциальной рабочей силой, применяется балльная система отбора, работают программы сезонного найма и осуществляется строгий контроль за условиями труда приезжих.

В России УМ, напротив, носит противоречивый характер, а распространение ОНМ сдерживается по причине целого ряда проблем, вызванных: разнонаправленными тенденциями на рынке труда; сложившимися миграционными потоками; региональными диспропорциями в притяжении мигрантов; коротким плечом планирования привлечения рабочей силы среди бизнеса; отсутствием координационного центра [5, с. 75]; разным экономическим потенциалом работодателей; рассогласованностью в деятельности рекрутинговых агентств в странах исхода, центров доиммиграционной подготовки, общественных организаций принимающей стороны и банковского сектора [6, с. 49]. В этой связи представляется важным изучение положительного отечественного опыта ОНМ как с перспективы работодателей, так и иностранных граждан, участвующих в данном виде трудовой миграции.

Эмпирическая база исследования

Республика Татарстан (РТ), где проводилось исследование, как и другие регионы России, испытывает острый дефицит трудовых ресурсов¹ и переживает снижение миграционного притока из стран СНГ и других государств, который за первое полугодие 2024 г. заметно сократился по сравнению с 2023 г.² Выход из текущего непростого положения местные

¹ Паймулин В., Баринова К., Шафиева Р. «За год пересматривали зарплату 5 раз»: как заводы Закамья устроили «голодные игры» за кадры // Бизнес Online. 2024. 28 июля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/646065> (дата обращения: 15.03.2026).

² Социально-экономическое положение Республики Татарстан (комплексный информационно-аналитический доклад) // Татарстанстат. 2024. № 7. С. 80. URL: [https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Комплексный%20доклад_07_2024\(1\)_1007539.pdf](https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Комплексный%20доклад_07_2024(1)_1007539.pdf) (дата обращения: 15.03.2026).

власти видят в создании внятных механизмов УМ и дальнейшем развитии системы целевого набора иностранных работников, практикуемой сегодня татарстанскими предприятиями¹, чей опыт, по оценке главы Минтруда Республики, вполне можно «тиражировать на федеральном уровне»².

Поскольку официальные сведения об ОНМ в Татарстане отсутствуют, первым этапом исследования стали консультации с сотрудниками республиканского Министерства труда и социальной защиты, курирующими вопросы миграции в регионе. В ходе этих консультаций были выявлены другие связанные с ОНМ учреждения: Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства РТ, Министерство промышленности РТ, Министерство здравоохранения РТ, а также составлен перечень предприятий и организаций, использующих ОНМ на постоянной основе: ПАО «КАМАЗ», ПАО «Сибур холдинг», строительная компания «Ак Барс Дом», Департамент продовольствия и социального питания г. Казани, автотранспортные предприятия. С некоторыми организациями не удалось установить контакт по причине закрытости руководства, у других, как оказалось в реальности, работа в части ОНМ минимальна. В итоге из первоначального списка осталось всего два предприятия, активно практикующих ОНМ и доступных для исследования: завод «КАМАЗ», выпускающий грузовые автомобили (г. Набережные Челны), и ПАТП-2 – компания, занимающаяся перевозкой населения на общественном транспорте (г. Казань). На первом работает более 1200 иностранных граждан, во второй – 700. В рамках исследования было проведено шесть полуформализованных экспертных интервью с представителями управленческого аппарата вышеупомянутых организаций, а также осуществлен опрос иностранных работников ($n = 334$ и $n = 107$ соответственно), отобранных методом случайной выборки³.

История ОНМ на предприятиях

ОНМ на обследованных предприятиях начался в 2021 г. На одном из них иностранцев тогда *«было человек 10–11»*, а сейчас их *«24% от общей численности [работников]»* (эксперт № 1, ПАТП-2). Причиной, побудившей компании обратиться именно к такой форме найма иностранной рабочей силы, стал острейший дефицит кадров, преодолеть который с помощью иных, на тот момент более привычных, способов набора персонала оказалось невозможно. На разных ресурсах размещались объявления о требуемых специалистах, велась активная работа на ярмарках вакансий, осу-

¹ Минниханов на съезде глав регионов ПФО: «Без мигрантов не решить задачи, стоящие перед экономикой» // Бизнес Online. 2025. 25 марта. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/667285> (дата обращения: 15.03.2026).

² Гусева А. Депутаты Госсовета о работе с мигрантами: «Давайте посмотрим опыт Дубая?» // Бизнес Online. 2024. 24 декабря. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/658300> (дата обращения: 15.03.2026).

³ Автор выражает благодарность Э. А. Сагдиевой, принявшей участие в разработке программы исследования, проведении полевых работ и первичном анализе данных.

ществлялись выезды с целью рекрутинга в соседние с Татарстаном и более отдаленные регионы страны, но необходимого результата эти меры не дали: *«Во многих регионах были. [...] Мы проехали все Поволжье, но, к сожалению, в массовом порядке нет. ...в Калуге завод остановился „Фольксваген“, мы туда поехали, но никто не приехал»* (эксперт № 4, «КАМАЗ»).

Не имея возможности заполнить существующие вакансии местными кадрами, предприятия начали вынужденно выходить на рынки труда зарубежных государств с переизбытками трудовых ресурсов: *«Искали срочно пути решения проблемы нехватки персонала и вышли на Узбекистан. Заключили с ними соглашение в августе [2021 г.]. В конце сентября приехала первая партия»* (эксперт № 2, «КАМАЗ»); *«...они [страны Центральной Азии] крайне заинтересованы, чтобы развить отношения с Российской Федерацией и другими государствами»* (эксперт № 4, «КАМАЗ»).

В первые годы внедрения ОНМ руководство предприятий самостоятельно определяло пути работы с такой формой привлечения иностранных сотрудников. Приходилось идти на риск, брать на себя все расходы по переезду и легализации трудовых мигрантов без каких-либо гарантий с их стороны: *«167 квот получили из дальнего зарубежья, Туркмении (водители, кондуктора, слесаря, электрогазосварщики). У них денег нет, они вылететь не могут. Им визу одобряют, получают, но выехать не могут»* (эксперт № 2, ПАТП-2); *«В Киргизию, когда ездили, мы привезли 30 человек. Мы пошли на такой риск, мы купили им билеты. Оплатили всю дорогу, здесь все сделали. Когда они получили документы, они проработали максимум месяц и все просто сбежали в Москву, Питер. Это был способ оттуда вырваться»* (эксперт № 1, ПАТП-2).

Поначалу предприятия несли большие убытки из-за недобросовестности привлеченных иностранных работников. Однако постепенно, учась на собственных ошибках, они сформировали свои уникальные управленческие стратегии, в общих чертах довольно схожие: *«Немало шишек было набито, потому что воспользовались самые первые партии тем, что без всяких обязательств к нам приехали за наш счет... и... в немаленьком количестве потом разъехались. Без предупреждения из общежития уехали. С тех пор мы начали разрабатывать всякие подстраховывающие нас документы, обязывающие их возмещать наши расходы»* (эксперт № 1, «КАМАЗ»).

Как сегодня устроен ОНМ на предприятиях

Сегодня ОНМ на обследованных нами предприятиях представляет собой многоэтапный процесс. **На первом этапе** происходит рекрутинг работников. Для этого специалисты кадровых отделов обращаются к посредникам. В качестве таковых могут выступать как зарубежные государственные структуры, с которыми у предприятия заключено соглашение о сотрудничестве (например, Агентство внешней трудовой миграции при

Министерстве занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан), так и частные компании: из страны исхода и российские. Получив запрос, посредники подыскивают потенциальных работников и организуют их онлайн-встречу с представителями работодателя, во время которой оцениваются профессиональные компетенции соискателей, озвучиваются требования к ним, проговариваются условия работы и жизни в принимающем регионе, выясняется уровень владения русским языком. Также посредники из числа частных компаний могут брать на себя часть работ по ОНМ: *«Они [иностранцы работники] устроились в эту организацию, заработную плату платит им эта организация, трудовые отношения с этой организацией. Принцип аутстаффинга. „КАМАЗ“ говорит: „Нам сегодня (я условно рассуждаю) нужно 100 человек слесарей“. Аутстаффинг нам сегодня предоставляем 100 человек слесарей. Мы ему [работнику] говорим: „Вот ваше рабочее место“. Мы им ничего не предоставляем, никаких социальных гарантий, ничего. Мы расплачиваемся с фирмой, с аутстаффингом»* (эксперт № 3, «КАМАЗ»).

Однако, как показал опрос мигрантов, посредничество государственных структур и частных компаний является далеко не самым популярным каналом трудоустройства. Их услугами воспользовались всего 17% и 3% иностранных работников соответственно, тогда как большинство (58%) прибегло к помощи ближайшего социального окружения – родственников и знакомых. Работодатели со своей стороны активно поддерживают такой канал набора персонала посредством акции «Приведи друга»: *«Я, гражданин Узбекистана, говорю: „Здесь хорошо работаю“. Я всем знакомым, родственникам начинаю говорить: „Приезжай на КАМАЗ!“ У нас на отдельных заводах есть целые диаспоры с разных регионов Узбекистана»* (эксперт № 3, «КАМАЗ»); *«Если я вас привел, если вы проработали, мне через три месяца пять тысяч дают»* (эксперт № 2, «КАМАЗ»).

Оставшаяся примерно пятая часть мигрантов трудоустроилась следующим образом: 15% откликнулись на найденное ими объявление работодателя, 4% получили от него приглашение и 3% сами разместили свои резюме на сайтах по поиску работы.

Вне зависимости от канала трудоустройства все опрошенные, по их собственному признанию, участвовали в организованной работодателем процедуре отбора. Это позволяет говорить о том, что формирующаяся в России система ОНМ включает не только официальные структуры, но также самих мигрантов, проявляющих инициативу в плане поиска работы, и сети мигрантского сообщества.

На втором этапе ОНМ происходит проверка личности потенциального работника службами безопасности, за которой следует обсуждение его квалификации и трудового опыта руководством предприятия и специалистами отдела кадров. В случае положительного решения между иностранным гражданином и предприятием заключается трудовой договор, где прописываются права и обязанности сторон. Работодатель обязуется обеспечить работнику необходимые условия труда и отдыха и своевременную выплату заработной платы, а иностранный гражданин – исполнение тру-

довых обязанностей в соответствии с требованиями принимающего предприятия. 99% опрошенных мигрантов подтвердило наличие у них договора с предприятием, остальные находились в процессе его заключения.

Третий этап включает переезд иностранного гражданина на предприятие, его легализацию, адаптацию, вступление в рабочий процесс и организацию быта и досуга. Все это происходит на условиях работодателя: *«При переезде организация все расходы берет на себя и потом в течении года частями удерживает»* (эксперт № 1, ПАТП-2); *«Заключаем с ними [иностранными гражданами] соглашение о том, что они обязуются отработать у нас 11 месяцев, тогда перелет для них становится бесплатным. Если 11 месяцев не отработал, мы удержим с зарплаты. В отношении патента та же история, 16–17 тысяч всегда уйдет на его получение. Патентные затраты мы на себя берем. Мы заключили договор со всеми контрагентами; медосмотр, сертификатные, нотариальный перевод мы оплачиваем контрагенту. Потом это пересчитываем на каждого, кто сколько потратил, суммы разные могут быть, потом мы вычитаем»* (эксперт № 3, «КАМАЗ»).

Предприятия оказывают прибывшим организационную помощь в легализации. Представители работодателя сопровождают иностранных граждан на всех этапах оформления необходимых документов: *«Примерно от момента приезда до момента начала работы проходит месяц. Потому что наше законодательство таково, что он [мигрант] должен пройти медкомиссию, [получить] сертификат на знание русского языка, патент... [на] миграционный учет встать. Это все у нас делается организовано. Мы обеспечиваем, мы им: „Иди туда, в эту больницу“. Ведем их в эту больницу. [...] Везем на сдачу экзаменов по русскому языку, везем в миграционную службу на получение миграционных документов и патентов. За это все мы платим»* (эксперт № 4, «КАМАЗ»); *«Наш сотрудник с ними ездит. [...] Девушка, она сажает их и едет на медосмотр. Деньги заплатила, они все прошли, загрузила, поехали на ИНН, повезли на СНИЛС, потом на русский язык везет. В районе двух недель проходит»* (эксперт № 1, ПАТП-2).

Легализация иностранных граждан является самой сложной частью ОНМ: 39% опрошенных мигрантов сообщили, что им было трудно собрать необходимые документы, 31% испытали сложности с оплатой расходов по их оформлению, 17% – при сдаче экзамена на знание русского языка, 14% – при прохождении медосмотра. Действующее миграционное законодательство РФ вызывает критику со стороны работодателей из-за недоучета в ней специфики прибывающих в страну иностранных специалистов и интересов нанимателей, их мотивов и расходов, которые они вынуждены нести при оформлении приезжих: *«На работодателя и иностранца вешают очень много форм уведомления. [...] Он – узбек, не может самостоятельно это заполнить. Он пойдет в ООО „Электронный курьер“ и отстегнет за это полторы тысячи. Это же зарабатывание денег. Понимания нет, что это оргнабор и работодатель очень многие затраты*

берет на себя, затраты на работодателе повисли. Это разве улучшает экономическую ситуацию предприятия? Мы и так вынужденно привлекаем» (эксперт № 3, «КАМАЗ»).

Дополнительные трудности возникли из-за закрытия ряда центров, занимающихся проведением экзамена по русскому языку. По свидетельству экспертов, часть уже прибывших на предприятие мигрантов не дожидается завершения процедуры легализации, у них заканчиваются деньги, и они уезжают обратно. Кое-кто из иностранных граждан подвергается штрафу со стороны ФМС, причем нередко по причине ее же собственной нерасторопности и отсутствия у нее современной IT-поддержки. Оптимизация процесса оформления документов, по мнению экспертов, возможна при условии отлаженного механизма электронного документооборота и межведомственного взаимодействия, загрузки личных данных через платформу Госуслуги и предоставления мигрантам способов заполнить необходимые документы еще до приезда в Россию: *«Когда у нас иностранец приезжает, неделя на оформление ИНН, неделя на язык. Если он уже с этим приехал, нам не надо переживать. Он приехал, патент получил, иди работай. [...] Госуслуги, ИНН, СНИЛС – большая экономия времени. Закачать его данные в Госуслуги, чтобы мы не руками доказывали, что „ё“, а не „е“. Ошибка в одной букве – все летит у нас. Загрузите при пересечении границы» (эксперт № 1, «КАМАЗ»).*

Третий этап ОНМ предполагает несколько направлений работы для принимающих предприятий.

1. *Обучение иностранных граждан требуемым специальностям и повышение их квалификации.* У «КАМАЗа» имеется собственный учебный центр подготовки работников. Автотранспортное предприятие проверяет стаж претендентов и категорию водительских прав, организует расширенный медицинский осмотр: *«У водителей энцефалограмму головного мозга берут, не только на права сдаем. Там целый пакет. Сдают экзамен на гигиену. После этого мы трудоустраиваем. [...] С каждым проговариваю, есть ли смысл его приглашать? Еще многие говорят: „Я водитель“... [А] он водил только легковую машину. Мы возим людей, машина 13-метровая. [...] Мальчишка позвонил 2003 г.р., какой уж он водитель?! Нам важен опыт» (эксперт № 2, ПАТП-2).*

2. *Оказание помощи иностранным гражданам в изучении русского языка, истории и основ законодательства РФ.* С этой целью обследованные предприятия разработали специальные лекции, а также подготовили брошюры для мигрантов. Эксперты подчеркнули особую значимость хорошего владения русским языком, так как иностранные работники должны понимать производственный процесс, знать правила техники безопасности, уметь общаться с коллективом для обеспечения бесперебойной работы. Поэтому предварительная оценка знания русского языка происходит еще на этапе онлайн-собеседования: *«Для нас важно, чтобы они хотя бы первоначально разбирались в русском языке. Потом уже те, которые у нас работают и живут, они уже приобретают необходимые знания, осваивают» (эксперт № 4, «КАМАЗ»).*

Опрос выявил высокий уровень знания русского языка среди участвующих в ОНМ иностранных граждан: 48% заявили, что свободно говорят, читают и пишут по-русски, 18% испытывают сложности при чтении и письме, 17% говорят с затруднениями, 14% понимают, но не говорят, 3% не владеют вовсе. Полученные данные свидетельствуют об эффективности проводимой предприятиями работе по усвоению мигрантами русского языка.

3. Содействие в решении жилищного вопроса. Каждому из приехавших предоставляется койко-место в принадлежащих предприятиям общежитиях, где проживает чуть более 80% иностранных работников, остальные, около 19%, снимают жилье. Общежития находятся в хорошем состоянии, в них имеется все необходимое для комфортного проживания: *«У нас руководитель любит идеал чистоты [и] порядка. ...не общежитие, а гостиница. Все условия: приехали – постель, матрас, одеяла, подушки. Два раза в месяц обстирывают. Уборщицы убираются в комнатах. Кухня есть. Общежитие – блочная система: четыре комнаты, туалет, два душа; шесть блоков на втором, шесть блоков на первом этаже. Комнаты разные есть, [на] три, четыре, пять, шесть человек. Где-то двухъярусные кровати ставим»* (эксперт № 2, ПАТП-2). На этажах имеются мусульманские молельные комнаты, оборудованные самими мигрантами. Администрация общежитий строго следит за порядком, в отдельных случаях приезжие обязаны отмечаться у дежурного об уходе и возвращении.

Койко-места предоставляются только совершеннолетним и семейным парам: *«Мы не сторонники, чтобы они приезжали с детьми и тут как цыгане, сыр-бор. В комнатах живут только муж и жена. Детей мы не заселяем. Они знают: „Приезжайте без детей“. Есть которые привозят, но [им] общежитие мы не предоставляем»* (эксперт № 1, ПАТП-2); *«Детей-то они готовы привезти, но они не готовы платить за это. Мы им предоставляем комнату на двух человек. Дети? Им нужно отдельно самим искать жилье. Но у нас есть иностранные граждане, которые снимают квартиры, которые отдельно проживают и с детьми, в том числе проживают в квартирах»* (эксперт № 4, «КАМАЗ»).

Оплата за проживание делится между мигрантами и предприятием. Если иностранные граждане селятся в общежитие, то *«три месяца живут бесплатно, [а] как они более или менее встают на ноги, потом уже у них удерживают»* (эксперт № 2, ПАТП-2).

Из тех 19%, кто снимает жилье, 15% самостоятельно его оплачивают, а 4% *«пять с половиной тысяч платит „КАМАЗ“»* (эксперт № 2, «КАМАЗ»).

4. Организация досуга. Иностранные работники вовлекаются в курсы трудовых навыков, культурные мероприятия, в том числе этнической направленности, в события города и страны исхода, спортивные занятия: *«У нас профсоюз на предприятии, организуются праздники, есть профессиональные праздники, недавно профмастерство [проводили]. Вы не поверите, из российских водителей было четыре, которые захотели*

бороться за первенство, остальные иностранцы» (эксперт № 1, ПАТП-2); «Плотно работаем с Домом дружбы „Родник“. У них еженедельно проходят мероприятия. [...] Они [трудовые мигранты] с удовольствием туда ходят, это танцы и мероприятия. Они очень охотно ходят на футбол, мы раздаем билеты. Они в профком начали вступать, для того, чтоб билеты бесплатно давали. Но сильно сказать, что ребята любят заниматься, – нет! А вот прийти поболеть на футбольное поле (мы даем билеты) и в „Мастеровые“ [Русский драматический театр. – Прим. авт.], либо в Органный зал – не очень любят ходить, если это органная музыка. Но мы ровно всем раздаем, точно так же и своим. ... Второе – мы обязательно проводим Навруз. У каждого завода есть своя база отдыха, где мы проводим Сабантуу. Они всегда участвуют на Сабантуе. У них обязательно свой номер с танцами и еще что-нибудь. На Навруз мы всегда готовим плов. [...] Первое сентября – День Независимости [Республики Узбекистан], мы проводим для них культурные мероприятия» (эксперт № 1, «КАМАЗ»). Предложениями досугового характера, по данным опроса, пользуется более половины иностранных граждан (27% – в качестве активных соучастников, 33% – в качестве зрителей), что свидетельствует о насыщенности их повседневной жизни.

Социально-демографический портрет и трудовая мотивация иностранных граждан, участвующих в ОНМ

Среди прибывших в равной доле представлены все группы трудоспособного возраста: 18–25 лет – 24%, 26–35 – 25%, 36–45 – 23%, 46–60 – 28%.

Подавляющее большинство иностранных работников (91%) – мужчины, которые нередко приезжают работать с близкими родственниками тоже мужского пола: «В основном приезжают папа с сыном, у нас семейным кланом приезжают. Многие получают гражданство. Папа получил гражданство, дети ВНЖ получают, годами работают» (эксперт № 2, ПАТП-2). Женщины, которым «нравится у нас работать» (эксперт № 3, «КАМАЗ»), приезжают с мужьями, и такие пары трудятся в одном цеху или, в случае с ПАТП-2, на одном автобусе (муж – водитель, жена – кондуктор). Доля семейных пар среди мигрантов составила 8%.

Примерно половина иностранных работников имеет среднее образование, треть – среднее специальное, 13% – незаконченное высшее или высшее.

Большинство опрошенных (69%) – граждане Узбекистана, 24% – Таджикистана, остальные – выходцы из Кыргызстана, Казахстана, Армении и Азербайджана. Иностранные работники, участвующие в ОНМ, – это в основном мигранты постпандемийного периода. Лишь четверть участников нашего опроса впервые приехала на работу в Россию

до 2019 г., а три четверти – в последние годы: 17% – в 2019–2021 гг., 57% – 2022–2024 гг., что свидетельствует о поступательном развитии ОНМ силами работодателей.

Закрепившиеся на предприятиях мигранты в целом удовлетворены работой: 77% из них она устраивает полностью, 21% – частично. В качестве причин удовлетворенности опрошенные называли: «она [работа] просто нравится» (70%), «хорошая зарплата» (20%), «на предприятии „не кидают“ и выплачивают деньги в срок» (20%), «график работы» (20%), «работа на солидном предприятии» (19%). Последнее, как отметили эксперты, для мигрантов весьма значимо. Трудовая деятельность на крупном промышленном предприятии (особенно такого мирового уровня, как «КАМАЗ»), подтвержденная записью в трудовой книжке, открывает перед ними новые возможности: они становятся более конкурентноспособными на рынке труда, причем не только в России, но и за рубежом. ОНМ оказывается для участвующих в нем чем-то вроде долгосрочного капитала, а статус предприятия – эффективной рекламой, помогающей работодателям привлекать других потенциальных работников из зарубежья. В свою очередь к финансовым дивидендам от работы – соцпакету и отчислениям в будущую пенсию – мигранты практически не выказывают интереса, привлекательными для себя их посчитали всего 1% и 2% опрошенных соответственно. Остальные же воспринимают это просто как поддержку текущего материального положения, поскольку пребывание в настоящий момент в России не исключает изменения их миграционных предпочтений в будущем на другую страну.

В качестве других причин удовлетворенности работой опрошенные назвали отношение местного населения (13%) и начальства (11%), а также наличие земляков и родственников (11%). Благоприятный социально-психологический климат в регионе пребывания положительно влияет на дальнейшие трудовые планы мигрантов: 71% намерен продолжить работу на предприятии, четверть размышляет об этом и лишь 4% собираются уволиться в ближайшее время; 86% признались, что посоветовали бы свое место работы землякам и родственникам; 76% планируют вернуться в Татарстан для работы, 13% допускают такую возможную.

Две пятых мигрантов, трудоустроившихся с помощью ОНМ, работают на предприятиях от одного года и более (28% – от 1 до 3 лет, 12% – более трех лет), примерно столько же (41%) работают не более года, остальные 19% – меньше месяца или только оформляются. Именно в первый месяц трудоустройства чаще всего происходят увольнения, так как прибывшие оказываются *«не готовы к той работе, на которую приезжают. Естественно, начинают искать место под солнцем получше, работу поменьше с зарплатой побольше. Если им предлагают: „Пойдем на рынок грузчиком, я тебе каждый день буду платить наличкой“, они стараются туда уйти»* (эксперт № 1, «КАМАЗ»); *«Не рассчитывали, что физически придется так много работать, они рассчитывали метлой подмести. У нас очень интенсивная работа. [...] Особенно на конвейере им*

тяжело, потому что, если есть комплектующие, он не может отойти от своего места, если это не регламентированный перерыв или обед» (эксперт № 3, «КАМАЗ»).

Другими причинами текучести кадров, по признанию мигрантов, становятся дефицит общения с родственниками и земляками (20%) и несоответствие реальной заработной платы ожидаемой (22%). Для снижения издержек предприятия разработали специальные меры «защиты»: «Мы не оплачиваем сразу на год вперед [патент за мигранта]. Потому что есть риск, мы за год сейчас оплатим, [а] он через два месяца пропал с кучей долгов. Чтоб мы не оставались в лишних долгах... мы каждый месяц, каждые два продлеваем [патент]» (эксперт № 4, «КАМАЗ»).

Дивиденды и издержки ОНМ для иностранных граждан

ОНМ является эффективным механизмом защиты прав иностранных граждан, при котором работодатель выступает их гарантом. Об этом свидетельствует обязательное заключение трудового договора между предприятием и наемным работником, чего, как правило, лишены те, кто прибывают на работу в Россию самостоятельно: «В одни и те же даты зарплаты, документы, регистрация, проживание в общежитии бесплатное. У них ДМС есть. Если у них что-то случилось или они заболели, мы всегда им помогаем обратиться за лечением к врачу, у нас даже санаторий свой есть, они на равных условиях, как [и] граждане России, проходят лечение, всеми благами пользуются. Сколько бы у них детей ни было, дарят новогодние подарки. Приносишь свидетельство о рождении детей – всем подарки дадут» (эксперт № 2, «КАМАЗ»). Иностранные граждане, приехавшие через ОНМ, имеют регламентированный рабочий день и выходные, в которые они могут делать бытовые дела (71% «сидит дома, занимается стиркой, уборкой, приготовлением пищи, разговаривает по телефону с семьей на родине»), гулять по городу (26%), встречаться с земляками (13%) и заниматься спортом (11%).

Зачастую на момент въезда в Россию трудовые мигранты из Средней Азии не имеют необходимой квалификации и навыков, соответствующих требованиям российского рынка труда [10, с. 200], которые они нарабатывают позднее, перенимая опыт тех, кто сам лишь приблизительно разбирается в выполняемой работе. В отличие от них, участвующие в ОНМ приобретают возможность не только получить профессию (32% опрошенных сообщили, что до приезда в Россию не владели никакой специальностью), но и обучиться ей в сертифицированных образовательных центрах, работающих по государственным образовательным стандартам. Благодаря предприятию 60% мигрантов смогли получить новую профессию, еще 8% получили ее ранее в других российских организациях. Прохождение по легитимным образовательным трекам открывает перед иностранными гражданами возможности профессионального роста: «У нас есть люди, которые стали наладчиками. Пришел оператором и тихонько делает карьеру» (эксперт № 3, «КАМАЗ»).

В то же время для некоторых категорий трудовых мигрантов ОНМ становится, напротив, каналом нисходящей мобильности и ведет к осложнению условий работы. Так случается с теми, кто на родине имел профессию, предполагающую наличие высокого образовательного уровня: учителя, медика, бухгалтера, юриста, экономиста, инженера, деятеля культуры. Прибыв в Россию, эти люди начинают работать водителями автобуса, погрузчиками, кондукторами, автомойщиками, автослесарями, сварщиками, токарями, кузнецами, штамповщиками, транспортировщиками, формовщиками, малярами, механиками. Каждый десятый подчеркнул, что их новая работа тяжелая и нередко выполняется в ночное время, но ОНМ – единственный для них способ финансово поддержать семью и обеспечить ее выживание. В этом они близки к тем, кто приезжает в Россию самостоятельно.

Трудоустройство с помощью ОНМ не лишает мигрантов возможности при желании иметь подработку, чем, по данным опроса, пользуется около 7%. Эксперты подтвердили, что иностранные работники берут дополнительные часы и даже после десятичасовой рабочей смены идут подрабатывать: *«Они курьерами иногда подрабатывают. В прошлом году обход делаю, смотрю: велосипедов прибавилось. Думаю, зачем так много? Они в Самокат [устроились]. ... Есть разные группы – шабашки, суббота-воскресенье. Если вам надо что-то выкопать, вы нашего узбека найдете. Они придут и все выкопают за наличку. Потому что им побольше денег нужно туда отправить. Если уж он уехал в Россию на заработки, там вся семья, полкишлака, жена с кучей детей – все сидят и ждут деньги. Им самим хочется какую-то сумму денег оставить»* (эксперт № 2, «КАМАЗ»); *«Они и в свободное от работы время пытаются заработать, где-то на стройке подработать»* (эксперт № 1, «КАМАЗ»).

Четкий график работы на предприятиях позволяет иностранным гражданам – участникам ОНМ зарабатывать больше денег разными способами: брать дополнительные смены и часы, находить еще одну работу или подработки. Заработок может быть насколько внушительным, что длительно участвующие в ОНМ приезжие оказываются способны со временем приобрести движимое и недвижимое имущество в городе, где трудятся: *«У них можно поучиться копить деньги. [...] Много могут копить, потому что покупают здесь квартиры, машины, дома. [...] Если раньше у общежитий было порядка трех машин, то сейчас 25 стоит. Машины неплохие»* (эксперт № 2, ПАТП 2).

Переезд в Россию означает для мигрантов длительную разлуку с семьей. У 75% дети и жены остаются в государстве исхода, 33% испытывают по ним сильную тоску. Большинство прибывших по ОНМ продолжают поддерживать тесную связь со своими семьями: половина отправляет им две трети своего заработка, 32% – почти все деньги. Важно отметить, что эмоциональный стресс от миграции не зависит от ее типа – организованной или самостоятельной.

Невидимые эффекты ОНМ

Наряду с решением проблемы кадрового голода, ОНМ также имеет определенные социальные последствия.

Первое: соблюдение приезжими миграционного законодательства с самого момента прибытия в страну. Оба обследованных предприятия неукоснительно выполняют все требования по легализации иностранных работников, которые предписаны законами РФ, что минимизирует шансы негативного исхода как для мигрантов, так и для принимающей стороны: *«Мы говорим: „Ребята, у нас полное оформление, патент, все законно, любой полицейский, кто бы тебя ни остановил, все документы в порядке. Если ты сейчас за лишним рублем уйдешь туда, у тебя нет гарантии, что тебя завтра не депортируют, если депортируют, ты несколько лет в Россию вернуться не можешь. Зачем тебе это надо? На чаше весов не такие и большие суммы стоят. Здесь гарантия, стабильность“»* (эксперт № 3, «КАМАЗ»).

Соблюдение законодательства непосредственно связано с обеспечением благоприятной миграционной ситуации в городе, где расположено предприятие. Говоря о практике регистрации иностранных граждан в так называемых резиновых квартирах, один из экспертов отметил, что ее *«не сильно... город приветствует. Миграционное законодательство... Тяжело же с ними. Сдать квартиру иностранному гражданину – гораздо больше ответственности у квартиросъемщика. Очень серьезная ответственность. [...] Если я прописался: улица Строителей, дом 5, квартира 12, я должен там проживать. Не проживаю – значит, ответственность»* (эксперт № 1, «КАМАЗ»). Поэтому для городов со значительным числом иностранных граждан, пребывающих через ОНМ, наиболее приемлемой формой их расселения является компактное проживание в общежитии предприятия.

Второе: участвуя в ОНМ, предприятия невольно вовлекаются в сферу межэтнических отношений. Прибытие представителей разных этнических групп означает для работодателей необходимость учитывать этот аспект как в производственном процессе, так и вне его. Неслучайно на предприятиях существует практика разделять этапы производственного процесса между работниками разной национальности. При заселении иностранных граждан работодатели также вынуждены принимать во внимание страну исхода и земляческую структуру приезжих во избежание возникновения конфликтных ситуаций: например, лучше не селить рядом выходцев из Узбекистана и Таджикистана. Кроме того, принимающая сторона старается не допустить создание этнических анклавов трудовых мигрантов в городах, где находятся предприятия. Ответы экспертов демонстрируют понимание работодателями их роли в поддержании здоровой межэтнической ситуации: *«Для нас все-таки привлечение мигрантов – это не положительная динамика везти сюда. Да, работать некому, вынужденная мера, но это не положительная динамика, потому что мы видим, что происходит. Мы не хотим, чтоб наш город превратился в большой кишлак.*

По потребности заводов мы возим; сейчас потребность еще больше стала, потому что мы расширяем производство, объемы растут. Мы все больше и больше пытаемся везти. Мы уже стали смотреть на то, что, а давайте не количество узбеков увеличивать, а количество стран, откуда будем привлекать: таджики, киргизы, туркмены. Потому что не хочется из Челнов делать Ташкент» (эксперт № 1, «КАМАЗ»).

Не последнюю роль играет и конфессиональный фактор, который также приходится учитывать при ОНМ: *«Почему Татарстан? Проще нам с ними работать, мы – мусульманская республика. Поэтому они более охотно едут к нам, чем в Ивановскую область» (эксперт № 4, «КАМАЗ»).* И действительно, 71% опрошенных оценил отношение к себе местного населения как доброжелательное.

Участвующие в ОНМ предприятия становятся, по сути, агентами формирования культуры межэтнических отношений среди приезжих: *«Мы говорим: „Мы, КАМАЗ, большая семья, мы все одинаковые!“ У нас много русских, татар, башкир [и] в том [же] числе таджики, узбеки. Мы – многонациональная республика, потому что КАМАЗ приехал строить весь Союз, [и мы] так и остались многонациональным Союзом. Мы в массы это несем. Мы до них и до своих работников это доводим» (эксперт № 1, «КАМАЗ»).*

Выводы

Исследование показало, что ОНМ в России находится в зачаточном состоянии. Несмотря на предпринимаемые органами государственной власти и управления РФ попытки запустить эту форму привлечения иностранных работников, все инициативы носят пока исключительно риторический характер. Реальными же драйверами ОНМ в нашей стране сейчас являются отдельные крупные компании. Именно они формируют современный дизайн УМ в России.

Оба принявших участие в исследовании предприятия разработали уникальные механизмы привлечения иностранных граждан, оказания им помощи в легализации и адаптации, организации работы и повседневной жизни. Созданная ими система ОНМ оказалась весьма эффективным способом решения проблемы острейшего дефицита трудовых ресурсов в промышленном секторе отечественной экономики. В условиях ожидаемого обострения ситуации на российском рынке труда такая форма использования кадрового потенциала зарубежных стран в перспективе станет еще более востребованной. Она может придать трудовой миграции в Россию большую прозрачность, снизить негативные последствия неконтролируемой миграции, обеспечить лучшую собираемость налогов и соблюдение прав въезжающих в страну с целью поиска работы.

Значимость ОНМ подтверждается также положительными отзывами об этой системе со стороны участвующих в ней мигрантов. Подавляющему большинству опрошенных нами иностранных специалистов нравится

работа, которую они выполняют на предприятиях, и они намерены заниматься ею дальше. Многие из них получили новую профессию, повысили квалификацию и уровень знания русского языка, тем самым нарастив собственный человеческий капитал. В будущем позитивное отношение к ОНМ в России может поспособствовать увеличению интереса к трудовой миграции в нашу страну среди населения зарубежных стран, прежде всего центрально-азиатского региона.

Наряду с формированием государственного подхода к работе с зарубежными странами – потенциальными поставщиками трудовых ресурсов, России сегодня необходимо решить ряд вопросов политико-правового характера, без чего эффективное развитие ОНМ в стране невозможно. Во-первых, следует отладить процедуру легализации иностранных граждан, в частности, создать доступные и эффективные механизмы оформления требуемых документов. По свидетельствам и экспертам, и трудовых мигрантов, принявших участие в исследовании, именно эта часть ОНМ является сегодня самой сложной как для принимающих предприятий, так и прибывших работников. Во-вторых, не до конца отрегулированными остаются вопросы правовой регламентации деятельности нерезидентов, занимающихся рекрутингом рабочей силы в странах СНГ [8]. Работодатели не имеют «механизмов защиты своих интересов... с точки зрения их [иностранцев] последующего увольнения по собственному желанию и перехода к другому работодателю или в другую сферу деятельности. ... иностранные граждане получают обычный патент установленного образца, дающий им право работать в России у любого работодателя» [1, с. 23].

ОНМ, как и самостоятельная трудовая миграция, формирует в современной России уникальный режим миграционного государства. Частные компании в странах исхода трудовых мигрантов, как правило относящихся к региону Центральной Азии, ощутимо проигрывают транснациональным связям, сформированным самими мигрантами, которые имеют этническую природу и выстраиваются внутри моноэтнических, расширенных, кровных семейных союзов и земляческих общин. Использование этого ресурса в рекрутинговых кампаниях российских работодателей может усилить положительный эффект ОНМ для отечественных предприятий и иных участников УМ и вместе с тем чревато ухудшением межэтнической обстановки в российских регионах вследствие возможной анклавизации трудовых мигрантов.

Несмотря на инновации, государства остаются зависимыми от миграции и вынуждены сотрудничать в глобальном управлении ею [18]. В целях успешного развития отечественной экономики Россия не может оставаться в стороне от этих трендов, особенно когда наиболее активно используемый ею рынок трудовых ресурсов Центральной Азии становится все более привлекательным для европейских и иных азиатских государств. Кто выиграет в этой конкурентной борьбе – вопрос, ответ на который мы сможем получить уже в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Бурда М. А. Миграционная политика России: организованный набор как эффективный механизм внешней трудовой миграции // Управленческое консультирование. 2025. № 2(188). С. 18–28. DOI: 10.22394/1726-1139-2025-2-18-28; EDN: IFHJAL.
2. Воронина Н. А. Новые формы защиты прав трудовых мигрантов: организованный набор // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 9(61). С. 2724–2732. DOI: 10.35775/PSI.2020.61.9.009; EDN: DIDDCM.
3. Горбачев О. В. Организованная миграция из села Центрального Черноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–148.
4. Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Иностранцы работники в России: мнение работодателей // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 26–37. DOI: 10.31857/S013216250021528-3; EDN: RQYWEG.
5. Комаровский В. В. Организованный набор трудовых мигрантов и факторы, влияющие на его развитие // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4(53). С. 70–80. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-70-80; EDN: PCMUH2.
6. Леденёва В. Ю. Система организованного набора мигрантов как адаптационный механизм // Государственная служба. 2014. № 4(90). С. 47–51.
7. Лисицын П. П. Основные и дополнительные участники миграционного процесса в России: каналы коммуникации // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. № 1. С. 54–70. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.104; EDN: ZDAXRB.
8. Махмадуллозода Н. Р. Проблемы правового регулирования и контроль деятельности частных агентств занятости по найму и трудоустройству мигрантов в республике Таджикистан // Государствоведение и права человека. 2023. № 2(30). С. 137–144. EDN: BTEVGP.
9. Мукомель В. И. Воспоминания о будущем: миграционная политика как зеркало межнациональных отношений и проблем демографического развития // ИНАБ. Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций. 2024. № 1. С. 4–18. DOI: 10.19181/INAB.2024.1.1; EDN: DNLDKZ.
10. Мукомель В. И. Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4(36). С. 186–204. DOI: 10.19181/snsr.2021.9.4.8614; EDN: ENAWUT.
11. Потапенкова И. В., Ярмонова Е. Н. К вопросу о формировании механизмов организованного набора трудовых мигрантов в Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 31–39. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-31-39; EDN: ZJAAJV.

12. Сурма И. В., Шангараев Р. Н., Волкова А. А. Об организованном наборе трудовых мигрантов: концепция и практика в условиях глобализации // Глобальная экономика и образование. 2021. Т. 1. № 1. С. 11–18. EDN: WJTHAW.
13. Beduschi A. International migration management in the age of artificial intelligence // International migration management. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 576–596. DOI: 10.1093/migration/mnaa003.
14. Fiona B. A., Tsourapas G. The Migration State in the Global South: Nationalizing, Developmental, and Neoliberal Models of Migration Management // International Migration Review. 2019. Vol. 54. Iss. 3. P. 853–882. DOI: 10.1177/0197918319879057.
15. Forrest T. M., Brown L. A. Organization Led Migration, Individual Choice, and Refugee Resettlement in The U.S.: Seeking Regularities // Geographical Review. 2014. Vol. 104. No. 1. P. 10–32. DOI: 10.1111/j.1931-0846.2014.12002.x.
16. Geiger M., Pecoud A. The Politics of International Migration Management. L.: Palgrave MacMillan, 2010. 326 p.
17. Hollifield J. F. The Emerging Migration State // International Migration Review. 2004. Vol. 38. No. 3. P. 885–912. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00223.x.
18. Understanding global migration / Ed. by J. F. Hollifield, N. Foley. Stanford University Press, 2023. 520 p. URL: <https://www.sup.org/books/politics/understanding-global-migration/excerpt/introduction-excerpt> (дата обращения: 20.03.2026).

Получено редакцией: 21.03.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.8

Organized migrant recruitment: practices of employers and foreign nationals in the Republic of Tatarstan

Gulnara F. Gabdrakhmanova

Marjani Institute of History of TAS, Kazan, Russia

medi54375@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1796-5234

For citation: Gabdrakhmanova G. F. Organized migrant recruitment: Practices of employers and foreign nationals in the Republic of Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.8; EDN: JBTHPF.

Abstract. This article analyzes organized migrant recruitment (OMR), a topic that has gained prominence in the official discourse of Russian state authorities and administrative bodies in recent years. Using the Republic of Tatarstan as a case study, it shows how employers and migrants help shape organized migrant recruitment arrangements in

Russia. The theoretical framework draws on J. Hollifield's concept of the migration state and the framework for analyzing migration management regimes proposed by F. B. Adamson and G. Tsourapas. The study draws on (1) semi-structured expert interviews with members of the management teams of KAMAZ PJSC (Naberezhnye Chelny) and PATP-2 (Kazan), which actively recruit foreign nationals through OMR; and (2) a survey of migrant employees at these enterprises.

The study examines the enterprises' experiences: their reasons for adopting this method of recruiting foreign labor, the stages in the development of their management strategies, and the ways in which they assist labor migrants in obtaining legal status, adapting, and organizing their work and everyday lives. It also examines foreign workers' attitudes toward OMR. The findings indicate that labor migrants predominantly view their jobs positively and wish to remain in these jobs. Participation in OMR helps foreign nationals build human capital by acquiring qualifications for a new occupation, upgrading their skills, and improving their Russian-language proficiency. Their employer's status provides an additional benefit.

The study concludes that the system of organized migrant recruitment developed by enterprises in Tatarstan offers an effective solution to the acute labor shortages in the industrial sector of the Russian economy. The article proposes targeted state support measures for enterprises, including small and medium-sized businesses, seeking to address labor shortages through organized migrant recruitment. It also emphasizes the urgent need to develop a government policy approach to organized migrant recruitment and migration management more broadly, given intensifying competition to recruit workers from Central Asia.

Keywords: migration management, organized migrant recruitment, employers, labor migrants, Republic of Tatarstan

References

1. Burda M. A. Policy of Russia: Organized Recruitment as an Effective Mechanism of External Labor Migration. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2025: 2(188): 18–28 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2025-2-18-28; EDN: IFHJAL.
2. Voronina N. A. New forms of protection of rights of migrant workers: organized recruitment. *Voprosy politologii*, 2020: 10: 9(61): 2724–2732 (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2020.61.9.009; EDN: DIDDCM.
3. Gorbachev O. V. Organizovannaya migraciya iz sela Central'nogo CHernozem'ya vo vtoroj polovine 1940-h – 1960-e gody [Organized migration from the village of the Central Black Earth Region in the second half of the 1940s – 1960s]. *Voprosy istorii*, 2003: 2: 138–148 (in Russ.).
4. Denisenko M. B., Mukomel V. I. Foreign workers in Russia: employers' opinions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 1: 26–37 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250021528-3; EDN: RQYWEG.
5. Komarovskiy V. V. Organised recruitment of labour migrants and factors influencing its development. Socio-Labour Research. *Socialno-trudovye issledovaniya*, 2023: 4(53): 70–80 (in Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-70-80; EDN: PCMUHZ.
6. Ledeneva V. Yu. Sistema organizovannogo nabora migrantov kak adaptacionnyj mekhanizm [The system of organized recruitment of migrants as an adaptation mechanism]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2014: 4(90): 47–51 (in Russ.).
7. Lisicyn P. P. Main and additional participants of the second stage of the migration process: channels of communication. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, 2017: 10: 1: 54–70 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.104; EDN: ZDAXRB.
8. Mahmadullozoda N. R. Some problems in the legal regulation of the activities of private employment agencies for the recruitment and employment of migrant workers. *Gosudarstvovedenie i prava cheloveka*, 2023: 2(30): 137–144 (in Russ.). EDN: BTEVGP.
9. Mukomel V. I. Memories of the Future: Migration Policy as a Mirror of Interethnic Relations and Problems of Demographic Development. *INAB. Mezhetnicheskie otnosheniya, identifikacionnye i integracionnye processy v period socialnyh transformacij*, 2024: 1: 4–18 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2024.1.1; EDN: DNLDKZ.
10. Mukomel V. I. Highly skilled migrants from Central Asian States at the Russian labor market. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2021: 9: 4(36): 186–204 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8614; EDN: ENAWUT.
11. Potapenkova I. V., Yarmonova E. N. On the issue of the formation of mechanisms for the organized recruitment of migrant workers in the Russian Federation. *Voprosy etnopolitiki*, 2019: 4: 31–39 (in Russ.). DOI: 10.28995/2658-7041-2019-4-31-39; EDN: ZJAAJV.

12. Surma I. V., Shangaraev R. N., Volkova A. A. About organized set labor migrants: concept and practice in the conditions of globalization. *Globalnaya ekonomika i obrazovanie*, 2021: 1: 1: 11–18 (in Russ.). EDN: WJTHAW.
13. Beduschi A. International migration management in the age of artificial intelligence. *International migration management*, 2021: 9(3): 576–596. DOI: 10.1093/migration/mnaa003.
14. Fiona B. A., Tsourapas G. The Migration State in the Global South: Nationalizing, Developmental, and Neoliberal Models of Migration Management. *International Migration Review*, 2019: 54(3): 853–882. DOI: 10.1177/0197918319879057.
15. Forrest T. M., Brown L. A. Organization Led Migration, Individual Choice, and Refugee Resettlement in The U.S.: Seeking Regularities. *Geographical Review*, 2014: 104(1): 10–32. DOI: 10.1111/j.1931-0846.2014.12002.
16. Geiger M., Pecoud A. The Politics of International Migration Management. London, Palgrave MacMillan, 2010. 326 p.
17. Hollifield J. F. The Emerging Migration State. *International Migration Review*, 2004: 38: 3: 885–912. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00223.x.
18. Understanding global migration. Ed. by J. F. Hollifield, N. Foley. Stanford University Press, 2023: 520. Accessed 20.03.2026. URL: <https://www.sup.org/books/politics/understanding-global-migration/excerpt/introduction-excerpt>.

The article was submitted on: March 21, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.9
EDN: MLMLVJ

Миграционная ситуация в Чукотском автономном округе в оценках студенческой молодежи

Ссылка для цитирования: Коломиец О. П. Миграционная ситуация в Чукотском автономном округе в оценках студенческой молодежи // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 155–168. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.9; EDN: MLMLVJ.

For citation: Kolomiets O. P. Local students' assessments of migration in Chukotka Autonomous Okrug. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 155–168. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.9; EDN: MLMLVJ.

**Коломиец
Оксана Петровна¹**

¹Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН, Анадырь, Россия

okkolo@mail.ru

SPIN-код: 2916-0811

Аннотация. В статье обсуждается современное состояние миграционных процессов в Чукотском автономном округе (ЧАО) и их восприятие глазами местной учащейся молодежи. В ее основу легли материалы анкетного опроса студентов Чукотского многопрофильного колледжа ($n = 150$), проводившегося в конце 2025 г. Опрошенные отметили заметное усиление миграционного притока в последние один-два года, что, как им кажется, связано с обострением кадрового голода в строительной отрасли, здравоохранении и сфере обслуживания. Изменилась за этот период, по их мнению, и география мест исхода: выросла доля прибывших из республик Северного Кавказа, Бурятии, Калмыкии, а также государств Средней Азии. Учащиеся колледжа демонстрируют преимущественно сдержанно-нейтральное отношение к трудовым мигрантам. Те, кто испытывает неприязнь к ним, составляют примерно шестую часть опрошенных. Примечательно, что свою позицию они объясняют не экономическими, а социальными и культурными причинами – нарушением приезжими общественного порядка и демонстрацией непривычного и/или неподобающего поведения в публичном пространстве. Каждый пятый молодой человек считает возможным возникновение в ближайшее время конфликтов, при этом затруднились с прогнозом 39%, что свидетельствует о высокой неопределенности в оценке будущего развития межнациональной ситуации в регионе. Учащаяся молодежь Чукотского автономного округа (ЧАО) в целом поддерживает ужесточение миграционных правил (введение устного экзамена по русскому, тестирование детей мигрантов), но при этом не отвергает и интеграционные шаги – бесплатные языковые курсы, подготовительные классы. В информационном пространстве Чукотки

отсутствует единая позиция касательно мигрантов. Традиционные медиа высказываются сдержанно и нейтрально, тогда как в соцсетях и на интернет-площадках, которыми пользуется молодежь, пусть нечасто, но все же встречаются критические и негативные материалы, посвященные приезжим. Опрошенные студенты колледжа склонны различать приезжих в зависимости от места, из которого они прибыли: с других регионов РФ, Северного Кавказа, других государств – и оценивают их через призму поведенческих и языковых особенностей, что подтверждает роль культурной дистанции в формировании межэтнической напряженности. На основе полученных результатов были сформулированы предложения по созданию региональной инфраструктуры тестирования приезжих (центр в Анадыре), развитию адаптационных программ, бесплатных курсов русского языка для детей мигрантов, разработке информационной стратегии с упором на позитивные примеры, а также по привлечению квалифицированных кадров из других регионов РФ.

Ключевые слова: Чукотский автономный округ, миграция, учащаяся молодежь, межэтнические отношения, факторы межэтнической напряженности, миграционное регулирование

Введение

Значительную долю населения Чукотского автономного округа (ЧАО), расположенного в арктической зоне на северо-востоке РФ, составляют выходцы из других частей страны. В силу данного обстоятельства вопросы миграционного регулирования и межэтнического группового взаимодействия приобретают в регионе особенное значение и критически важны для обеспечения в нем социальной стабильности.

Текущая демографическая и миграционная ситуация на Чукотке. По состоянию на конец 2024 г. в ЧАО проживало 47,9 тыс. чел., что на 7,4 тыс. чел. меньше, чем было в 2002 г. [1, с. 256–259]. Самой многочисленной этнической группой являются русские – 25,5 тыс. чел. На втором месте находятся коренные малочисленные народы Чукотки (КМНЧ), составляющие чуть более трети населения округа, – 17 тыс. чел. (из них 13,2 тыс. чел. – это чукчи, а 3,8 тыс. – эскимосы, эвены, чуванцы, коряки, юкагиры и кереки). Примечательно, что за последние десятилетия их доля увеличилась – с 31% в 2002 г. до 35,8% в 2020 г. согласно результатам переписей [5, с. 130–131]. Третье место по численности занимают украинцы – 1,5 тыс. чел.¹

Чукотка, как и другие арктические регионы России, отличается высокой долей молодого населения. В начале 2010-х гг. средний возраст ее жителей составлял около 33 лет, а доля лиц старше трудоспособного возраста была одной из самых низких в России. Однако с середины 2010-х гг. наметился устойчивый тренд демографического старения, который постепенно меняет возрастную структуру ЧАО, приближая ее к общероссийским

¹ Численность и состав населения. Оценка численности населения Чукотского автономного округа на 1 января 2025 года по муниципальным образованиям // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 18.12.2025).

показателям. К 2020 г. средний возраст жителей Чукотки увеличился до 35,6 лет, а медианный – до 36,4 года (для сравнения: в 2010 г. средний возраст равнялся 33,4 годам, в 2002 г. – 32,2 годам)¹. На начало 2024 г. средний возраст населения Чукотки составил уже 36,1 лет².

Основные причины старения населения региона связаны со снижением его экономической привлекательности. Постоянный миграционный отток молодежи, уезжающей на учебу и/или работу «на материк», не компенсируется ее возвращением или притоком новых кадров (см., напр.: [3; 9]). Одновременно с этим продолжается снижение рождаемости и растет число пожилых людей, остающихся жить в округе из-за высоких северных пенсий и/или отсутствия возможности уехать. Также набирает популярность вахтовый метод, в связи с чем новые проекты не привлекают семьи на постоянное жительство в ЧАО и, как следствие, ограничивают приток детей и молодежи на Чукотку.

На начало 2024 г. доля жителей трудоспособного возраста составляла 65% всего населения ЧАО, а значит, демографическая нагрузка в регионе равнялась 540 нетрудоспособных на 1 тыс. трудоспособных³. Это значение ниже среднероссийского (756), что обусловлено положительным естественным приростом (18 чел. в 2022 г., 39 чел. в 2023 г.)⁴, который, однако, «съедается» миграционным оттоком молодежи, не успевающей пополнить трудоспособное население.

С 2018 по 2024 г. в ЧАО наблюдалось снижение рождаемости. Число женщин 15–49 лет за 2012–2024 гг. сократилось с 14 до 12,4 тыс. чел. Суммарный коэффициент рождаемости, хотя и превышает текущие средние значения по РФ (1,4), тоже снизился: с 1,943 детей на одну женщину в 2018 г. до 1,680 в 2023 г.⁵, как и коэффициент рождаемости – с 10,9 на 1 тыс. населения в 2023 г. до 10,7 в 2024 г. В 2024 г. на Чукотке родилось 515 чел., умерло 493 чел. (в том числе детей до 1 года – 13 чел.), таким образом, прирост населения составил всего 22 чел⁶.

¹ Чукотский автономный округ: итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095> (дата обращения: 01.04.2025); Всероссийская перепись населения 2010 года: итоги // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/34886> (дата обращения: 15.08.2026); Всероссийская перепись населения 2002 года: итоги // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/34870> (дата обращения: 15.08.2026).

² Средний возраст населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2024 г. // Statprivat. URL: <https://statprivat.ru/demo2020?r=10> (дата обращения: 15.08.2026).

³ О возрастном-половом составе населения Чукотского автономного округа // Хабаровскстат. 2024. 2 сентября. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/news/document/243856> (дата обращения: 16.06.2026).

⁴ Естественное движение населения. Родившиеся, умершие и естественный прирост населения // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 16.06.2026).

⁵ Суммарный коэффициент рождаемости // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 16.06.2026).

⁶ Демографические показатели январь–декабрь 2024 г. // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%>

Коэффициент смертности в ЧАО в 2023–2024 гг. сохранялся на уровне 10,1–10,2 на 1 тыс. населения. По последним на сегодняшний день данным в 2023 г. ЧАО занимало первое место в России по смертности трудоспособного населения (1009,7 случая на 100 тыс. чел.) и младенческой смертности (19,1 на 1 тыс. новорожденных; для сравнения: в среднем по РФ – 4,2)¹, а также последнее по ожидаемой продолжительности жизни – 66,2 года в 2022 г., 66,6 года – в 2023 г. [11, с. 167–168].

Соотношение городского и сельского населения Чукотки составляет примерно 7:3, (33,3 против 14,5 тыс. чел.). Хотя подавляющее большинство представителей коренного населения ЧАО (до 90–95%) по-прежнему продолжает проживать в национальных селах, масштабы их оттока в поселки городского типа и города округа (особенно в Анадырь), а также в другие регионы России год от года растут. Основные причины этого: нехватка рабочих мест в селах, низкие зарплаты, изолированность, нежелание молодежи работать в традиционных отраслях и низкое качество жизни (см., напр.: [2; 6; 8]).

По итогам 2024 г. в округе наблюдался отрицательный миграционный прирост – -242 чел. Внутрорегиональная миграция составила -324 чел., тогда как международная – +82 чел. При этом со странами СНГ (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Республика Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина) была миграционная убыль (-14 чел.), с другими зарубежными странами (Австралия, Германия, Грузия, Индия, Италия, Канада, Китай, США, Турция, Япония и др. страны) – прирост 96 чел. По состоянию на 1 января 2025 г. в округе на миграционном учете состояли 1538 иностранных граждан².

Как видим, текущая демографическая ситуация в ЧАО характеризуется парадоксальным сочетанием положительного естественного прироста с отрицательным общим приростом населения, что объясняется значительными миграционными потерями. Именно наличие миграционного оттока, превышающего естественный прирост, привело к отмеченному в самом начале статьи снижению среднегодовой численности населения Чукотки за минувшую четверть века.

Одним из самых заметных последствий миграционного оттока стала острая нехватка специалистов в различных сферах производства и услуг. Для изменения негативной тенденции и привлечения квалифицирован-

[BF%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D0%A7%D0%90%D0%9E%20%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C%202024.pdf](#) (дата обращения: 16.06.2026); Оперативная информация. О естественном движении населения Чукотского автономного округа за январь–декабрь 2024 г. // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 16.06.2026).

¹ Статистический ежегодник. Чукотский автономный округ. 2025: Стат. сб. / Хабаровскстат. Хабаровск, 2025. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66945> (дата обращения: 16.06.2026).

² Миграция населения. Общие итоги миграции населения // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 08.04.2025); Сибириакова А. Как не получить «волчий билет» // Крайний Север. 2025. 17 января. № 2 (2475). С. 27.

ных специалистов в ЧАО реализуются целевые федеральные программы, такие как «Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский учитель», «Земский работник культуры» и др. Россияне, готовые переехать в регион и проработать в нем не менее 5 лет, получают единовременные выплаты и другие преференции.

В свою очередь местные работодатели активно привлекают иностранных трудовых мигрантов. Так, в 2025 г. в регионе насчитывалось 3259 приезжих из ближнего и дальнего зарубежья, занятых по большей части в сфере строительства (2323 чел.) и добычи полезных ископаемых (392 чел.)¹. Около двух третей из них составили граждане Китая, привлеченные для возведения горно-обогатительного комбината на Баимском месторождении. Учитывая темпы развития в регионе добывающей промышленности, потребность в притоке рабочей силы в обозримом будущем будет только расти.

Отношение учащейся молодежи Чукотки к трудовым мигрантам. ЧАО всегда отличался высокой миграционной подвижностью. Заметная доля его жителей, как уже было сказано выше, являются выходцами из других регионов страны или их потомками, поэтому само по себе присутствие приезжих никогда не воспринималось здесь как нечто исключительное. Местное сообщество привыкло к тому, что население округа периодически обновляется. До недавнего времени это считалось нормой. Однако, согласно результатам проведенных в последние годы опросов по проблемам внутренней и внешней миграции, а также миграционным настроениям различных групп населения, включая молодежь [7; 10; 4, с. 2261–2265], картина постепенно меняется.

На фоне неснижающейся потребности округа в притоке рабочей силы извне в настроениях его жителей начинает проследиваться растущая настороженность к трудовым мигрантам, прежде всего иностранным. Примечательно, что в качестве причин этой настороженности экономические практически не называются. Вместо них на первый план выходят социальные и культурные: непривычное или неподобающее поведение мигрантов в общественных местах, несоблюдение ими принятых норм порядка, языковые и культурные различия. Говоря другими словами, недовольство жителей вызвано не борьбой за рабочие места, а столкновением несходных укладов жизни. Дополнительно ситуация усугубляется тем, что в округе не выстроена система интеграции инокультурных и инопозычных приезжих: отсутствуют центры тестирования по русскому языку, мало адаптационных программ, языковые курсы по большей части недоступны.

В настоящий момент открытых межэтнических конфликтов в ЧАО не наблюдается. Местные СМИ, обсуждая тему мигрантов, стараются держать нейтральный тон, однако в региональном сегменте социальных сетей и на городских интернет-площадках чукотской столицы Анадыря нега-

¹ Информационно-аналитическая справка о деятельности полиции в Чукотском автономном округе за 2025 год. Анадырь: УМВД России по Чукотскому автономному округу, 2025. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/17131989> (дата обращения: 11.06.2026). С. 5.

тивные высказывания о приезжих постепенно перестают быть редкостью. В регионе, где большинство населения так или иначе имеет миграционный опыт, все отчетливее проводится граница между «своими» и «чужими».

Указанные обстоятельства ставят перед учеными ЧАО задачу выяснить, какие именно факторы сильнее всего влияют на восприятие мигрантов молодым поколением жителей региона и какие меры могли бы сдержать потенциально накапливающееся в их среде недовольство. С этой целью нами был проведен анкетный опрос учащихся ГАПОУ ЧАО «Чукотский многопрофильный колледж» (ЧМК) на предмет восприятия ими миграционной ситуации в регионе, выявления признаков межэтнической напряженности и оценки эффективности действующих мер миграционного регулирования.

Эмпирическая база исследования

Исследование проводилось в декабре 2025 г. с использованием методики Распределительного научного центра межнациональных и религиозных проблем ИЭА РАН, разработанной для изучения миграционной ситуации в регионах РФ [1, с. 6–7]. Предложенная для заполнения анкета включала 40 вопроса: 7 открытых и 33 комбинированных с возможностью указания своего варианта ответа.

Выбор Чукотского многопрофильного колледжа в качестве места проведения опроса был неслучаен. Это учебное заведение является главным центром притяжения внутренней молодежной миграции, включая представителей разных коренных народов, и играет заметную роль в формировании кадрового резерва региона. На конец 2025 г. в нем обучалось 488 чел. (425 очно, 63 заочно), большинство из которых составляли представители КМНЧ – 314 чел.

Всего в опросе приняло участие 150 чел., обучающихся как на естественно-научных и инженерно-технических специальностях (автодело, информатика, медицина, сестринское дело), так и на гуманитарных (педагогика, социальная работа). По полу анкетированные распределились примерно поровну: 51% – юноши, 49% – девушки. Подавляющее большинство входило в возрастную группу от 18 до 22 лет (90%) и проживало в ЧАО более десяти лет (92%), т. е. либо принадлежало к числу коренных жителей, либо переехало в округ в детском или раннем подростковом возрасте. Среди опрошенных присутствовали русские, чукчи, эскимосы, эвены и представители других этнических групп; 45% отнесли себя к КМНЧ, каждый пятый назвал вторую национальность. Большинство (78%) не указало свою религиозную принадлежность; среди тех, кто указал, преобладали христиане (15%), 3% являлись последователями язычества и еще 3% – неверующие. У 85% родной язык один: русский, чукотский, эскимосский, украинский, тувинский или эвенкийский; шестая часть опрошенных оказалась билингвами.

Результаты исследования

Оценка потребности ЧАО в мигрантах и динамики миграционных потоков. По мнению большинства опрошенных, за последние год-два наблюдался рост числа приезжих как из других регионов России (60%), так и из-за рубежа (26%); только 5% посчитали, что таковых стало меньше. Приведенные оценки отражают субъективное восприятие ситуации учащимися, на которое влияют заметность «видимых других» в публичных пространствах, освещение темы миграции в СМИ, личный опыт общения с приезжими. Поэтому не стоит удивляться, что эти оценки расходятся с официальной статистикой, фиксирующей, напротив, убыль из округа внутренних мигрантов и мигрантов из стран СНГ при одновременном приросте мигрантов из дальнего зарубежья, прежде всего из Китая (+121 чел.)¹. Основная масса последних трудоустроена в округе за пределами г. Анадыря, так что учащиеся вряд ли могли их заметить.

Несмотря на официальную политику, взявшую курс на ужесточение миграционного законодательства, молодые люди считают, что в ряде отраслей региональной экономики без приезжих работников не обойтись. Наиболее острая потребность в них ощущается в строительстве (52%), медицине (почти 19%), сфере услуг, ЖКХ и транспорте (более 17%), образовании и воспитании (почти 15%), торговле (15%), оказании частных услуг, таких как уборка, уход за детьми, больными, пожилыми и т. п. (более 17%). Лишь 13% уверены, что острой потребности в мигрантах на Чукотке нет.

Восприятие различных категорий мигрантов. Наиболее позитивное отношение респонденты демонстрируют к приезжим соотечественникам (44%), студентам из других регионов (43%) и иностранным студентам (30%). Стоит отметить, что последнее базируется не на личном опыте, поскольку уже более трех лет в Чукотском многопрофильном колледже нет ни одного студента-иностранца, тогда как раньше ежегодно поступали 2–3 гражданина Таджикистана, Узбекистана и/или Украины.

Отношение учащихся колледжа к иностранным трудовым мигрантам можно в целом охарактеризовать как сдержанно-нейтральное. Положительно их воспринимают 23% опрошенных, нейтрально – 46%, а отрицательно – 9%, что в 2–4 раза превышает долю отрицательно относящихся к другим категориям приезжих.

Показательным является высокий процент затруднившихся ответить на вопрос о своем отношении к мигрантам – от 16% до 21% по всем категориям. Это может свидетельствовать о том, что тема миграции не является для учащейся молодежи актуализированной, простой и/или однозначной.

Коренные жители Чукотки и приезжие делятся в сознании опрошенных на несколько условных групп, отношение к которым у них разнится. Однозначно «своими» молодежь считает представителей КМНЧ (чукчей,

¹ Оперативная информация. Международная миграция населения Чукотского автономного округа за 2024 год // Хабаровскстат. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 15.08.2026).

эскимосов, эвенов и др.) и уроженцев округа некоренного происхождения (русских, украинцев и людей иных национальностей, родившихся здесь). К русским переселенцам из других регионов РФ, приезжающим по контракту для работы в сферах медицины, образования и строительства, молодые жители относятся нейтрально или положительно, их приток воспринимается как норма. В отличие от них, российские граждане иных, нерусских, национальностей, являющиеся выходцами с Северного Кавказа, из Бурятии, Калмыкии, Тувы, вызывают у некоторой части молодого поколения местных жителей настороженность, которая обусловлена не столько экономическими (конкуренцией за рабочие места), сколько культурными (различиями в поведении и языке) причинами. Еще большую настороженность, граничащую с неприязнью, вызывают у чукотской молодежи иностранные рабочие из Средней Азии и Китая. Последнее, правда, нуждается в одной существенной оговорке: настороженное отношение молодые люди демонстрируют в первую очередь к нерусским выходцам из стран СНГ, тогда как русских мигрантов из ближнего зарубежья они, напротив, склонны воспринимать положительно, и в их сознании те ничем не отличаются от русских из других регионов России. В то же время нерусские граждане РФ, например прибывшие с Кавказа, нередко подсознательно объединяются в одну группу с узбеками, таджиками и другими коренными уроженцами Средней Азии. Данное обстоятельство служит еще одним подтверждением того, что источником потенциальной межэтнической напряженности в ЧАО является культурная дистанция, а не этническая или гражданская принадлежность.

Факторы неприязни. Более 43% заявили, что никто из приезжих не вызывает у них неприязни. Это важный индикатор, указывающий на отсутствие массовой ксенофобии в молодежной среде региона. Сопоставимая по размеру доля – более 41% – затруднилась с ответом.

Среди тех, кто все-таки испытывает неприязнь, 13% испытывают ее к приезжим из других государств, а 5% – к соотечественникам из определенных российских регионов. В качестве конкретных объектов неприязни в открытых комментариях к вопросу чаще всего указывались: «Дагестан», «Чечня», «Кавказские республики», «тувинцы», «буряты», «Таджикистан», «Узбекистан», «Средняя Азия», «Казахстан», «страны постсоветского пространства». Говоря о причинах своего негативного отношения, опрошенные называли: 1) нарушение общественного порядка и принятых в обществе норм (35%), а также непривычное или неподобающее поведение в общественных местах (35%); 2) экономическую конкуренцию (24%); 3) культурно-религиозные (15%) и языковые (14%) различия.

Последние хоть и не являются доминирующей причиной неприязни, тем не менее оказываются самыми заметным и очевидным индикатором инаковости приезжих: более 41% признались, что обращают внимание на разницу в языке, 39% – на разницу в поведении, 28 и 23% соответственно – на отличия в культуре и религии.

Чаще всего на места, где мигранты особенно заметны, опрошенные реагируют нейтрально (42%). Тех, кто реагирует положительно или отрицательно, оказалось поровну – по 12%. Также почти поровну оказалось

тех, кто считает, что преимущественным носителем неприязни к приезжим является молодежь (более 27%) либо старшее поколение (25%). Оставшаяся без малого половина участников анкетирования выбрала вариант «таких местных жителей нет» или же затруднилась с ответом (и тех, и других набралось примерно поровну). Существенная доля не ответивших говорит об отсутствии у молодых людей определенного, сформированного мнения по данному вопросу.

За предшествующий опросу год подавляющее большинство либо не сталкивалось со случаями конфликтов между местными и приезжими (46%), либо затруднилось дать определенный ответ (43%), и только 11% подтвердили, что такие конфликты происходили. Еще меньше учащихся сообщило, что имели место быть конфликты между самими приезжими – 8%. Большая же часть учащихся колледжа либо отрицали наличие таковых (43%), либо вообще ничего не могли сказать по этому поводу (49%).

Касательно возможных конфликтов между местными жителями и приезжими в ближайшие месяцы или год 39% не сумели дать какой-либо определенный ответ, более трети заявили, что такие конфликты потенциально возможны, а чуть менее четверти, напротив, что невозможны. Текущие отношения между местной молодежью и иностранными трудовыми мигрантами свыше половины (58%) оценили как стабильно спокойные или в основном спокойные и только 11% – как напряженные.

Оценка мер миграционного регулирования. Без малого три четверти опрошенных поддерживают языковые требования, предъявляемые к мигрантам: 42% считают хорошее знание русского языка обязательным для всех иностранных работников, еще 32% выступают за дифференцированный подход, полагая такое требование обязательным только для выполняющим определенные виды трудовой деятельности. Свыше половины (57%) согласились с тем, что тестирование по русскому языку для детей мигрантов при поступлении в школу является очень важной мерой для ЧАО, 15% оценили ее как не очень важную, а 27% затруднились с ответом.

За создание в школах подготовительных классов и кружков русского языка для детей иностранных мигрантов на безвозмездной основе высказались 54% учащихся колледжа. Каждый пятый, напротив, предлагает реализовывать подобные инициативы лишь на платной основе. Доля противников такой меры невелика – всего 9%. По вопросу о предоставлении бесплатной медицинской помощи иностранным гражданам, проработавшим в России не менее 5 лет, мнения молодых людей разделились: 36% считают эту меру очень важной, 29% – не очень важной, 33% затруднились с ответом.

Отношение населения к миграционной политике. Почти каждый третий (36%) учащийся колледжа видит в присутствии иностранных трудовых мигрантов личную пользу, примерно четверть придерживается противоположной точки зрения, а 42% затруднились дать какую-либо оценку. Более трети опрошенных признались, что никогда не вступают в контакт с иностранными трудовыми мигрантами и еще треть делают это очень редко. Таким образом, суммарно свыше 60% молодых людей прак-

тически не имеют опыта личных контактов с иностранными работниками в повседневной жизни. При этом подавляющее их большинство демонстрирует лояльное или нейтральное отношение к совместному обучению с детьми иностранных трудовых мигрантов: 30% относятся к этому положительно, 43% – нейтрально. Явно негативную позицию занимает лишь каждый одиннадцатый опрошенный.

Основная часть участников опроса (63%) отметила, что у их ближайшего окружения нет каких-либо опасений, связанных с мигрантами. Среди тех, кто все же испытывает тревогу (8%), доминируют опасения, связанные с угрозой безопасности и возможными конфликтами. Значительная часть учащихся (42%) заявила, что не будет поддерживать пикеты и протесты против иностранных трудовых мигрантов, еще 39% не смогли ответить на этот вопрос. О готовности поддержать такие акции напрямую или в социальных сетях сообщила лишь шестая часть опрошенных. Большинство (58%) затруднилось сформулировать конкретные предложения по миграционному регулированию. Каждый третий считает, что специальные меры не требуются. И только около 9% высказались за введение конкретных мер, среди которых назывались в основном меры ограничительного характера: «депортация, никого не впускать», «уменьшить количество мигрантов», «контроль мигрантов», «закрыть въезд».

Образ мигрантов в СМИ. Большинство (43%) полагает, что в социальных сетях и на интернет-площадках преобладает нейтральная позиция относительно мигрантов. Каждый пятый видит в сети преимущественно критическое отношение к ним, а около 9%, наоборот, считают, что в интернете формируется положительный образ приезжих. Аналогичным образом распределились и мнения по поводу того, как традиционные медиа освещают тему мигрантов: 40% – без выраженной положительной или отрицательной оценки, каждый пятый – создают в основном негативный образ, 8% – формируют положительный образ.

Заключение

ЧАО относится к числу территорий с исторически высокой миграционной подвижностью. Значительная часть его нынешнего населения является выходцами из других регионов РФ, что способствует формированию нейтрального или позитивного отношения к мигрантам при условии соблюдения теми правовых и поведенческих норм. Основная потребность округа в иностранной рабочей силе фиксируется в строительстве, здравоохранении, сфере услуг и ЖКХ, при этом наблюдается дефицит как высококвалифицированных, так и неквалифицированных кадров. Участники опроса отметили усиление в последние два года миграционного притока и возникновение новых культурно-религиозных маркеров в публичном пространстве, как то: ношение традиционной одежды выходцами из Средней Азии и с Кавказа, появление на прилавках халяльных продуктов, незнакомая речь и иные непривычные поведенческие проявления.

Риск конфликтов между местным населением и мигрантами, по мнению большинства опрошенных, маловероятен, но те, кто не отрицают потенциальной возможности таковых, связывают их не с экономической конкуренцией или этнической принадлежностью приезжих, а с культурной дистанцией и нарушением общественного порядка. Молодежь в целом поддерживает ужесточение норм миграционного законодательства (введение устного экзамена по русскому языку, контроль законности пребывания детей, языковое тестирование для поступающих в школы) и вместе с тем выступает за реализацию интеграционных мер, которые позволили бы мигрантам быстрее и успешнее адаптироваться к новому месту пребывания (организацию бесплатных курсов русского языка и подготовительных языковых классы для детей мигрантов).

Информационное поле региона характеризуется отсутствием единой повестки. Традиционные СМИ и официальные региональные интернет-ресурсы занимают в целом нейтральную позицию, тем не менее примерно пятая часть опрошенных сообщила, что соцсети и некоторые интернет-площадки, согласно их наблюдениям, подчас транслируют негативный образ мигрантов. При отсутствии у большинства местных молодых людей личного опыта взаимодействия с приезжими внешняя информационная среда становится основным источником формирования отрицательного образа мигранта в глазах студенческой молодежи Чукотки. Учащиеся усваивают негативно окрашенные представления из сетевого дискурса, что отражается на их мнении и оценках. В этом отношении показателен перечень «объектов неприязни», которые называли опрошенные: Дагестан, Чечня, кавказские республики, Таджикистан, Узбекистан. Получившийся список воспроизводит типичные мишени общероссийского интернет-пространства и слабо отражает локальную специфику Чукотки, на территории которой упомянутые группы либо немногочисленны, либо сосредоточены в удаленных от регионального центра производственных локациях.

Обращает на себя внимание высокая доля затруднившихся с ответами по большинству вопросов анкеты. Это может свидетельствовать как о неактуальности проблемы мигрантов для молодых жителей региона, так и о несформированности у них собственной позиции, которая опиралась бы на личный опыт. Демонстрируемые молодежью суждения во многом ситуативны и, что нельзя исключать, являются продуктом влияния внешних стереотипов.

До некоторой степени исправить ситуацию могло бы создание в округе системы доступных курсов русского языка, жилищной инфраструктуры и центров тестирования для получения РВП, ВНЖ и гражданства (ближайший находится в Хабаровске). Это способствовало бы преодолению институциональных барьеров, с которыми неизбежно сталкиваются трудовые мигранты в процессе легализации. Кроме того, развитая жилищная инфраструктура повысила бы привлекательность Чукотки и для специалистов из других регионов России.

Дальнейшие исследования могли бы прояснить механизмы разделения на «своих» и «чужих», действующие в арктических сообществах, где мобильность сочетается с изоляцией. Отдельного внимания требует

языковой фактор и поколенческие различия, поскольку современная чукотская молодежь, как было показано, пока не имеет собственных четких оценок. Эти вопросы особенно важны в условиях поворота России на Восток и роста значения Арктики. Будучи самой восточной из арктических территорий РФ, Чукотка сегодня оказывается на пересечении миграционных и экономических интересов Азиатско-Тихоокеанского региона, что делает задачу поддержания благоприятной межэтнической ситуации в ней весьма значимой. Без этого обеспечить социальную стабильность в регионе будет невозможно.

Библиографический список

1. Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток / Отв. ред. Т. Б. Смирнова, А. Н. Блинова. Омск: Наука, 2025. 290 с. DOI: 10.70201/978-5-98806-379-7; EDN: HIDSSI.
2. Бреславский А. С. «Нерентабельная» урбанизация: трансформация сети городских поселений Чукотки в конце 1980-х–2010-х гг. // Вестник БНЦ СО РАН. 2022. № 4(48). С. 53–60. DOI: 10.31554/2222-9175-2022-48-53-60; EDN: YRJNAK.
3. Васильева О. В. О миграционных интенциях населения Северо-Востока России в контексте проблемы региональной и этнической идентичности // Respublica Literaria. 2025. Т. 6. № 3. С. 81–96. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.81-96; EDN: CVREYU.
4. Коломиец О. П. Проблемы миграции в Чукотском АО глазами студентов (по результатам опроса студентов) // Омские научные чтения – 2020. Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2020. С. 2261–2265. EDN: XCTXUU.
5. Коломиец О. П. Факторы изменений этнической структуры населения Чукотки // Вестник Омского ун-та. Исторические науки. 2025. Т. 12. № 3(47). С. 130–135. DOI: 10.24147/2312-1300.2025.12(3).130-135; EDN: XNFQWO.
6. Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / Отв. ред. В. В. Фаузер. М.: РОССПЭН, 2022. 215 с. EDN: MHEOII.
7. Смирнова Т. Б. Межнациональные отношения и поворот на Восток в оценках студентов университетов Азиатской России // Россия и АТР. 2026. № 1(131). С. 203–216. DOI: 10.24412/1026-8804-2026-1-203-216; EDN: YYRNTB.
8. Фавстрицкая О. С. Социально-демографические особенности развития регионов Крайнего Северо-Востока России // Регионалистика. 2025. Т. 12. № 5. С. 61–80. DOI: 10.14530/reg.2025.5.61; EDN: DOOAXX.
9. Чернышев К. А. Межрегиональные связи населения России: исследование на основе сведений о местах рождения мигрантов // Демографическое обозрение. 2026. Т. 13. № 1. С. 22–43. DOI: 10.17323/demreview.v13i1.33715; EDN: QVLLLY.

10. Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски / Отв. ред. Т. Б. Смирнова. Омск: КАН, 2021. 272 с. DOI: 10.52468/978-5-907526-00-6-2021-1-272; EDN: GMOGIU.

11. Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2025 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Часть 1. Аналитические материалы / Ред. В. А. Тишков, А. В. Черных. Пермь: Маматов, 2026. 264 с. EDN: GTSEGO.

Получено редакцией: 19.06.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коломиец Оксана Петровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.9

Local students' assessments of migration in Chukotka Autonomous Okrug

Oksana P. Kolomiets

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo FEB RAS, Anadyr, Russia

okkolo@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0027-7539

For citation: Kolomiets O. P. Local students' assessments of migration in Chukotka Autonomous Okrug. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 155–168. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.9; EDN: MLMLVJ.

Abstract. This article examines contemporary migration patterns in Chukotka Autonomous Okrug (CAO) and local students' perceptions of them. It draws on a questionnaire survey of students at Chukotka Multidisciplinary College ($n = 150$), conducted in late 2025. Respondents reported a marked increase in migration inflows over the preceding one to two years, which they attributed to worsening staff shortages in construction, healthcare, and the service sector. In their view, migrants' places of origin had also changed over this period: the proportions arriving from the North Caucasian republics, Buryatia, Kalmykia, and Central Asian states had increased. The students surveyed generally expressed reserved, neutral attitudes toward labor migrants. Approximately one-sixth of respondents expressed dislike of them. Notably, these respondents explained their views in social and cultural rather than economic terms, citing what they perceived as violations of public order and unfamiliar or inappropriate behavior by newcomers in public spaces. One in five respondents considered conflict possible in the near future, while 39% were unable to offer a prediction, indicating considerable uncertainty in assessments of how interethnic relations in the region might develop. The students surveyed generally supported stricter migration rules (the introduction of an oral Russian-language examination and testing for migrants' children), but did not reject integration measures such as free language courses and preparatory classes. Attitudes toward migrants are not uniform across Chukotka's media environment. Traditional media maintain a restrained, neutral tone, whereas social media and online platforms used by young people occasionally feature critical and negative content about newcomers. The college students surveyed tended to distinguish newcomers by their place of origin—other regions of the Russian Federation, the North Caucasus, or other countries—and assessed them through the lens of behavioral and linguistic characteristics, confirming the role of cultural distance in the emergence of interethnic tensions. On the basis of these findings, proposals were developed to establish a regional testing infrastructure for newcomers (a center in Anadyr), expand adaptation programs and free Russian-language courses for migrants' children, develop an information strategy emphasizing positive examples, and attract qualified personnel from other regions of the Russian Federation.

Keywords: Chukotka Autonomous Okrug, migration, students, interethnic relations, factors contributing to interethnic tensions, migration regulation

References

1. Asian Russia: Demography, Ethnic Composition of the Population, and Interethnic Relations in the Context of the Turn to the East. Ed. by T. B. Smirnova, A. N. Blinova. Omsk, Nauka, 2025: 290 (in Russ.). DOI: 10.70201/978-5-98806-379-7; EDN: HIDSSI.
2. Breslavsky A. S. “Unprofitable” urbanization: transformation of urban settlements’ network in Chukotka in the late 1980s–2010s. *Vestnik BNTs SO RAN*, 2022: 4(48): 53–60 (in Russ.). DOI: 10.31554/2222-9175-2022-48-53-60; EDN: YRJNAK.
3. Vasileva O. V. Concerning migration intentions of the population of the North-East Russia in the context of the problem of regional and ethnic Identity. *Respublica Literaria*, 2025: 6: 3: 81–96 (in Russ.). DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.81-96; EDN: CVREYU.
4. Kolomiets O. P. The problems of migration in the Chukotka autonomous okrug for students (on the results of the student survey). In Omsk scientific readings – 2020. Omsk, OmGU im. F. M. Dostoevskogo, 2020: 2261–2265 (in Russ.). EDN: XCTXUU.
5. Kolomiets O. P. Faktory izmeneniy etnicheskoy struktury naseleniya Chukotki. *Vestnik Omskogo un-ta. Istoricheskiye nauki*, 2025: 12: 3(47): 130–135 (in Russ.). DOI: 10.24147/2312-1300.2025.12(3).130-135; EDN: XNFQWO.
6. Rossiyskaya i Mirovaya Arktika: naseleniye, ekonomika, rasseleniye [Russian and world Arctic: population, economy, settlement]. Ed. by V. V. Fauzer. Moscow, ROSSPEN, 2022: 215 (in Russ.). EDN: MHEOII.
7. Smirnova T. B. Interethnic relations and the turn to the East in the assessments of university students in Asian Russia. *Rossiia i ATR*, 2026: 1(131): 203–216 (in Russ.). DOI: 10.24412/1026-8804-2026-1-203-216; EDN: YYRNTB.
8. Favstriskaya O. S. Socio-demographic features of the development of the regions of the Far North-East of Russia. *Regionalistika*, 2025: 12: 5: 61–80 (in Russ.). DOI: 10.14530/reg.2025.5.61; EDN: DOOAXX.
9. Chernyshev K. A. Interregional migrations ties in Russia: evidence from census place-of birth data. *Demograficheskoye obozreniye*, 2026: 13: 1: 22–43 (in Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v13i1.33715; EDN: QVLLLY.
10. Ethnodemographic processes and migrations in the regions of Asian Russia: current situation, forecasts, and risks. Ed. by T. B. Smirnova. Omsk, KAN, 2021: 272 (in Russ.). DOI: 10.52468/978-5-907526-00-6-2021-1-272; EDN: GMOGIU.
11. Ethnopolitical situation in the Russian Federation in 2025. Annual report of the Ethnological Monitoring and Conflict Early Warning Network. Part 1. Analytical materials. Ed. by V. A. Tishkov, A. V. Chernykh. Perm, Mamatov, 2026: 264 (in Russ.). EDN: GTSEGO.

The article was submitted on: June 19, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana P. Kolomiets, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of History and Economics

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.10

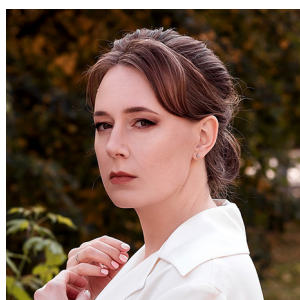
EDN: ABZIDU

О социальных последствиях цифровизации образования в России: преподаватели вузов о внедрении искусственного интеллекта (на материалах полевого исследования)

Ссылка для цитирования: Орешкина Т. А., Артюгин О. Ю. О социальных последствиях цифровизации образования в России: преподаватели о внедрении искусственного интеллекта (на материалах полевого исследования) // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 169–194. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.10; EDN: ABZIDU.

For citation: Oreshkina T. A., Artyugin O. Yu. The social consequences of digitalization in Russian education: University faculty perspectives on AI integration (evidence from field research). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 169–194. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.10; EDN: ABZIDU.

SPIN-код: 7039-1054

Орешкина Татьяна Анатольевна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

t.a.oreshkina@urfu.ru

SPIN-код: 8719-0792

Артюгин Олег Юрьевич^{1,2}

¹Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

²ПАО Сбербанк, Екатеринбург, Россия

oyartyugin@sberbank.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме внедрения искусственного интеллекта в образовательные практики российских вузов. Изучается отношение преподавателей к такому внедрению, формы принятия и сопротивления, складывающиеся в академической среде, и влияние, которое оно оказывает на представления о профессиональной деятельности преподавателя. Также демонстрируются источники рисков и социальные последствия ИИ-трансформации: профессиональное неравенство, депрофессионализация, дифференциация качества образования между вузами. Эмпирическую базу составили данные анкетного опроса научно-педагогических работников ($n = 298$, май–июнь 2025 г.) из 15 российских вузов, дополненные ответами входного контроля слушателей программы повышения квалификации ($n = 21$). Респонденты отбирались целенаправленно среди участников проектов цифровой трансформации. В ходе анализа было установлено, что информированность

о технологиях искусственного интеллекта не гарантирует их регулярного использования: лишь 50,6% применяют ИИ-инструменты в профессиональной деятельности, при этом готовность их использовать (2,93 балла) значительно превышает самооценку компетенций (2,33 балла). Личный опыт и субъективное доверие к технологиям формируются неравномерно, значительная доля опрошенных выбирает осторожную, селективную модель применения искусственного интеллекта. Полученные результаты демонстрируют амбивалентность восприятия: преподаватели видят в нем средство экономии времени и повышения интерактивности обучения, но вместе с тем и источник рисков снижения качества подготовки студентов, ослабления их критического мышления и трансформации роли преподавателя. Сравнение значимости препятствий позволяет заключить, что технические и ресурсные ограничения не являются главными барьерами; куда более значимую роль играют дефицит профессиональных компетенций, методические трудности и нормативно-ценностные опасения, связанные с качеством образования.

Опираясь на теории темпоральной неопределенности Г. Люббе и «логику сингулярности» А. Реквица, авторы показывают, что ускорение технологических изменений и алгоритмизация рутинных функций вступают в противоречие с бюрократизированной структурой педагогического труда. Консервация образовательных стандартов и ориентация на нормативные показатели препятствуют развитию уникальных компетенций преподавателей, трансформируя проблему интеграции искусственного интеллекта в конфликт между технологической эффективностью и академической субъектностью. Его внедрение изменяет границы рутинного труда, расширяет область автоматизируемых задач и порождает спрос на нестандартные когнитивные операции, к которым преподаватели не всегда готовы. Как следствие, внедрение ИИ в образовательные практики влечет за собой не только технические и методические изменения, но и пересмотр профессиональной роли педагога.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, научно-педагогические работники, доверие, профессиональная идентичность

Введение

Цифровизация образования представляет собой не только процесс технологического обновления, но и масштабную социальную трансформацию, затрагивающую институциональную организацию высшей школы, профессиональные практики и роли ее основных участников. Особое значение в этом процессе приобретает внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), которое сопровождается перераспределением профессиональных функций, изменением требований к компетенциям и трансформацией представлений о профессиональной автономии и ответственности преподавателя. ИИ становится фактором изменения сложившихся институциональных практик, однако социальные последствия его распространения не являются заранее заданными технологическими эффектами. Они формируются в процессе включения новых технологий в существующую систему профессиональных и организационных отношений и во многом зависят от того, каким образом сами преподаватели воспринимают, интерпретируют и адаптируют ИИ к своей профессиональной деятельности.

Темпы интеграции ИИ в высшее образование и исследовательскую практику нарастают. По свидетельству ЮНЕСКО, во многих университетах мира разрабатываются или уже действуют внутренние стандарты по применению ИИ, при этом отмечается проблема слабой управляемости данным процессом¹. Международные обзорные материалы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) связывают ускорение цифровизации с необходимостью поддержки профессии преподавателя и осмысленного управления реформами², а также подчеркивают, что эффекты генеративного ИИ для обучения зависят от педагогического дизайна и институциональных условий³.

Для российского контекста актуальность управления интеграцией технологий ИИ в высшее образование подтверждается отраслевыми обзорами. Аналитические материалы Сберуниверситета и АНО «Цифровая экономика» фиксируют ускорение внедрения ИИ в экономике и образовании и связанные с этим управленческие и кадровые вызовы⁴. В свою очередь отчет Яндекса указывает как на рост статистики использования больших генеративных моделей⁵ студентами и преподавателями, так и на эволюцию конкретных технических решений для внедрения ИИ в вузах⁶.

Важное значение имеет правовое регулирование технологий. Нормативное осмысление использования ИИ в высшей школе опирается на согласованный корпус международных правовых стандартов, задающих

¹ UNESCO Survey: Two-thirds of Higher Education Institutions Have or are Developing Guidance on AI Use // UNESCO. 2025. September, 2. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/unesco-survey-two-thirds-higher-education-institutions-have-or-are-developing-guidance-ai-use> (дата обращения: 18.04.2026).

² Education Policy Outlook 2024: Reshaping Teaching into a Thriving Profession from ABCs to AI // OECD. 2024. November, 25. URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-policy-outlook-2024_dd5140e4-en.html (дата обращения: 18.04.2026).

³ OECD Digital Education Outlook 2026: Exploring Effective Uses of Generative AI in Education // OECD. 2026. Januar, 19. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-education-outlook-2026_062a7394-en.html (дата обращения: 18.04.2026); The Potential Impact of Artificial Intelligence on Equity and Inclusion in Education: Working Paper // OECD. 2024. August, 14. URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-potential-impact-of-artificial-intelligence-on-equity-and-inclusion-in-education_15df715b-en.html (дата обращения: 18.04.2026).

⁴ Искусственный интеллект: Глобальные и образовательные тенденции, направления применения, 35 ИИ-сервисов // СберУниверситет. 2024. URL: <https://sberuniversity.ru/upload/iblock/9eb/8g9zq62hzajlcqqvv9o4gag45ztiym/iskusstvennyjintellekt.pdf> (дата обращения: 18.04.2026); Влияние ИИ на образование // Цифровая экономика. 2024. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Vliyanie_ii_na_obrazovanie_.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

⁵ «Большие генеративные модели – модели искусственного интеллекта, способные интерпретировать (предоставлять информацию на основании запросов, например об объектах на изображении или о проанализированном тексте) и создавать мультимодальные данные (тексты, изображения, видеоматериалы и тому подобное) на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их» (цит. по: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 02.09.2026).

⁶ Баранников К. А., Добрякова М. С. и др. Искусственный интеллект и высшее образование: возможности, практики и будущее // Яндекс. Образование. URL: <https://education.yandex.ru/aihighreport> (дата обращения: 09.02.2025).

правила и принципы внедрения генеративного искусственного интеллекта. На уровне Европейского союза ключевым референтом остаются «Этические принципы создания надежного ИИ» (*Ethics Guidelines for Trustworthy AI*) с требованиями, адресованными разработчикам и организациям, внедряющим ИИ, которые включают: человеческое участие и надзор, прозрачность и подотчетность, устойчивость и безопасность систем, справедливость и отсутствие дискриминации, приватность и управление данными¹.

Рекомендации по этике искусственного интеллекта ЮНЕСКО закрепляют взаимосвязь прав человека, достоинства, прозрачности и справедливости с идеей институционально обеспечиваемого человеческого надзора и широким перечнем направлений политики, включая образование и науку². Касательно применения генеративных моделей в сфере образования и науки принципиально важен отдельный документ ЮНЕСКО, который переводит общие этические установки в инструменты регулирования, защиты данных и организационных мер на уровне учебных и научных организаций³. Данный комплекс нормативных источников конституирует ожидания всех участников относительно прозрачности, ответственности и сохранения человеческой агентности, выступающих необходимыми условиями институциональной легитимации технологий ИИ в университетской среде.

В Российской Федерации внедрение технологий ИИ в образовательную и научную среду обусловлено общенациональными стратегическими приоритетами и регулируется действующими правовыми режимами, которые конкретизируются в локальных нормативных актах образовательных организаций. Несмотря на сохраняющуюся правовую неопределенность в отношении авторского права и субъектности генеративных моделей, существующее законодательство не создает препятствий для интеграции данных технологий в педагогическую и научно-исследовательскую практику⁴.

Правовое регулирование внедрения ИИ-инструментов выступает необходимым, но недостаточным условием их повсеместного освоения. На текущем этапе наблюдается выраженный диссонанс между перспективными возможностями и фактическим уровнем вовлеченности ака-

¹ Ethics Guidelines for Trustworthy AI // European Commission. 2019. April, 8. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 18.04.2026).

² Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. Paris, 2022. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 18.04.2026).

³ Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO Publishing, 2023. 100 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693> (дата обращения: 18.04.2026).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 18.04.2026); ГОСТ Р 71657-2024. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения // Сборник нормативных документов. URL: https://normadocs.ru/gost_r_71657-2024 (дата обращения: 18.04.2026).

демического персонала. Исследования выявили, что студенты используют большие генеративные модели активнее, чем преподаватели [1; 4]. Учащиеся вузов применяют ИИ-инструменты чаще и относятся к таким технологиям более позитивно, нежели представители профессорско-преподавательского состава. Последние же не используют инструменты с ИИ (по данным 2024 г.), потому что им не хватает на это времени (31%), у них отсутствуют потребности использовать (45%) и/или они не знакомы с ИИ-инструментами (43%) [3].

Качественные исследования [6] показывают, что в условиях интеграции больших языковых моделей (LLM) в образование преподаватели стремятся сохранить свой профессиональный статус. Они используют как публичные, так и «закулисные» практики, демонстрируя ключевые виды деятельности – от восприятия и структурирования информации до производства новых знаний, логических операций и символических манипуляций. Преподаватели намекают на свой скрытый когнитивный труд через цитирование первоисточников по памяти, нарочитое использование профессиональных жаргонизмов, подчеркивание сложности курса и тщательности подготовки к нему, указание на объем предварительного чтения, необходимость ежегодной актуализации материала, а также акцентирование личной интеллектуальной ответственности за предоставляемую интерпретацию или авторское видение. Подобные стратегии направлены на сохранение признаков уникальности когнитивных операций, которые традиционно считались прерогативой эксперта, но в современных условиях оказываются автоматизируемыми и теряют свой исключительный статус. На пути артикуляции новой ценности преподавательского труда возникает риторическая ловушка: как признание, так и отрицание использования ИИ в профессиональной деятельности влечет за собой репутационные издержки. С одной стороны, открытое признание существенного упрощения (или частичной замены) профессиональных функций чревато негласным обвинением в депрофессионализации; с другой – демонстрация ретроградных или технопессимистических позиций подрывает образ адаптивного специалиста, способного отвечать на вызовы цифровой эпохи [6].

У преподавателей внедрение технологий ИИ, в первую очередь генеративных моделей, в образовательный процесс сопровождается ожиданиями повышения эффективности последнего и одновременно опасениями за устойчивость академических норм. Качество подготовки, справедливость оценивания, эпистемический статус преподавателя, управляемость рисками ошибочных или предвзятых решений алгоритмов представляются в этих условиях весьма неустойчивыми. Внедрение ИИ, в особенности генеративных моделей, в высшее образование инициирует глубокую трансформацию профессиональной деятельности преподавателя вуза, затрагивающую не только инструментальный уровень (подготовка материалов, оценивание, администрирование), но и сущностные аспекты педагогической идентичности, эпистемического авторитета и этической ответственности. Зарубежные исследования показывают, что данная трансформация нелинейна и характеризуется напряжением между потенциалом повышения эффективности и рисками дегуманизации педагогического труда [15].

Делегирование отдельных задач системам ИИ возможно лишь при условии согласования его технологических возможностей с педагогическими ценностями, профессиональной ответственностью преподавателей и целями высшего образования, поэтому данный процесс актуален для социологического анализа [9].

Одним из факторов использования систем ИИ научно-педагогическими работниками вузов выступает доверие к результатам их работы. Мы предполагаем, что без доверия к корректности, прозрачности и этической приемлемости технологии ее формальное «осторожное неиспользование» становится рациональной стратегией даже при условии доступности сервисов.

Перечисленные выше источники, фиксирующие ситуацию профессиональной неопределенности для преподавателей при использовании ИИ в научно-образовательной деятельности, подтверждают актуальность изучения того, как академический персонал вузов адаптируются к сложившейся ситуации в сфере высшего образования. Научная проблема исследования заключается в противоречии между ускоряющимся включением технологий ИИ в повседневные образовательные практики и недостаточной институциональной и профессиональной определенностью относительно новых границ преподавательской деятельности, распределения интеллектуальных функций между человеком и технологией, а также нормативных оснований их взаимодействия.

С социологической точки зрения проблема состоит в том, что внедрение ИИ трансформирует сложившуюся систему профессиональных ролей и властных отношений в высшем образовании, однако новый институциональный порядок еще не сформирован. Преподаватели оказываются в ситуации, когда традиционные социальные нормы, основанные на экспертной монополии на знание, педагогической автономии и индивидуальном авторстве, уже подвергаются трансформации, но при этом новые нормы и модели профессиональной деятельности остаются предметом поиска и обсуждения, что может иметь далеко идущие социальные последствия. Распространение ИИ создает объективную необходимость перераспределения интеллектуальных и профессиональных функций между преподавателем и технологической системой [14]. Нас интересует, как сами преподаватели интерпретируют этот процесс: как автоматизацию, предполагающую замещение и потенциальное сокращение профессиональной субъектности, или как аугментацию, направленную на расширение профессиональных и когнитивных возможностей человека. Соответственно, цель нашего исследования – определить характер социальных установок преподавателей российских вузов в отношении внедрения технологий ИИ в образовательный процесс и выявить обуславливающие их факторы.

Социологический анализ позволит определить, как преподаватели российских университетов воспринимают ИИ-трансформацию образовательной деятельности, какие формы принятия и/или сопротивления формируются в академической среде и как это влияет на изменения представлений о профессиональной роли преподавателя. Отдельным задачей

является измерение доверия к системам ИИ, которое, как мы считаем, сказывается на формировании стратегий профессиональной адаптации преподавателей.

Обзор литературы и теоретические основы исследования

Под профессиональной деятельностью преподавателя мы понимаем институционально обусловленную систему педагогических, методических, организационных и экспертных задач, посредством которых он организует образовательный процесс, обеспечивает достижение образовательных результатов и реализует профессиональную ответственность за их качество. Такое авторское определение позволяет рассматривать профессиональную деятельность не как совокупность должностных функций, а как структуру распределения задач и профессиональных суждений. В условиях внедрения ИИ эта структура меняется: формализуемые и повторяющиеся операции могут передаваться технологическим системам, но при этом неизбежно возрастает значение функций контроля, интерпретации, критической оценки и принятия решений, требующих предметного знания и понимания контекста. Поэтому трансформация профессиональной деятельности преподавателя рассматривается нами прежде всего как смещение границ между автоматизируемыми и сохраняющимися за человеком задачами, которое сопровождается изменением требований к профессиональной автономии, экспертности и ответственности.

Ставшее уже классическим исследование Д. Отора, Ф. Леви и Р. Мернейна [8] продемонстрировало, каким образом экономические механизмы стимулируют замещение рутинных человеческих функций компьютерными алгоритмами. Авторы убедительно доказали, что компьютеризация радикально перестраивает содержание профессий, вытесняя из сферы человеческой компетенции задачи, которые можно автоматизировать, и одновременно усложняя для человека когнитивные задачи. В работе упомянутых авторов вскрывается глубокий пласт темпоральной неопределенности, порождаемой высоким темпом «апгрейда» профессиональных навыков, который только ускоряется под давлением технологического прогресса [8]. Если в XX в. сдвиги в содержании труда были растянуты на десятилетия, то в современных условиях скорость изменений сокращает горизонт планирования в профессиональной деятельности до нескольких лет. Немецкий социолог Г. Люббе показал, что ускорение научно-технического прогресса создает темпоральную неопределенность, которую общество компенсирует консервацией исторической культуры и толерантностью к плюральным формам знания [16; 17]. В свою очередь А. Реквиц диагностировал переход от логики универсального стандарта к логике сингулярности, где профессиональная идентичность преподавателя все в большей мере определяется способностью демонстрировать уникальные компетенции, а не соответствием стандартным критериям [20; 21]. Эта двойственность – необходимость одновременно адаптироваться к иннова-

циям и сохранять профессиональную идентичность создает структурное противоречие, которое необходимо учитывать при анализе доверия к ИИ в сфере образовании.

С позиций теории А. Реквица обсуждаемый в настоящей статье процесс можно интерпретировать как технологический драйвер перехода к «обществу сингулярностей»: по мере автоматизации рутинных аналитических и когнитивных задач, профессиональная идентичность преподавателя закономерно смещается в область тех компетенций, которые остаются «некомпьютеризируемыми» – взаимодействия, эмпатии, решения нестандартных, сложных когнитивных задач.

Разделение задач на «человеческие» и «машинные», а также сдвиг границы рутинного и нерутинного труда изучается нами с позиций STS (Science and Technology Studies)¹. Иными словами, эти границы признаются диффузными, подвижными, гибкими.

Согласно обзору Я.-В. Лэй и Р. Ким [14] распространение ИИ и робототехники приводит не к однозначному вытеснению человека из профессиональной деятельности, а к перераспределению задач между работником и технологической системой. Автоматизации прежде всего подвергаются формализуемые и поддающиеся пошаговому описанию операции, тогда как деятельность, требующая гибкости, физической ловкости, эмпатии, контекстного понимания, профессионального суждения и неявного знания, сохраняет зависимость от человеческого участия. При этом внедрение ИИ может иметь двойственный эффект: с одной стороны, оно освобождает специалиста от повторяющихся операций и усиливает его возможности, а с другой – создает новые обязанности, связанные с проверкой результатов, исправлением ошибок, интерпретацией алгоритмических рекомендаций и адаптацией рабочих процессов. Поэтому, специально подчеркивают Я.-В. Лэй и Р. Ким [14], технологическая аугментация (усиление возможностей) не является автоматическим следствием внедрения ИИ: ее результативность определяется тем, насколько система учитывает специфику профессиональной среды, предметную экспертизу и контекст принятия решений.

Для преподавательской деятельности это означает переход от выполнения части рутинных аналитических и организационных функций к их контролю, интерпретации и содержательному сопровождению. Исследователи отмечают, что пользователи нередко негативно воспринимают ИИ из-за непрозрачности алгоритмов, ошибок, неспособности учитывать критически важный контекст и отсутствия неявного знания. Кроме того, специалисты могут испытывать недостаток автономии, если

¹ STS – междисциплинарное направление исследований науки и технологий, сформировавшееся на пересечении социологии, истории и философии науки и техники, в разработке которого принимали участие такие авторы как Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло и многие другие. В основе STS лежит идея о том, что наука и технологии не существуют вне социального контекста и не являются нейтральными внешними факторами, воздействующими на общество. Напротив, социальные институты, практики, знания и технологии рассматриваются как процессы, взаимно конституирующие друг друга. Технологии и их пользователи представляют собой взаимосвязанных человеческих и нечеловеческих акторов, при этом технологии не мыслятся внешними по отношению к профессиональной деятельности инструменты. Напротив, их внедрение сопровождается изменением профессиональных границ как внутри деятельности, так и относительно внешней социальной системе.

организационные правила требуют следовать алгоритмическим рекомендациям и ограничивают возможность их оспаривания. В связи с этим переход к «доверенному ИИ» должен пониматься не как безусловное принятие технологии, а как результат ее критического освоения при сохранении профессионального контроля, права на корректировку машинных выводов и ответственности человека за итоговое образовательное решение [14].

Основой для понимания сущности доверия к технологиям считается модель принятия технологий Ф. Дэвиса (*Technology Acceptance Model, TAM*) [10]. TAM базируется на двух ключевых факторах: воспринимаемой полезности и воспринимаемой простоты использования. Под воспринимаемой полезностью понимается степень веры человека в то, что использование системы повысит его производительность, а под воспринимаемой простотой – степень свободы от усилий при работе. При апробации TAM показала высокую предсказательную силу, но была раскритикована экспертным сообществом за узкий фокус и недостаточное внимание к социальным и контекстуальным факторам.

В начале 2000-х, на смену TAM пришла унифицированная теория принятия и использования технологий (*Unified theory of acceptance and use of technology, UTAUT*), разработанная В. Венкатешем с соавторами. В UTAUT интегрированы элементы восьми разных моделей. В ней выделяется четыре ключевых конструкта: ожидание производительности, ожидание усилий, социальное влияние (мнение значимых других относительно того, следует ли использовать систему) и облегчающие условия (вера в существование организационной и технической инфраструктуры для поддержки использования) [23]. UTAUT продемонстрировала более высокую объяснительную силу и стала доминирующей теоретической рамкой в исследованиях принятия технологий.

В 2004 г. Дж. Ли и К. Си разработали концептуальную модель доверия к автоматизации, выделив три основных измерения: производительность/надежность (насколько хорошо система выполняет свои функции), процесс/прозрачность (понятность работы системы) и цель/благожелательность (восприятие того, что система разработана с намерением помочь пользователю) [13]. Десять лет спустя К. Хофф и М. Башир, делая систематический обзор факторов, влияющих на доверие к автоматизации, объединили их в три группы: диспозиционные (индивидуальные характеристики пользователя), ситуационные (контекст использования) и характеристики системы (надежность, предсказуемость, прозрачность) [12]. Этот многоуровневый подход заложил основу для комплексного анализа доверия к ИИ-технологиям.

Э. Гликсон и А. Вулли, проведя всесторонний обзор эмпирических исследований доверия человека к искусственному интеллекту, пришли к заключению, что «успех интеграции ИИ в организации критически зависит от доверия работников к ИИ-технологиям» [11]. Авторы предложили аналитическую рамку, организующую все такие исследования вокруг измерений двух показателей доверия: формы репрезентации ИИ (роботизированный, виртуальный, встроенный) и уровня машинного интеллекта (способности системы). Согласно их выводам, в развитии

когнитивного доверия важную роль играет осязаемость, прозрачность, надежность и немедленность поведения ИИ, а в развитии эмоционального доверия – антропоморфность и эмоциональная связь.

По мнению Т. Миллера, для формирования доверия к ИИ со стороны пользователей критически важна объяснимость, поскольку она позволяет понять логику принятия решений системой [19]. Также значимыми факторами, определяющими степень доверия к ИИ-системам, являются справедливость и предвзятость. Как выявил Н. Мехраби с соавторами, алгоритмическая предвзятость может проявляться в различных формах: предвзятость данных (обучающие данные, содержащие нерепрезентативные или исторические предубеждения), алгоритмическая предвзятость (систематическое благоприятствование определенным результатам) и предвзятость пользователей (человеческие предубеждения в интерпретации результатов ИИ), каждая из которых по-своему сказывается на доверии к ИИ-системам со стороны пользователей [18]. Д. Шин показал, что объяснимость и каузальность в работе ИИ существенно влияют на восприятие, доверие и принятие технологии [22].

Итак, изучение доверия к ИИ-системам в образовании не может ограничиваться лишь правовыми нормами или техническими параметрами «объяснимости» данных. Необходимо также учитывать структурное противоречие, возникающее из необходимости для преподавателя одновременно соответствовать требованиям технологической эффективности и сохранять свою профессиональную уникальность в условиях стремительной алгоритмизации предметного поля.

На основе проанализированных теоретических подходов нами были выделены три группы факторов доверия к ИИ-технологиям: 1) индивидуальные (особенности того, кто доверяет / не доверяет), 2) организационные (условия среды, способствующие поддержанию/подрыву доверия) и 3) технологические (характеристики самой технологии).

Индивидуальные факторы доверия – это предрасположенность преподавателя к инновациям, уровень его цифровых компетенций и информационной грамотности, практический опыт использования ИИ-технологий в преподавании. Важно подчеркнуть, что эта группа факторов описывает не «качества человека», а измеряемые представления о себе и о технологии на индивидуальном уровне [11; 22]. Кроме того, сюда мы также относим субъективную оценку темпа изменений и напряжения вокруг статуса эксперта, составляющие фон, который делает доверие более или менее «дорогим» и уникальным [16; 17].

Организационные факторы доверия, позаимствованные из UTAUT и ситуационной группы факторов доверия к автоматизации (выделенной К. Хоффом и М. Баширом), включают институциональную поддержку, наличие доступных ресурсов и степень готовности университетской инфраструктуры к интеграции ИИ-решений [22].

Технологические факторы доверия (характеристики называемого надежного ИИ), проистекающие из концептуальной модели Дж. Ли и К. Си и системной группы факторов из обзора К. Хоффа и М. Башира включают надежность, предсказуемость, объяснимость и др. [12; 13].

Из перечисленных факторов доверия логично выводятся барьеры внедрения технологий ИИ. Структурно-функциональный анализ позволяет предложить следующую классификацию таких барьеров (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Классификация барьеров внедрения технологий ИИ в вузах
Classification of Barriers to the Adoption of AI Technologies in Universities

Барьер	Содержание	Социальные последствия
Компетентностный	Недостаток знаний об ИИ и границах применения моделей, отсутствие мотивации к освоению инструментов, слабая связь с практикой преподаваемой дисциплины	Воспроизводство профессионального неравенства: преподаватели (и их студенты) с высоким уровнем цифровых компетенций получают преимущества в доступе к ресурсам, статусу и институциональной поддержке
Нормативно-ценностный	Опасения касательно ухудшения качества обучения студентов, риски потери профессиональной идентичности за счет автоматизации интеллектуального труда	Трансформация профессиональной идентичности и эпистемического авторитета: преподаватели, воспринимающие ИИ как угрозу профессиональной идентичности, либо сопротивляются внедрению (консервация устаревших практик), либо делегируют функции без критической рефлексии (технологическая зависимость)
Организационно-институциональный	Неясность правил академической честности и авторства при использовании ИИ, отсутствие предметно-ориентированных регламентов, политик использования ИИ на уровне вуза, фрагментарная методическая поддержка, отсутствие времени в трудовом графике на экспериментирование и перестройку курсов	Воспроизводство институционального неравенства: вузы с развитыми политиками и инфраструктурой внедряют ИИ системно и критически, тогда как остальные – стихийно или не внедряют вовсе. Это ведет к дифференциации качества образования между вузами и усилению социальной стратификации выпускников на рынке труда
Технический и ресурсный	Неразвитая инфраструктура, проблемы лицензирования и оплаты подписок на сервисы ИИ, слабая информационная безопасность, недоступность сервисов на уровне страны или вуза без специальных технических средств	Усиление цифрового разрыва между вузами (столичные vs. региональные, исследовательские vs. преподавательские) и внутри вузов (преподаватели с доступом к ресурсам vs. без доступа). Это воспроизводится в дифференциации качества подготовки выпускников и их конкурентоспособности на рынке труда
Этико-правовой	Сомнения в этичности алгоритмов, предвзятость моделей, ошибки и «галлюцинации», манипуляции контентом, проблема ответственности за решения, принятые с опорой на ИИ	Трансформация механизмов этической ответственности и верификации знания: если преподаватели сомневаются в этичности и надежности ИИ, они либо отказываются от его использования (потеря потенциальных преимуществ), либо используют с высокой степенью контроля (увеличение нагрузки)

Представленная классификация барьеров и социальных последствий послужила концептуальной рамкой исследования, нацеленного на изучение представлений преподавательского сообщества о рисках и возможностях внедрения ИИ-технологий, а также о стратегиях трансформации их профессиональной деятельности. Считаем важным подчеркнуть: выделенные барьеры интерпретируются нами не как технические препятствия для внедрения, а как социальные механизмы, через которые воспроизводятся социальные последствия цифровизации высшего образования – профессиональное неравенство, трансформация профессиональной идентичности и дифференциация качества образования между вузами.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирическую базу составили данные двух анкетных опросов научно-педагогических работников вузов¹. Набор респондентов осуществлялся на добровольной основе методом целевой выборки без контроля квот среди тех преподавателей, кто уже выразил интерес к использованию технологий ИИ. Такой способ отбора позволял учитывать мнение лишь включенных в новые практики использования ИИ в научно-образовательной деятельности преподавателей, выявить присущие им модели восприятия, типы отношения к ИИ и логику профессиональной адаптации. Всего в опросе приняли участие 298 научно-педагогических работников из 15 вузов. Анализ ответов на открытые вопросы проводился методом контент-анализа с целью определения паттернов в восприятии доверия к ИИ.

Анкета включала следующие блоки: 1) представления об ИИ и связанных технологиях; 2) самооценка компетенций и частота использования ИИ в преподавании; 3) измерение готовности и воспринимаемой поддержки вуза по шкале от 0 до 5; 4) условия более активного использования ИИ (множественный выбор с ограничением числа ответов); 5) оценка личного доверия к технологиям ИИ и мотивов доверия/недоверия; 6) измерение доверия к различным акторам внедрения ИИ в высшем образовании по шкале от 0 до 5 по каждому типу субъекта; 7) значимые препятствия к использованию ИИ в учебном процессе (множественный выбор); 8) отношение к цифровой трансформации высшего образования, эмоциональная реакция на использование ИИ студентами, а также социодемографические данные.

¹ Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Дагестанский государственный университет, Дальневосточный федеральный университет, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Ставропольский государственный аграрный университет, Тюменский государственный университет, Уральский федеральный университет, Ухтинский государственный технический университет, Череповецкий государственный университет, Южно-Уральский государственный университет, Южный федеральный университет.

Дополнительно для обеспечения качественной сопоставимости результатов с количественными барьерами были использованы обезличенные ответы входного контроля участников программы повышения квалификации преподавателей по использованию ИИ ($n = 21$). Обработка данных и формирование таблиц осуществлялись в среде Python 3 (библиотека `openpyxl`).

Результаты социологического анализа факторов доверия ИИ

Индивидуальные факторы доверия. Полученные данные показывают, что все опрошенные осведомлены о существовании технологий искусственного интеллекта, что свидетельствует о высокой информированности академической среды о технологиях ИИ, которая, однако, отличается от реальной практики его использования. Только 50,6% преподавателей, участвующих или заявляющих о готовности участвовать в проектах цифровой трансформации, регулярно используют ИИ-инструменты в своей профессиональной деятельности: 29,5% используют периодически и 21,1% – интенсивно. Средняя интенсивность использования ИИ-технологий составила всего 2,33 балла по пятибалльной шкале, что указывает на умеренный уровень их внедрения и наличие значительной вариабельности в практиках применения. Оставшаяся без малого половина опрошенных либо использует ИИ редко (34,6%), либо вообще не использует (14,8%), что доказывает: информированность о возможностях технологии не является достаточным условием ее внедрения.

Самооценка преподавателями своих компетенций в области использования ИИ-технологий составила в среднем 2,33 балла, при этом готовность преподавателей применять ИИ оказалась значимо выше – 2,93 балла. Разница составила 0,6 балла ($t(297) = 8,21, p < 0,001$), что указывает на наличие мотивационного потенциала, опережающего фактическую компетентность. Вместе с тем личное доверие/недоверие к ИИ-технологиям демонстрирует относительный баланс с небольшим перевесом в сторону доверия: 40,6% скорее доверяют, 35,6% скорее не доверяют, 23,8% затруднились с ответом. Высокая доля неопределившихся говорит о незавершенности процесса формирования доверия в академической среде.

Среди эмоциональных реакций на использование ИИ студентами преобладающей оказалась прагматическая – компромисс (43,6%): преподаватели стараются найти баланс и очертить границы дозволенного. Второе место заняли негативные эмоции (36,2%): у 20,1% это вызывает грусть, у 16,1% – раздражение, которые могут быть порождены опасениями за качество знаний и/или угрозой профессиональной идентичности. Лишь 14,8% демонстрируют принятие ИИ как нормы, что свидетельствует о переходе данной группы к доверию, основанному на знании. При этом важно понимать: отношение к использованию ИИ в образовательном процессе во многом зависит от соотношения выгод и рисков, которые это использование несет для самих преподавателей (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Восприятие преимуществ и рисков ИИ, в % от числа ответов и от числа респондентов
Perception of AI Benefits and Risks, in % of responses and % of respondents

	% от всех ответов	% от числа респондентов
Преимущество		
Сокращение времени на проверку работ студентов	26,3	49,7
Повышение интерактивности обучения	23,6	44,6
Улучшение аналитики успеваемости студентов	15,5	29,2
Усиление индивидуализации обучения	14,7	27,9
Повышение эффективности образовательного процесса	12,4	23,5
Не вижу преимуществ	7,5	14,1
Недостаток		
Падение уровня базовых знаний у студентов	40,6	69,8
Деградация системы образования	25,2	43,3
Снижение успеваемости студентов	15,0	25,8
Замена преподавателей технологиями ИИ	13,9	23,8
Не вижу недостатков	5,3	9,1

Основные из названных преимуществ – сокращение времени на проверку работ (49,7% от числа респондентов) и повышение интерактивности обучения (44,6%), тогда как главный недостаток – потенциальное падением базовых знаний студентов (70%). Представленное распределение ответов позволяет заключить, что преимуществами ИИ преподаватели считают возможность использовать его как средство оптимизации, а недостатком – угрозу качеству образования. Они готовы прибегать к ИИ ради оптимизации отдельных рутинных операций, но при этом для них сохраняют высокую значимость функции, связанные с профессиональным суждением, контролем качества, интерпретацией результатов и ответственностью за образовательные решения. Вместе с тем опасения по поводу снижения качества образования, ослабления самостоятельности студентов и возможной замены преподавателя указывают на нормативные границы приемлемой автоматизации. Из этого следует, что трансформация деятельности преподавателя проявляется в формировании новой конфигурации взаимодействия человека и ИИ, в которой автоматизация отдельных задач сочетается с сохранением за человеком профессиональной автономии, экспертности и ответственности.

Отвечая на открытый вопрос «Что вас больше всего пугает в ИИ?», опрошенные высказали опасения, что студенты перестанут прикладывать собственные когнитивные усилия, вследствие чего развитие их мышления застопорится: «Соблазн учеников выполнять и решать задания с помощью ИИ, не прилагая усилий к собственному развитию, обучению, что приведет к атрофии критического мышления»; «Студенты разучатся думать самостоятельно и перестанут сами выполнять творческие зада-

ния»; «Потеря навыка критического мышления и построения логических связей»; «Увеличение зависимости от ИИ может ослабить человеческие умения и навыки».

Организационные факторы доверия. Уровень поддержки внедрения ИИ со стороны вузов оценивается опрошенными в среднем в 2,33 балла, т. е. как умеренно-низкий. Большинство (49%) оценили поддержку учебного заведения, где они работают, как низкую, или даже указали на ее практическое отсутствие (баллы 0–2). Лишь 21,1% сообщили об высоком уровне организационной поддержки (баллы 4–5).

Проанализировав связь между средним баллом поддержки внедрения ИИ со стороны вуза, активностью его использования преподавателями, их готовностью применять ИИ-технологии в образовательном процессе, а также доверием к ИИ и к субъектам его внедрения, мы сделали вывод о наличии таковой [связи] между уровнем поддержки и готовностью применять ИИ при обучении студентов, на которую также ощутимо влияют и другие факторы. Корреляция поддержки с субъективным доверием к ИИ хоть и положительная, но имеет среднюю силу (0,47). Слабее всего поддержка вузом ИИ связана с доверием к субъектам его внедрения (0,19), что говорит, по сути, об отсутствии влияния первой на второе.

Таблица 3 (Table 3)

Оценка организационной поддержки внедрения ИИ в вузах
Assessment of Organizational Support for AI Adoption in Universities

Вуз*	Средний балл поддержки вузом ИИ	Активность использования ИИ (%)	Средний балл компетенций (самооценка)	Средний балл готовности применять ИИ	Субъективное доверие к ИИ (%)	Среднее доверие к субъектам внедрения ИИ
БГПУ	2,40	32,3	2,35	2,88	36,9	2,64
УрФУ	2,19	26,4	2,21	2,96	47,2	2,88
СКФУ	1,90	25,5	1,92	2,43	31,4	2,18
ЮФУ	3,06	45,7	2,8	3,43	42,9	2,66
ДВФУ	2,43	28,6	2,57	3,40	57,1	3,22
СПбГУ	2,33	33,3	2,33	2,67	16,7	2,86
УГТУ	1,60	20,0	2,0	2,8	40,0	2,63

Примечание. *БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, УрФУ – Уральский федеральный университет, СКФУ – Северо-Кавказский федеральный университет, ЮФУ – Южный федеральный университет, ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет, СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет, УГТУ – Ухтинский государственный технический университет.

Технологические факторы доверия. Преподаватели в большинстве своем (56%) склонны скептически оценивать надежность ИИ-систем. Основная причина недоверия – сбои и ошибки в работе. Лишь 14,4% отметили надежность и точность ИИ-технологий: 2,7% считают, что ИИ не ошибается и 11,7% признают его более качественную работу по сравнению

с человеком. Расхождение между долями скептиков (56%) и доверяющих (14,4%) составило 41,6 п.п., что указывает на фундаментальную проблему когнитивного доверия.

Объяснимость алгоритмов также вызывает беспокойство у преподавателей: 19,5% полагают, что никто не понимает, как работает ИИ, а 4,7% сослались на недостаток информации о данном процессе. Только 8,4% уверены, что хорошо разбираются в ИИ-технологиях. Это чуть больше, чем тех, кто оценил свои компетенции в области ИИ на 5 баллов (6,4%). В целом же полученные результаты свидетельствуют о критическом дефиците у преподавателей знаний и компетенций, касающихся работы с ИИ.

Безопасность и конфиденциальность данных вызывают беспокойство у 25,8% преподавателей: 14,4% опасаются утечки данных, 6,7% – чрезмерного сбора информации, 4,7% – общей небезопасности. Сравнительно невысокая обеспокоенность безопасностью и конфиденциальностью (25,8% против 56% обеспокоенных ненадежностью ИИ) может объясняться недостаточной осведомленностью о масштабах сбора данных или же отношением к образовательному контексту как менее критичному с точки зрения конфиденциальности.

Функциональность и практическую пользу от применения ИИ преподаватели, напротив, по большей части оценили положительно: 41,3% признались, что искусственный интеллект упрощает и улучшает их работу. Это наиболее часто упоминаемый позитивный фактор доверия, что указывает на прагматическую ориентацию педагогического персонала вузов: технология будет принята, если она демонстрирует очевидную практическую ценность.

Отвечая на вопрос о барьерах, препятствующих использованию ИИ в учебном процессе, преподаватели чаще всего указывали на педагогические и ценностные риски (рис. 1). Так, 55% опасаются ухудшения качества образования; 47,3% заявили, что у них недостаточно знаний и навыков для его использования, тем самым лишний раз подтвердив разрыв между декларируемой готовностью и самооценкой. Чуть менее значимыми оказались организационно-институциональные барьеры: 28,9% считают, что сложно оценить эффективность обучения при использовании ИИ; 25,2% видят сложности в интеграции ИИ с текущими образовательными подходами; 17,4% упомянули об отсутствии мотивационных механизмов для НПР; 14,4% боятся ослабления институционального контроля. Этико-правовой блок представлен прежде всего дефицитом этической рефлексии и правил применения (20,1%) и сомнениями в надежности и справедливости ИИ-систем (19,1%).

Агрегированные доли по типам барьеров (компетентностный – 58,7%, нормативно-ценностный – 62,8%, организационно-институциональный – 59,7%, этико-правовой – 40,6%, технический и ресурсный – 35,2%) показывают, что преподаватели склонны комбинировать несколько доводов для обоснования своей позиции. Такая структура аргументации говорит о встроенности темы использования ИИ в пересечение профессиональной, институциональной и технологической проблематики.

Рис. 1. Препятствия использования ИИ в учебном процессе, % отметивших
Figure 1. Obstacles to using AI in the educational process, % of those who marked this

Дифференциация автоматизации и аугментации в когнитивной работе преподавателей

Ответы преподавателей показывают, что среди барьеров, мешающие внедрению ИИ в научно-образовательную практику вузов, технический и ресурсный являются наименее значимым. Иными словами, неразвитая инфраструктура, проблемы лицензирования и оплаты подписок, слабая информационная безопасность, недоступность сервисов на уровне страны или вуза без специальных технических средств не рассматриваются ими как значимые препятствия. Следовательно, можно предположить, что предоставление грантов на вычислительные ресурсы¹ существенно не ускорит темпы внедрения образовательных сервисов на основе ИИ. В несколько

¹ Yandex Cloud расширяет грантовую программу поддержки курсов и исследований для ученых и вузов // Yandex Cloud. 2026. 7 апреля. URL: <https://xn--80aa3ak5a.xn--p1ai/news/yandex-cloud-rasshiryaet-grantovuyu-programmu-podderzhki-kursov-i-issledovaniy-dlya-uchenykh-i-vuzov/> (дата обращения: 26.04.2026).

большей степени преподавателей беспокоят проблемы этического и методического характера, сопряженные с внедрением ИИ: недостаток этической рефлексии и сложности с его интеграцией в текущие педагогические модели. Подлинными же вызовами для академического сообщества оказываются: дефицит профессиональных компетенций самих преподавателей и фундаментальные опасения касательно снижения качества подготовки студентов. Однако, возможность усложнить научно-образовательные задачи с помощью технологий ИИ, и следовательно, повысить качество обучения, не является стимулом применения технологии [7].

Преподаватели воспринимают ИИ-технологии амбивалентно: как инструмент экономии времени и одновременно как источник риска для качества обучения и самостоятельности студентов. Корреляционный анализ подтверждает, что готовность применять ИИ связана не с одним, а с совокупностью компетентностных, институциональных и доверительных факторов. Так, самооценка компетенций положительно связана с готовностью применять ИИ (коэффициент Спирмена, $\rho \approx 0,603$; $p < 1e-15$), частота его использования – с более высокой готовностью ($\rho \approx 0,545$; $p < 1e-15$), а оценка поддержки вуза – с готовностью, но слабее ($\rho \approx 0,222$; $p < 0,0001$). Это позволяет заключить, что обучение и организационная поддержка важны, однако сами по себе не снимают вопрос о том, какие элементы преподавательского труда могут быть делегированы ИИ без потери качества, ответственности и профессионального статуса. Данные результаты согласуются с результатами других российских исследований, например А. В. Фещенко и его коллег, которые фиксируют амбивалентность преподавательского восприятия, отмечая, что внедрение ИИ вызывает целый спектр чувств – от профессионального восхищения до глубинной тревоги перед лицом новой реальности, трансформирующей привычный образовательный процесс [5]. При этом подходы к построению новой модели профессиональной идентичности педагога еще предстоит определить [2].

Сегодня преподаватель вынужден одновременно адаптироваться к ускоряющимся инновациям и сохранять профессиональную идентичность эксперта. В этих условиях доверие к ИИ становится не столько технической, сколько социально-профессиональной проблемой. Согласно Люббе, ускорение прогресса порождает неопределенность, заставляя академическое сообщество защищать профессиональную культуру через осторожное отношение к инновациям. Эта ситуация иллюстрирует переход от универсальных стандартов к «логике сингулярности», описанной Реквицем: идентичность педагога опирается на уникальные компетенции, а не на следование алгоритмам. Поскольку компьютеризация вытесняет процедурную логику из профессиональной сферы, доверие к ней становится вопросом сохранения человеческой субъектности. Данные показывают, что институциональная поддержка имеет вторичное значение по сравнению с необходимостью гармонизации технологий и педагогической ответственности.

Анализ факторов доверия, – субъект, среда, объект, – приводит нас к выводу, что интеграция ИИ в образовательный процесс требует не просто технического переоснащения. Она требует пересмотра профессиональной роли педагога, которому необходима модель деятельности, где алгоритмизация предметного поля не подменяла бы собой эмпатию и экспертный статус, а дополняла бы их. Проиллюстрируем выдвинутый тезис.

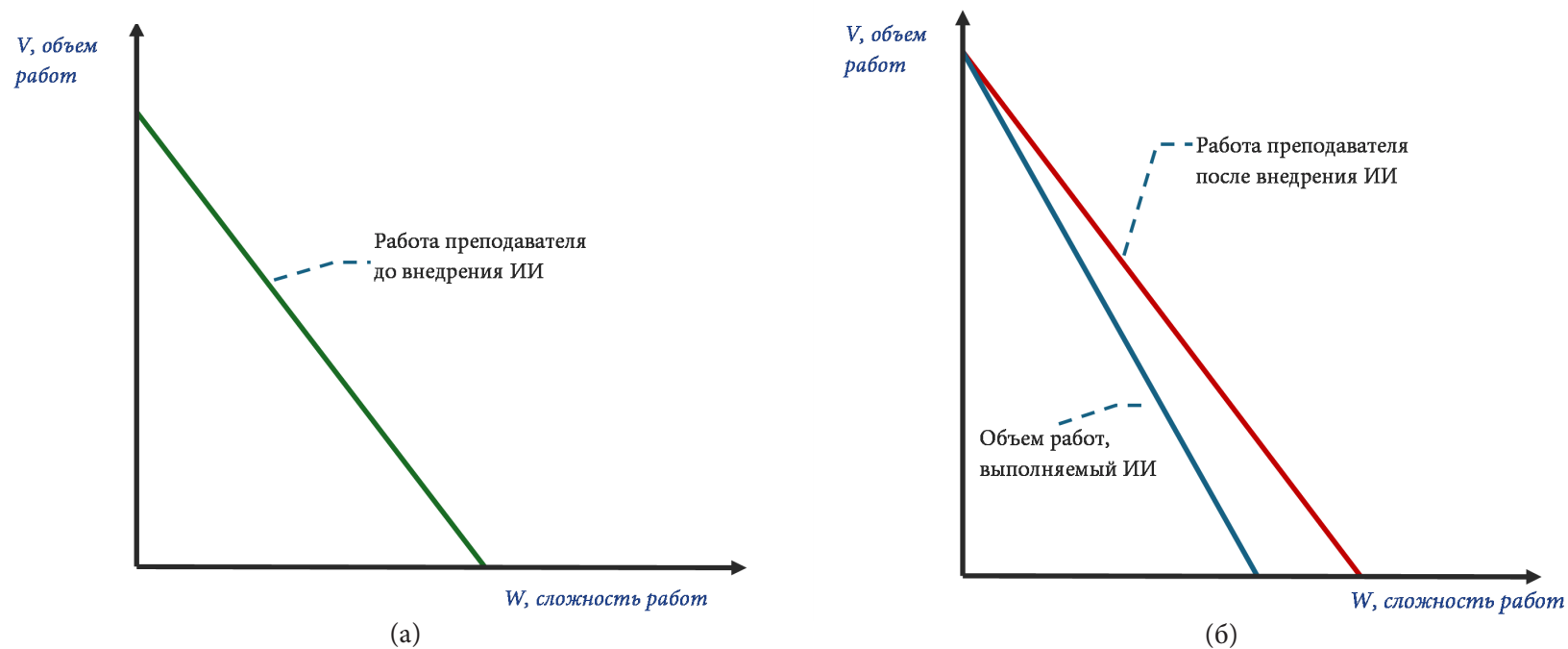

Рис. 2. Трансформация когнитивной работы преподавателя до внедрения ИИ (а) и после (б)
Figure 2. Transformation of the cognitive work of a teacher before the introduction of AI (a) and after (b)

На рисунке 2 наглядно показано как внедрение ИИ, во-первых, сдвигает границу рутинного/нерутинного труда, расширяя область задач, которые можно автоматизировать, и, во-вторых, снижает спрос на рутинный (автоматизируемый) труд, одновременно повышая его на нестандартные когнитивные задачи.

Однако переход к сложным когнитивным операциям, нестандартным решениям и сверхтрудным задачам в образовательной деятельности противоречит нормативным требованиям и бюрократическим процедурам, лежащим в основе педагогического труда преподавателя российского вуза. Закрепленные в учебных программах образовательные результаты стандартны, увеличение сложности заданий для студентов приведет к увеличению количества контактных часов, для преподавателя обернется увеличением временных затрат и дополнительными неоплачиваемыми консультациями.

Автоматизация и аугментация – два взаимосвязанных, но не тождественных направления трансформации педагогической деятельности. Первая предполагает передачу ИИ отдельных формализуемых и повторяющихся задач, что сокращает непосредственное участие человека в их выполнении, тогда как вторая, напротив, ориентирована на расширение профессиональных возможностей человека за счет использования технологий, повышения продуктивности и улучшения качества работы. Более того, автоматизация одних операций может одновременно создавать условия для аугментации других: освобождая специалиста от рутинных действий, ИИ позволяет сосредоточиться на задачах, требующих интерпретации, творческого мышления, эмпатии, профессионального суждения и ответственности.

В сфере преподавательской деятельности отмеченное различие приобретает принципиальное значение. Применение ИИ позволяет автоматизировать проверку типовых заданий, обработку данных, подготовку отдельных материалов и другие процедурные операции, но он не должен подменять человека в принятии педагогически значимых решений. Его потенциал раскрывается прежде всего как инструмента аугментации и средства поддержки, оставляющего за преподавателем контроль над содержанием, контекстом и результатом образовательного процесса. Поэтому успешная цифровая трансформация образования предполагает не максимальное расширение сферы автоматизации, а создание сбалансированной модели взаимодействия технологий и человека, в которой первые выполняют рутинные функции, а второй сохраняет профессиональную автономию, экспертность и ответственность.

Сопоставление теоретической модели разделения задач Я.-В. Лэй и Р. Ким [14] и эмпирических данных, касающихся восприятия ИИ преподавателями, позволяет заметить, что реальная аугментация достигается не самим фактом внедрения технологий, а сохранением за человеком функций контроля, интерпретации и ответственности за образовательные решения. В этих условиях изменяются также способы осуществления профессиональной деятельности: преподаватель переходит от непосредственного выполнения части аналитических и организационных функций

к контролю за их осуществлением, интерпретации, критической оценке алгоритмических рекомендаций и содержательному сопровождению учебного процесса. При этом, как показывают данные, значительная часть академического сообщества воспринимает ИИ преимущественно через призму рисков (падение базовых знаний студентов, деградация системы образования, возможная замена преподавателей), что формирует стратегии адаптации, ориентированные на сохранение профессиональной автономии, критическое отношение к технологическим решениям и требование иметь возможность оспаривать и корректировать выводы, полученные ИИ.

Заключение

Исследование выявило сложное отношение преподавателей российских вузов к искусственному интеллекту: прагматический интерес, связанный с оптимизацией рутинных операций, соседствует с глубоким скепсисом в отношении образовательных результатов при масштабном внедрении ИИ. Проблема «цифрового разрыва» в данном случае конкретизируется не столько как сложность технического доступа, сколько как нормативно-ценностный конфликт. Опрошенные преподаватели демонстрируют умеренную готовность внедрять ИИ (средний балл 2,93) и придерживаются тактики селективного применения. Наиболее значимые ограничения концентрируются в нормативно-ценностной плоскости: среди академического персонала вузов доминируют опасения по поводу ухудшения качества подготовки студентов, ослабления их критического мышления и трансформации роли преподавателя. Компетентностные и организационные барьеры тоже присутствуют, но чаще выступают как сопутствующие условия, усиливающие или ослабляющие готовность к применению ИИ. Это означает, что ускорение интеграции ИИ-технологий в образовательный процесс невозможно обеспечить исключительно через техническое оснащение и краткосрочное обучение персонала.

В преподавательской среде сохраняется разрыв между готовностью использовать ИИ и самооценкой компетенций, а также между признанием практической пользы ИИ-технологий и опасениями за качество образования. Отношение к ИИ не сводится к простому «умею/не умею»; оно связано с более глубокой проблемой, касающейся границ педагогической ответственности, академической добросовестности и экспертного статуса преподавателя.

Участники нашего исследования вынуждены балансировать между адаптацией к технологическим инновациям и сохранением профессиональной идентичности, что порождает стратегии, направленные на защиту автономии и критическое осмысление ИИ-решений. Успешная трансформация высшего образования зависит не от степени автоматизации, а от выстраивания сбалансированной модели, где технологии освобождают время для задач повышенного уровня сложности, требующих экспертного суждения, эмпатии и ответственности, которые преподаватель готов взять на себя.

На текущем этапе ИИ-трансформация деятельности профессорско-преподавательского состава вузов проявляется в изменении соотношения автоматизации и аугментации профессиональных задач. Преподаватели воспринимают ИИ прежде всего как средство автоматизации рутинных операций, позволяющее сократить время их выполнения, однако эта автоматизация не приводит к простому сокращению человеческого участия, а переносит часть нагрузки на новые функции: проверку и интерпретацию результатов, выданных ИИ, критическую оценку его рекомендаций и принятие окончательных образовательных решений. Поэтому продуктивная модель внедрения ИИ подразумевает не максимальную автоматизацию, а аугментацию профессиональной деятельности преподавателя, при которой технологическая система расширяет его возможности, одновременно сохраняя за ним профессиональное суждение, автономию и ответственность.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что внедрение технологий ИИ не обладает заранее заданными социальными последствиями. Характер их воздействия на систему высшего образования формируется в процессе взаимодействия технологических возможностей, институциональных условий и практик конкретных социальных акторов. В зависимости от сложившихся профессиональных установок и особенностей институциональной среды внедрение ИИ либо может быть ограничено преимущественно автоматизацией отдельных функций и/или аугментации профессиональной деятельности, либо вестись по пути формирования смешанных моделей взаимодействия человека и технологии. Таким образом, социальные последствия цифровизации образования определяются не только техническими характеристиками ИИ и масштабами его распространения, но и способами его включения в существующую систему профессиональных и организационных отношений.

Библиографический список

1. Ананин Д. П., Комаров Р. В., Реморенко И. М. «Когда честно – хорошо, для имитации – плохо»: стратегии использования генеративного искусственного интеллекта в российском вузе // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 31–50. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-31-50; EDN: OBDXTG.

2. Бермус А. Г. Профессиональная идентичность педагога в эпоху искусственного интеллекта: к построению исследовательской программы // Вестник РУДН. Информатизация образования. 2025. Т. 22. № 4. С. 389–399. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399; EDN: EMUBVZ.

3. Буякова К. И., Дмитриев Я. А. и др. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука. 2024. Т. 26. № 7. С. 160–193. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193; EDN: BSEUWY.

4. Сысоев П. В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33; EDN: TZYTKM.
5. Фещенко А. В., Иванова А. С., Буякова К. И. Искусственный интеллект в университете: восхищение, тревога и новая реальность преподавателя // Открытое и дистанционное образование. 2025. № 1(85). С. 47–60. DOI: 10.17223/16095944/85/6; EDN: LOWRSZ.
6. Филатова А. А., Раведовская У. Ю., Обухов К. Н. Статус преподавателя и вызовы ИИ: стратегии символической защиты и репозиционирования // Высшее образование в России. 2026. Т. 35. № 1. С. 77–95. DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-1-77-95; EDN: XILRUY.
7. Aljemely Y. Challenges and best practices in training teachers to utilize artificial intelligence: a systematic review // Frontiers in Education. 2024. Vol. 9. Art. 1470853. DOI: 10.3389/feduc.2024.1470853.
8. Autor D. H., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // The Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol. 118. No. 4. P. 1279–1333. DOI: 10.1162/003355303322552801.
9. Chaieb M., Cuel R., Bouzaabia R. Reconceptualizing of GenAI adoption in higher education: A task-based perspective // The International Journal of Management Education. 2026. Vol. 24. Art. 101365. DOI: 10.1016/j.ijme.2026.101365.
10. Davis F. D. Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // MIS Quarterly. 1989. Vol. 13. No. 3. P. 319–340. DOI: 10.2307/249008.
11. Glikson E., Woolley A. W. Human Trust in Artificial Intelligence: Review of Empirical Research // Academy of Management Annals. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 627–660. DOI: 10.5465/annals.2018.0057.
12. Hoff K. A., Bashir M. Trust in automation: Integrating empirical evidence on factors that influence trust // Human Factors. 2015. Vol. 57. No. 3. P. 407–434. DOI: 10.1177/0018720814547570.
13. Lee J. D., See K. A. Trust in automation: Designing for appropriate reliance // Human Factors. 2004. Vol. 46. No. 1. P. 50–80. DOI: 10.1518/hfes.46.1.50_30392.
14. Lei Y.-W., Kim R. Y. Automation and Augmentation: Artificial Intelligence, Robots, and Work // Annual Review of Sociology. 2024. Vol. 50. No. 1. P. 251–272. DOI: 10.1146/annurev-soc-090523-050708.
15. Lelescu A., Sava S. et al. Exploring trust in generative AI for higher education institutions: A systematic literature review focused on educators // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Art. 1961. DOI: 10.1057/s41599-025-06253-1.
16. Lübke H. Im Zug der Zeit: Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Berlin: Springer, 2003. 466 p.

17. Lübbe H. The Contraction of the Present: Contemporary Criticism of Time-Consciousness // *Theories of History* / Ed. by H. Lübbe. Routledge, 1994. P. 215–238.
18. Mehrabi N., Morstatter F. et al. A survey on bias and fairness in machine learning // *ACM Computing Surveys*. 2021. Vol. 54. No. 6. P. 1–35. DOI: 10.1145/3457607.
19. Miller T. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences // *Artificial Intelligence*. 2019. Vol. 267. P. 1–38. DOI: 10.1016/j.artint.2018.07.007.
20. Reckwitz A. *The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity*. Trans. by V. A. Pakis. Cambridge; Medford, MA: Polity Press, 2021. 244 p.
21. Reckwitz A. *The Society of Singularities: On the Structural Changes of the Modern World*. Cambridge: Polity Press, 2020. 416 p.
22. Shin D. The effects of explainability and causability on perception, trust, and acceptance: Implications for explainable AI // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2021. Vol. 146. Art. 102551. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2020.102551.
23. Venkatesh V., Morris M. G. et al. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // *MIS Quarterly*. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 425–478. DOI: 10.2307/30036540.

Получено редакцией: 25.05.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Орешкина Татьяна Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Института фундаментального образования

Артюгин Олег Юрьевич, старший преподаватель кафедры «Автоматизация финансовых систем» ИРИТ-РТФ; исполнительный директор

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.10

The social consequences of digitalization in Russian education: University faculty perspectives on AI integration (evidence from field research)

Tatiana A. Oreshkina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

t.a.oreshkina@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-0004-7709

Oleg Yu. Artyugin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; PJSC Sberbank, Ekaterinburg, Russia

oyartyugin@sberbank.ru

ORCID: 0009-0006-1888-6630

For citation: Oreshkina T. A., Artyugin O. Yu. The social consequences of digitalization in Russian education: University faculty perspectives on AI integration (evidence from field research). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 169–194. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.10; EDN: ABZIDU

Abstract. This paper addresses the integration of artificial intelligence (AI) into educational practices at Russian universities. It examines faculty members' attitudes toward this process, the forms of acceptance and resistance emerging within academia, and how it shapes understandings of university teaching as a profession. It also identifies sources of risk and the social consequences of AI-driven transformation: professional inequality, deprofessionalization, and disparities in educational quality across universities. The study draws on data from a questionnaire survey of teaching and research staff ($n = 298$, May–June 2025) from 15 Russian universities, supplemented by responses to an initial assessment completed by participants in a continuing professional development program ($n = 21$). Respondents were purposively selected from among participants in digital transformation projects. The analysis found that awareness of AI technologies does not guarantee their regular use: only 50.6% of respondents reported using AI tools in their professional practice, while readiness to use them (2.93 points) significantly exceeds self-assessed competence (2.33 points). Personal experience with these technologies and subjective trust in them develop unevenly, with a substantial proportion of respondents adopting a cautious, selective approach to AI use. The findings reveal ambivalent perceptions: faculty members see AI as a means of saving time and making learning more interactive, but also as a source of risks, including a decline in the quality of students' education, a weakening of their critical thinking, and changes in faculty members' professional role. A comparison of the relative importance of different barriers indicates that technical and resource constraints are not the principal barriers; gaps in professional competence, pedagogical difficulties, and normative and value-based concerns about educational quality play a much greater role.

Drawing on H. Lübbe's theories of temporal uncertainty and A. Reckwitz's "logic of singularities," the authors show that accelerating technological change and the algorithmization of routine functions conflict with the bureaucratic organization of teaching. Rigid educational standards and an emphasis on prescribed performance indicators hinder the development of faculty members' distinctive competencies, turning AI integration into a conflict between technological efficiency and academic agency. The introduction of AI redefines the boundaries of routine work, expands the range of tasks that can be automated, and generates demand for nonroutine cognitive work for which faculty members are not always prepared. Consequently, introducing AI into educational practices entails not only technical and pedagogical changes but also a reconsideration of faculty members' professional role.

Keywords: artificial intelligence, higher education, academic and teaching staff, trust, professional identity

References

1. Ananin D. P., Komarov R. V., Remorenko I. M. "When honesty is good, for imitation is bad": strategies for using generative artificial intelligence in Russian higher education institutions. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2025: 34: 2: 31–50 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-31-50; EDN: OBDXTG.
2. Bermus A. G. Professional identity of a teacher in the era of AI: towards developing a research program. *Vestnik RUDN. Informatizaciya obrazovaniya*, 2025: 22: 4: 389–399 (in Russ.). DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399; EDN: EMUBVZ.
3. Buyakova K. I., Dmitriev Ya. A. et al. Students and teachers attitudes towards the use of tools with generative artificial intelligence at the university. *Obrazovanie i nauka*, 2024: 26: 7: 160–193 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193; EDN: BSEUWY.
4. Sysoyev P. V. Artificial intelligence in education: awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies in professional activities by university faculty. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2023: 32: 10: 9–33 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33; EDN: TZYTKM.
5. Feshchenko A. V., Ivanova A. S., Buyakova K. I. Artificial intelligence in university: admiration, anxiety, and the new reality of the teacher. *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie*, 2025: 1(85): 47–60 (in Russ.). DOI: 10.17223/16095944/85/6; EDN: LOWRSZ.
6. Filatova A. A., Ravedovskaya U. Yu., Obukhov K. N. The teaching profession and the AI challenge: strategies for symbolic defense and repositioning. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2026: 35: 1: 77–95 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-1-77-95; EDN: XILRUY.
7. Aljemely Y. Challenges and best practices in training teachers to utilize artificial intelligence: a systematic review. *Frontiers in Education*, 2024: 9: 1–15. DOI: 10.3389/educ.2024.1470853.
8. Autor D. H., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. *The Quarterly Journal of Economics*, 2003: 118: 4: 1279–1333. DOI: 10.1162/003355303322552801.

9. Chaieb M., Cuel R., Bouzaabia R. Reconceptualizing of GenAI adoption in higher education: A task-based perspective. *The International Journal of Management Education*, 2026: 24: 101365. DOI: 10.1016/j.ijme.2026.101365.
10. Davis F. D. Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology. *MIS Quarterly*, 1989: 13: 3: 319–340. DOI: 10.2307/249008.
11. Glikson E., Woolley A. W. Human Trust in Artificial Intelligence: Review of Empirical Research. *Academy of Management Annals*, 2020: 14: 2: 627–660. DOI: 10.5465/annals.2018.0057.
12. Hoff K. A., Bashir M. Trust in automation: Integrating empirical evidence on factors that influence trust. *Human Factors*, 2015: 57: 3: 407–434. DOI: 10.1177/0018720814547570.
13. Lee J. D., See K. A. Trust in automation: Designing for appropriate reliance. *Human Factors*, 2004: 46: 1: 50–80. DOI: 10.1518/hfes.46.1.50_30392.
14. Lei Y.-W., Kim R. Y. Automation and Augmentation: Artificial Intelligence, Robots, and Work. *Annual Review of Sociology*, 2024: 50: 1: 251–272. DOI: 10.1146/annurev-soc-090523-050708.
15. Lelescu A., Sava S. et al. Exploring trust in generative AI for higher education institutions: A systematic literature review focused on educators. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2025: 12: 1–15. DOI: 10.1057/s41599-025-06253-1.
16. Lübke H. *Im Zug der Zeit: Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart*. Berlin, Springer, 2003: 466.
17. Lübke H. The Contraction of the Present: Contemporary Criticism of Time-Consciousness. In: *Theories of History*. Ed. by H. Lübke. Routledge, 1994: 215–238.
18. Mehrabi N., Morstatter F. et al. A survey on bias and fairness in machine learning. *ACM Computing Surveys*, 2021: 54: 6: 1–35. DOI: 10.1145/3457607.
19. Miller T. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences. *Artificial Intelligence*, 2019: 267: 1–38. DOI: 10.1016/j.artint.2018.07.007.
20. Reckwitz A. *The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity*. Trans. by V. A. Pakis. Cambridge; Medford, MA, Polity Press, 2021: 244.
21. Reckwitz A. *The Society of Singularities: On the Structural Changes of the Modern World*. Cambridge, Polity Press, 2020: 416.
22. Shin D. The effects of explainability and causability on perception, trust, and acceptance: Implications for explainable AI. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2021: 146: 1–14. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2020.102551.
23. Venkatesh V., Morris M. G. et al. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View. *MIS Quarterly*, 2003: 27: 3: 425–478. DOI: 10.2307/30036540.

The article was submitted on: May 25, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Oreshkina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Life Safety, Institute of Fundamental Education

Oleg Yu. Artyugin, Senior Lecturer, Department of Automation of Financial Systems, Institute of Radio Engineering and Information Technologies – Radio Technical Faculty; Executive Director

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.11

EDN: EVCLFX

«Два буддизма» в социальной сети «ВКонтакте»: религиозная конверсия и этнорелигиозная традиция¹

Ссылка для цитирования: Цэцэнбилэг Ц., Цыденов А. Б., Родионов В. А. «Два буддизма» в социальной сети «ВКонтакте»: религиозная конверсия и этнорелигиозная традиция // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 195–214. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.11; EDN: EVCLFX.

For citation: Tsetsenbileg Ts., Tsydenov A. B., Rodionov V. A. «Two Buddhisms» on the VKontakte Social Network: Religious Conversion and Ethno-Religious Tradition. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 195–214. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.11; EDN: EVCLFX.

SPIN-код: 7526-9844

Цэцэнбилэг Цэвээний^{1,2}

¹Институт философии Монгольской академии наук,
Улан-Батор, Монголия

²Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия
tsetsenbilegts@gmail.com

SPIN-код: 2085-0449

Цыденов Александр Баторович^{1,2}

¹Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия
tsydenovab@bsu.ru

SPIN-код: 3330-5790

Родионов Владимир Александрович¹

¹Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

rodionovva@bsu.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24-48-03022.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования современных буддийских сообществ России, выполненного в русле концепции «двух буддизмов». Эмпирической базой послужили цифровые следы – открытые параметры пользовательских профилей в социальной сети «ВКонтакте», обращение к которым позволило компенсировать нехватку официальной статистики и получить массив самоописаний людей, идентифицирующих себя как буддисты. На этапе анализа проводилось сравнение двух макрогрупп: верующих из традиционных этнорелигиозных регионов (республик Бурятия, Тыва, Калмыкия и Забайкальского края) и тех, кто проживает за пределами исторического ареала распространения буддизма, условно отнесенных нами к буддистам-конвертитам.

В ходе анализа были выявлены систематические расхождения в социально-демографических, политических и ценностных портретах указанных групп. Традиционный (этно-религиозный) буддизм функционирует в первую очередь как фактор формирования коллективной этнонациональной идентичности, которая поддерживается и воспроизводится посредством социализации и локальных институциональных структур. Для этой группы верующих характерны гендерный баланс, равномерное распределение по возрастам и высокая степень семейной закреплённости. В ценностном отношении у традиционных буддистов доминируют ориентированность на семью, общинная преемственность и строгий социальный контроль, в частности, резкое неприятие вредных привычек.

Конвертитский буддизм, напротив, является преимущественно результатом осознанного индивидуального выбора. Он поддерживается и распространяется через горизонтальные социальные сети и воспринимается верующими как личный проект по саморазвитию. Для конвертитов характерны абстрактное стремление к «совершенствованию мира», сниженная доля брачных статусов и компромиссная этика, основанная на внутренней осознанности. Демографическая структура имеет явно выраженный сдвиг в сторону преобладания мужчин и людей более молодого возраста. В политическом плане конвертиты склонны к частой смене идеологических маркеров, политической индифферентности и даже специфическим монархическим симпатиям.

По итогам проведенного исследования авторы пришли к заключению, что концепция «двух буддизмов» является высокопродуктивной объяснительной моделью. Она позволяет системно описать и проанализировать реальные процессы социокультурной трансформации, внутреннего расслоения и географического расширения буддийского присутствия на территории современной России.

Ключевые слова: этнический буддизм, конвертитский буддизм, традиционные буддийские регионы, социальные медиа, демографический профиль, ценностные ориентации

Введение

На волне религиозного возрождения в постсоветской России произошло восстановление традиционных буддийских институтов в регионах исторического распространения буддизма – республиках Бурятия, Калмыкия, Тыва и Забайкальском крае. Параллельно с этим в крупных российских городах, где буддизм прежде никогда не был широко представлен, начали возникать новые буддийские общины, взявшие за основу преимущественно западные социокультурные образцы.

Изучая в свое время распространение буддизма за пределами его исторических азиатских ареалов, Ч. Пребиш сформулировал концепцию «двух буддизмов», опирающуюся на идею различения двух видов религиозной принадлежности – наследственной (этнорелигиозной) и конвертитской. В первом случае принадлежность к буддизму воспроизводится и поддерживается через семейную социализацию, усвоение этнической культуры, локальное сообщество и устойчивые религиозные институты, а во втором она возникает преимущественно как результат конверсии, т. е. индивидуального принятия религии человеком, ранее социализированным вне этой религиозной среды [17, р. 63–65].

Дихотомию наследственного и конвертитского буддизма необходимо отличать от другого аналитического противопоставления – традиционалистского и модернистского буддизма, где упор делается не столько на происхождение последователей, сколько на особенностях религиозной организации, практики и интерпретации учения [12, р. 25]. В традиционалистском буддизме огромную роль играют ритуал, преданность учению, монастырская институция и традиционная буддийская космология, тогда как в модернистском куда большее значение придается индивидуальной медитативной практике, самостоятельному изучению текстов и рациональному пониманию учения [12, р. 25–27]. Строго говоря, конвертитский и модернистский буддизм не являются тождественными понятиями: первое означает один из способов приобретения религиозной принадлежности, а второе – форму адаптации буддизма к условиям современного общества.

В то же время, несмотря на смысловое несовпадение двух представленных выше аналитических дихотомий, сами означаемые ими явления во многом пересекаются. Так, поначалу в западных обществах, а позднее и в постсоветской России именно конвертитские сообщества чаще всего становились носителями новых – индивидуализированных и транснациональных – форм буддизма [12, р. 28; 16, с. 215–217]. В свою очередь современные этнорелигиозные буддийские общины Бурятии, Калмыкии, Тувы и Забайкальского края представляют собой яркий пример традиционалистского буддизма, исторически сложившегося в этих регионах под влиянием тибетской школы Гелуг. В этих традиционно буддийских регионах преобладает храмоцентричная религиозность: жизнь общин сосредоточена вокруг храмов и монастырей (дацанов), где верующие участвуют в коллективных ритуалах и обрядах под руководством лам [4, с. 235–236; 10, с. 113]. Буддизм для них составляет неотъемлемую часть этнической культуры и наследия, а также служит своеобразным маркером коллективной идентичности.

В настоящее время российские буддологи активно изучают специфику обоих типов буддизма. Как правило, большинство из них сосредотачивается либо на анализе отдельных школ [16], либо на институциональном сравнении традиционных и «западных» буддийских организаций в России [9]. Однако в последние годы исследовательский фокус постепенно смещается в сторону цифровой среды: ученые начинают интересоваться представленностью буддийских общин в социальных медиа [19] и процес-

сами их медиатизации [18]. Следуя этому тренду, мы решили обратиться к социальной сети как ключевому источнику данных, открывающему новые возможности для сравнительного изучения двух макрогрупп – исповедующих традиционный буддизм и буддистов-конвертитов.

Методология и эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили открытые профили пользователей социальной сети «ВКонтакте», указавших в разделе «Мировоззрение» буддизм. В итоговый массив, собранный с июня по август 2025 г., вошли 135 956 пользователей, которые в целях дальнейшего сравнительного анализа были поделены на две группы. К первой мы отнесли жителей из исторически буддийских регионов России – республик Бурятия, Тыва, Калмыкия и Забайкальского края, а ко второй – пользователей из остальных субъектов РФ, где буддизм не является традиционной этнорелигиозной системой. Последних мы условно отнесли к буддистам-конвертитам.

Обращение к данным именно сети «ВКонтакте» обусловлено, с одной стороны, ее популярностью¹, а с другой – наличием у нее обширного функционала, дающего возможность пользователям указать довольно много информации о себе, включая имя, возраст, место жительства, род занятий, семейное положение и целый набор ценностных характеристик. Такое обилие личных, по сути, сведений, позволило некоторым исследователям, в частности Л. Д. Забокрицкой, Н. А. Хлебниковой, Т. А. Орешкиной, Е. И. Комоцкому, рассматривать пользовательские профили в «ВКонтакте» как социологическую анкету, заполненную неанонимными «информантами» [5, с. 153].

Другой причиной, побудившей нас обратиться к социальным медиа как источнику социологической информации, стало отсутствие сведений о генеральной совокупности российских буддистов. В настоящее время не существует официальных статистических данных об их количестве. Как правило, число буддистов в России приравнивают к численности коренных народов, проживающих на территории традиционно буддийских регионов, что некорректно, поскольку активно практикующих (т. е. выполняющих обряды и следующих религиозным принципам в повседневной жизни) буддистов среди них заведомо меньше, порядка полумиллиона [7, с. 5]. О численности же буддистов, не относящихся к этой этнорелигиозной макрогруппе, можно судить лишь очень приблизительно и исключительно на основании косвенных источников. И одним из таких источников являются социальные медиа, дающие возможность выявлять и изучать группы, которые традиционно оставались невидимыми для социологов, включая

¹ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. 2023. 10 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija?ysclid=mttqnmmo8u646405010> (дата обращения: 05.03.2026).

сообщества с разреженной географией и нестабильной организационной структурой [14, р. 11–12]. В контексте нашего исследования это особенно важно, поскольку конвертитский буддизм зачастую функционирует как сетевая инфраструктура малых сообществ, сформированных вокруг учителей, практик и переводческих проектов – т. е. в формате, который наиболее полно фиксируется именно через сетевые профили и онлайн активность [18, р. 14–15].

Вместе с тем социальные медиа хотя и не представляют собой отдельную от реальности среду [21, р. 261], как инструмент исследования общества имеют ряд ограничений. В нашем случае анализируемая совокупность пользователей-буддистов не является репрезентативным отражением ни генеральной совокупности буддистов России, ни всей совокупности буддистов, имеющих аккаунт в сети «ВКонтакте». Она, во-первых, неизбежна смещена по возрасту в сторону более молодых и активных, а во-вторых, включает лишь тех, кто имеет открытый профиль и указал «буддизм» в качестве своего мировоззрения. Как следствие, выявленные в ходе исследования различия и закономерности даже при условии соблюдения внутренней валидности будет затруднительно перенести на генеральную совокупность.

Еще одно ограничение связано с неполнотой пользовательских профилей. Указание сведений, касающихся пола, возраста и иных социально-демографических характеристик, является добровольным, поэтому часть данных может отсутствовать, и такие пропуски могут носить систематический характер. В силу данного обстоятельства представленные ниже расчеты по отдельным показателям основываются исключительно на тех профилях, в которых соответствующая информация присутствовала.

Результаты исследования

Из 135 956 пользователей-буддистов, найденных нами в сети «ВКонтакте», 23 212 проживают в Республике Бурятия, 16 424 – в Республике Тыва, 11 436 – в Калмыкии, 5 858 – в Забайкальском крае и 78 844 – в других регионах России. Эти данные свидетельствуют о том, что сетевой образ современного российского буддиста формируется не только представителями населения Бурятии, Калмыкии, Тувы и Забайкалья, но и широкой аудиторией, проживающей за пределами традиционных территорий распространения буддизма.

Гендерное соотношение. Среди пользователей из традиционно буддийских регионов соотношение полов близко к паритету, наблюдаемая численная разница невелика: в Бурятии и Забайкальском крае женщин-буддисток чуть больше, чем мужчин-буддистов, в Туве и Калмыкии, наоборот, мужчины-буддисты имеют над женщинами незначительный численный перевес; при этом максимальная разница между теми и другими не превышает 6 п. п. Иная картина складывается в среде конвертитов: там мужчин ощутимо больше, нежели женщин – без малого на 12 п.п. (рис. 1).

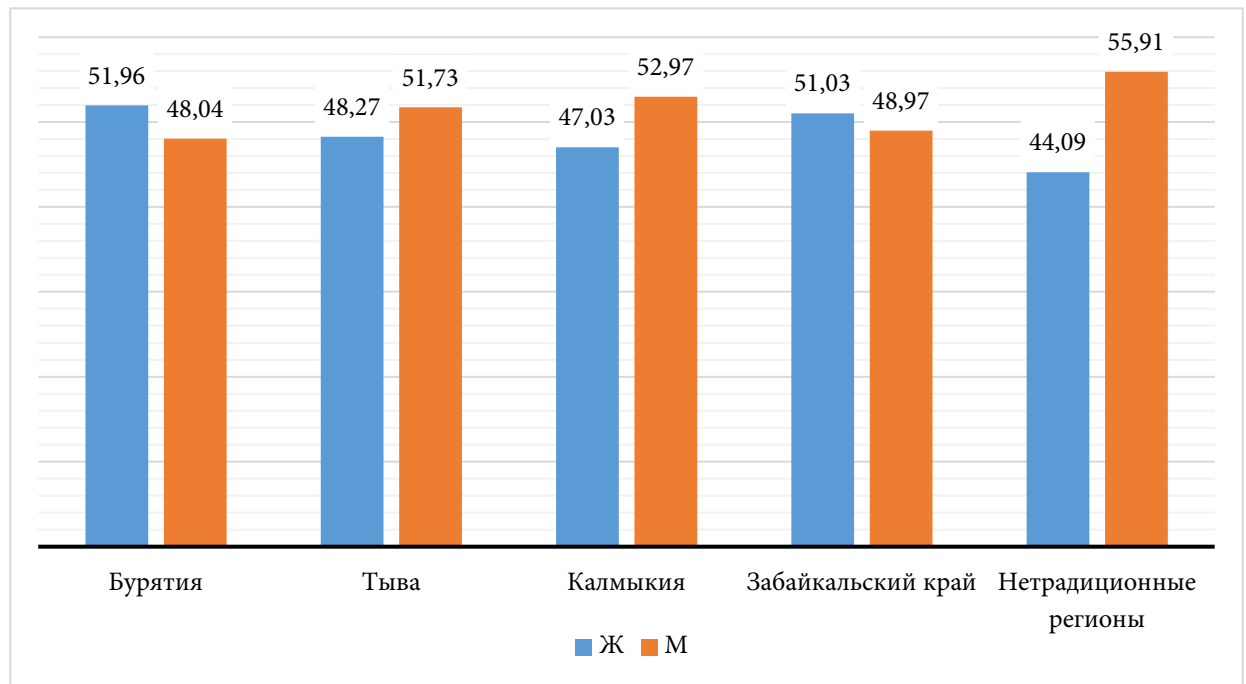

Рис. 1. Гендерная характеристика пользователей-буддистов, %

Figure 1. Gender profile of Buddhist users, %

За выявленным гендерным распределением могут стоять как демографические, так и социокультурные факторы. Во-первых, нельзя забывать о специфике женской религиозности. В России женщины обычно заметно религиознее мужчин, и их религиозность во многом обусловлена семейно, а именно: влиянием старших родственников – родителей и бабушек/дедушек [13, р. 113]. Из этого можно сделать вывод, что женщины, в отличие от мужчин, менее подвержены конверсии от своей традиционной религии.

Во-вторых, за пределами четырех традиционно буддийских регионов наибольшую популярность приобрело такое направление буддизма, как Карма Кагью («Буддизм Алмазного пути») [7, с. 5], фирменный стиль которого, по оценкам исследователей, отличается гипермаскулинностью и ориентирован в первую очередь на привлечение мужчин [22, р. 92–93].

Распределение по возрасту. В трех из четырех традиционно буддийских регионов средний возраст проживающих там сетевых буддистов укладывается в интервал 35,8–36,1 года и лишь в Тыве он существенно ниже – 32,9 года. Средний возраст сетевых конвертитов составляет 34 года (табл. 1).

Зафиксированные возрастные различия по «традиционным» регионам в целом согласуются с общей демографической ситуацией в стране с некоторой поправкой на специфику интернет-аудитории. Республика Тыва – второй после Чечни самый «молодой» субъект РФ, средний возраст жителей которого всего 30,4 года. Средний возраст населения Бурятии, Калмыкии и Забайкальского края в среднем выше, чем в Тыве, и колеблется в интервале от 36 до 39 лет¹. Если при этом учесть, что интернет-аудитория,

¹ Рассчитано авторами по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 2: Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/>

как правило, моложе населения в целом (основная масса пользователей соцсетей – это молодые люди до 35 лет), то станет понятно, почему возраст сетевых буддистов несколько ниже среднего по соответствующим регионам и почему сетевые буддисты из Тувы в среднем на несколько лет моложе своих братьев и сестер по вере из других «традиционных» регионов. Тот факт, что средний возраст тувинских сетевых буддистов превысил средний возраст населения республики, мы склонны объяснять правилами сети «ВКонтакте», разрешающими регистрироваться в ней только с 14 лет¹.

Таблица 1 (Table 1)

Средний возраст онлайн-буддистов
The average age of online Buddhists

Регионы	С учетом невозможных возрастов	Без учета невозможных возрастов ²
Республика Бурятия	37,2	36,1
Республика Тыва	34,2	32,9
Республика Калмыкия	37,2	36,2
Забайкальский край	36,5	35,8
Нетрадиционные для буддизма регионы	36,7	34

Куда более примечательным и также требующим объяснения является довольно молодой возраст сетевых буддистов из «нетрадиционных» регионов, который в среднем оказался ниже, чем в большинстве традиционно буддийских субъектах РФ при среднем возрасте в целом по стране более 40 лет. Подобное может иметь две причины. Первая – миграционный отток из традиционно буддийских регионов молодых людей 15–19 и 25–29 лет [2, с. 54–56]. Как показывают проведенные ранее исследования, покинувшая родные края буддистская молодежь старается на новом месте сохранить свою исходную религиозную идентичность [1, с. 201].

Вторая причина – религиозная конверсия в нетрадиционный для большинства россиян буддизм, которая началась относительно недавно, и потому в рядах его приверженцев довольно мало людей старшего возраста. Иными словами, вне традиционно буддийских регионов буддизм – скорее удел молодежи, тогда как в Забайкальском крае, Бурятии и двух других республиках верующие-буддисты более или менее равномерно распределены по возрастам, но люди из более старших возрастных групп в меньшем количестве представлены в социальных сетях, нежели молодое поколение до 35 лет.

[Tom2 Vozrastno polovoj sostav i sostoyanie v brake](#) (дата обращения: 25.09.2025).

¹ Правила пользования Сайтом ВКонтакте // ВКонтакте URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 25.03.2026).

² При расчете среднего возраста не учитывались пользователи социальной сети ВКонтакте указавшие, что им более 90 лет.

Структура политических предпочтений у буддистов из трех традиционно буддийских регионов – республик Калмыкия и Бурятия и Забайкальского края – оказалась в общих чертах схожей (рис. 2). В большинстве своем они склонны идентифицировать себя как сторонников либеральных взглядов – от 21,39% в Калмыкии до 23,44% в Бурятии. Второе-третье место среди них занимают носители «левых» политических убеждений, коммунистических и социалистических, на долю которых приходится соответственно 14,87–24,62 и 13,4–19,08% аудитории. К приверженцам правого спектра (консерваторам, ультраконсерваторам, монархистам) причисляют себя в общей сложности от четверти до трети сетевых буддистов из традиционно буддийских регионов. Менее всего в этой макрогруппе либертарианцев – 1–2%. По сравнению с сетевыми буддистами из Бурятии и Забайкальского края пользователи-буддисты из Калмыкии имеют больший уклон «вправо»: суммарная доля идентифицировавших себя как консерваторы, ультраконсерваторы и монархисты здесь приближается к 35%, однако данная особенность не нарушает общей закономерности.

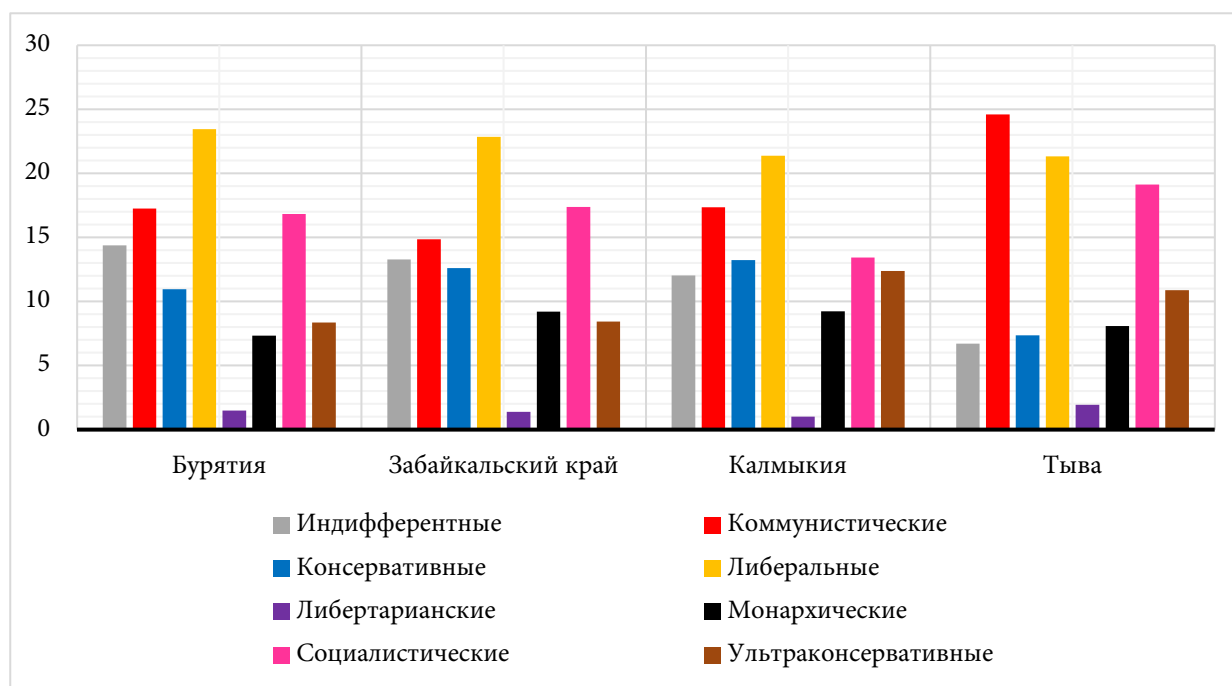

Рис. 2. Политические убеждения традиционных буддистов, %

Figure 2. Political beliefs of traditional Buddhists, %

Несколько особняком в плане политических предпочтений стоят сетевые буддисты из Тувы. Они в массе своей «левее», среди них больше, чем в других трех «традиционных» регионах, симпатизирующих коммунистическим и социалистическим взглядам – в общей сложности почти 44% – при сопоставимой доле «либералов» (21,31%) и ощутимо меньшем числе «правых» и индифферентных к политике. Последнее говорит о стремлении тувинских сетевых буддистов так или иначе обозначить свои политические убеждения.

Если же оценивать политические взгляды сетевых буддистов из традиционно буддийских регионов в общем, то они в массе своей занимают либерально-левую позицию.

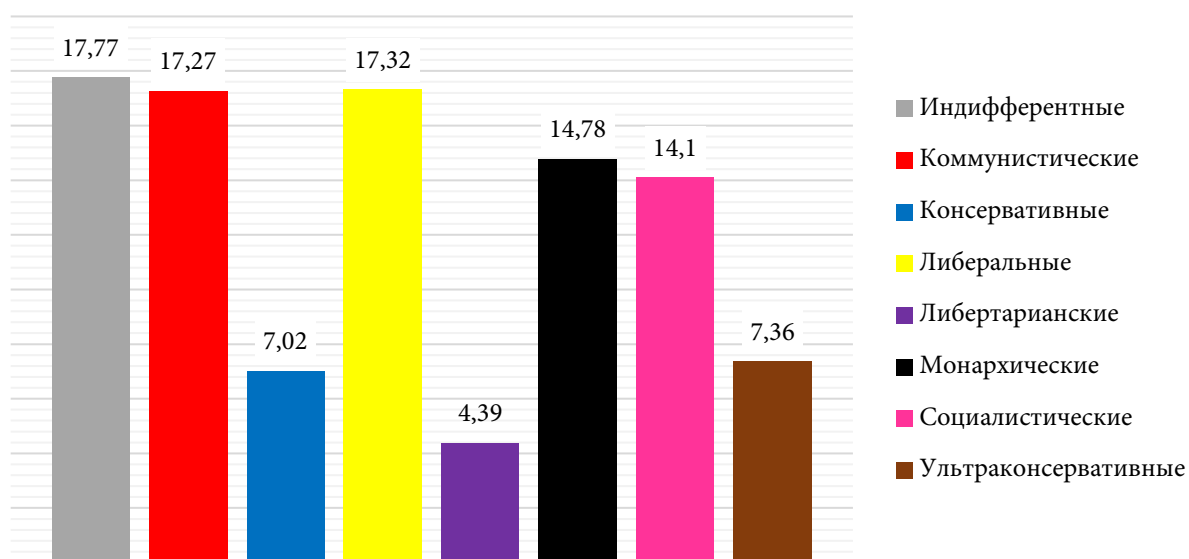

Рис. 3. Политические убеждения буддистов нетрадиционных регионов, %

Figure 3. Political beliefs of Buddhists in non-traditional regions, %

Картина политических предпочтений у конвертитов оказывается заметно иной. Прежде всего в глаза бросается ощутимо более высокая доля сторонников монархических убеждений (порядка 15%), а также значительно больший удельный вес политически индифферентных (17,77%) при явно меньшей популярности «правых» взглядов. Либеральные и коммунистические идеи в этой макрогруппе находят своих приверженцев, но не в том количестве, как среди верующих из традиционно буддийских регионов. В целом распределение политических симпатий конвертитов носит более равномерный характер, что не позволяет выделить какую-то одну главенствующую тенденцию.

Как видим, у буддистов практически из всех регионов определенной популярностью, в большей или меньшей степени, пользуются либеральные взгляды, что согласуется с результатами исследований российской молодежи [9, с. 144] и сведениями о политизированной части аудитории социальной сети «ВКонтакте»¹. На общем фоне выделяются лишь тувинские буддисты, тяготеющие скорее к левым идеям, что, возможно, объясняется низким уровнем жизни в республике², который, в свою очередь, часто бывает сопряжен с распространением среди населения коммунистических симпатий [20, р. 451–452].

Отмеченный выше незначительный «правый» уклон калмыцких буддистов может объясняться двумя взаимосвязанными причинами. Первая – негативное влияние исторической памяти, в силу которой

¹ Общая статистика вопросов и ответов приложения «Тест политических взглядов» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/app3801470> (дата обращения: 17.09.2025).

² Рейтинг регионов по доходам населения – 2025 // РИА «Рейтинг». 2025. 16 июня. URL: <https://riarating.ru/infografika/20250616/630282103.html> (дата обращения: 25.09.2025).

депортация советскими властями калмыков в 1943–1957 гг. до сих пор остается центральной и чувствительной темой региональной этнополитики [3, с. 165–166] и подпитывает неприязнь части калмыцкого общества к левым идеям. Вторая – специфическая роль буддизма в Калмыкии, который одновременно служит маркером этнической принадлежности, средством сохранения традиций и источником чувства единства [15, р. 949], что способствует большей, по сравнению с другими регионами, ориентации местных буддистов в сторону консерватизма.

Неожиданно высокая доля «монархистов» (14,78%) среди конвертитов, которая в несколько раз превышает долю «монархистов» как среди верующих из традиционно буддийских регионов, так и в целом по стране (порядка 6–8%)¹, может быть следствием их увлечения идеями дзэн-буддизма, пробудившего активный интерес к культуре Японии, в том числе политической. Другая вероятная причина – распространение в их среде тхеравадинских общин [18], чьи референтные страны Юго-Восточной Азии имеют устойчивые монархические традиции, обусловленные буддийским канонам.

Требуем пояснений и довольно высокая доля индифферентных к политике среди верующих из «нетрадиционных» регионов. Рискнем предположить, что значительная часть «новых» буддистов воспринимает учение прежде всего как духовную практику, далекую от мирских дел, к коим относится политика. Известны общины таких «новых» буддистов, которые намеренно дистанцируются от политики [24]. В традиционно буддийских регионах религия является частью социальной идентичности их жителей, что способствует формированию у «этнических» буддистов более четко выраженной идеологической ориентации. В остальных же регионах буддисты, напротив, если объединены, то в небольшие разрозненные общины, у которых гораздо меньше пространства для политической деятельности.

Семейное положение. Среди попавших в нашу выборку сетевых буддистов преобладают несостоящие в браке, что вполне ожидаемо, учитывая их относительно молодой состав (рис. 4). Из числа же тех, кто уже обзавелся собственной семьей, большая часть представляет традиционно буддийские регионы. Нарушает общую тенденцию только Калмыкия с ее довольно высокой долей неженатых мужчин. Для буддистов из «нетрадиционных» регионов оказался характерен перекося в сторону мужского одиночества, что объясняется превалированием в этой группе пользователей-мужчин.

Отдельный интерес представляют группы со статусами «все сложно» и «влюблен/влюблена». Доминирование в них конвертитов мы склонны объяснять тем, что у этой категории верующих на первый план выходит личностный духовный рост, который нередко ставится выше семейной жизни, в связи с чем новообращенные буддисты значительно реже фик-

¹ Монархия для России: сто лет спустя // ВЦИОМ. 2017. 23 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/monarkhiya-dlya-rossii-sto-let-spustya> (дата обращения: 17.09.2025).

сируют свое брачное состояние [11, с. 12]. Примечательно, что невысокая ценность семьи у них подтверждается их собственными высказываниями на личных страницах в сети «ВКонтакте».

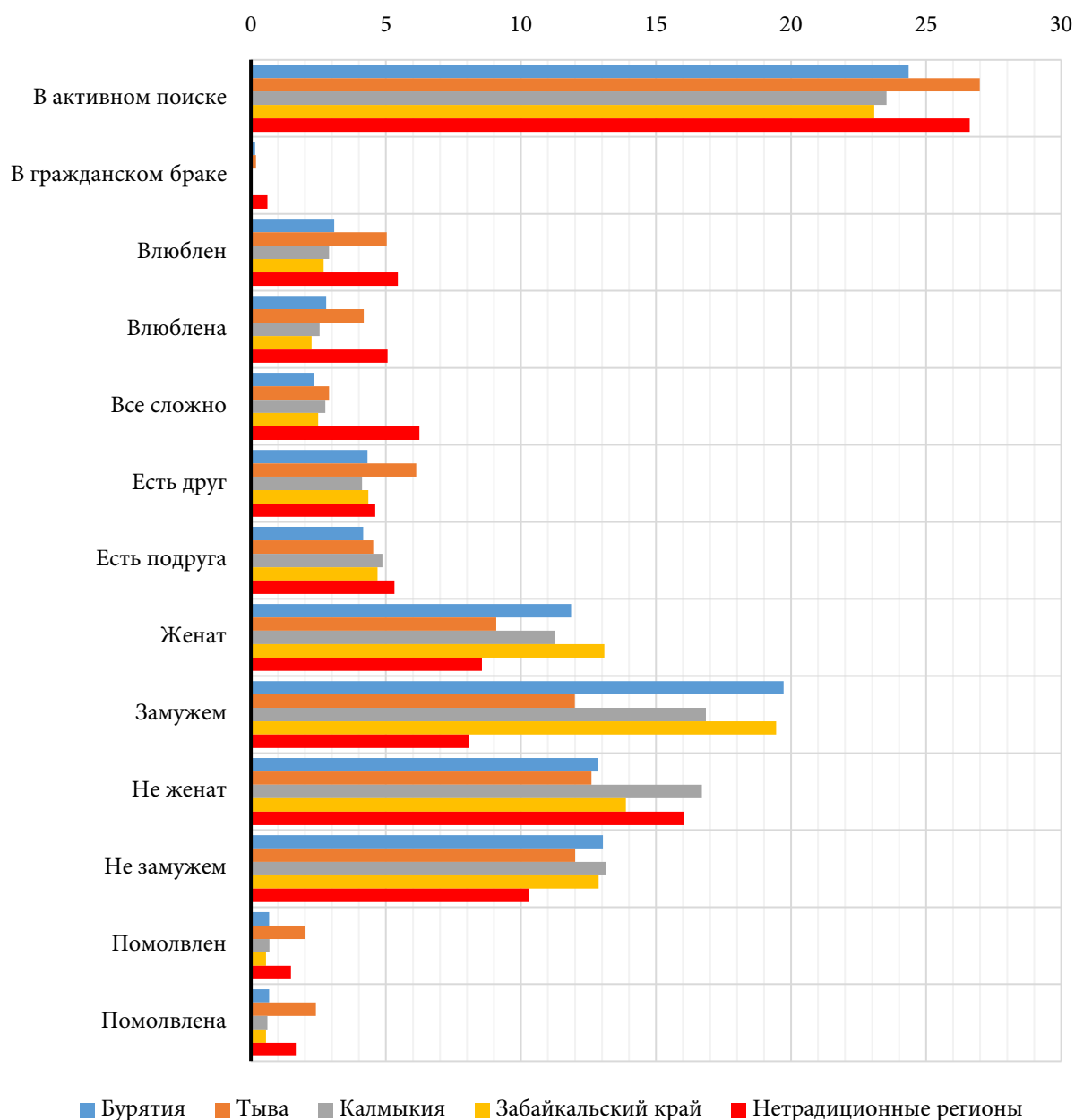

Рис. 4 Семейное положение онлайн-буддистов, %

Figure 4. Marital status of online Buddhists, %

Ценностные предпочтения. У пользователей-буддистов из традиционно буддийских регионов центральное место в системе ценностей ожидаемо занимает семья (рис. 5). Ни процессы модернизации, ни вызванные ею изменения в тех или иных конкретных аспектах семейной жизни (например, снижение значимости официального брака и замена его новыми моделями семейных союзов), не смогли лишить семью ее значения базовой, терминальной ценности для традиционного буддиста. Особенно важными остаются родительско-детские связи, через которые происходит передача

традиций и обеспечивается продолжение рода. Иными словами, в традиционных буддийских сообществах ценность семьи не ставится под сомнение, а ее создание воспринимается как естественная цель жизни [6, с. 38–40].

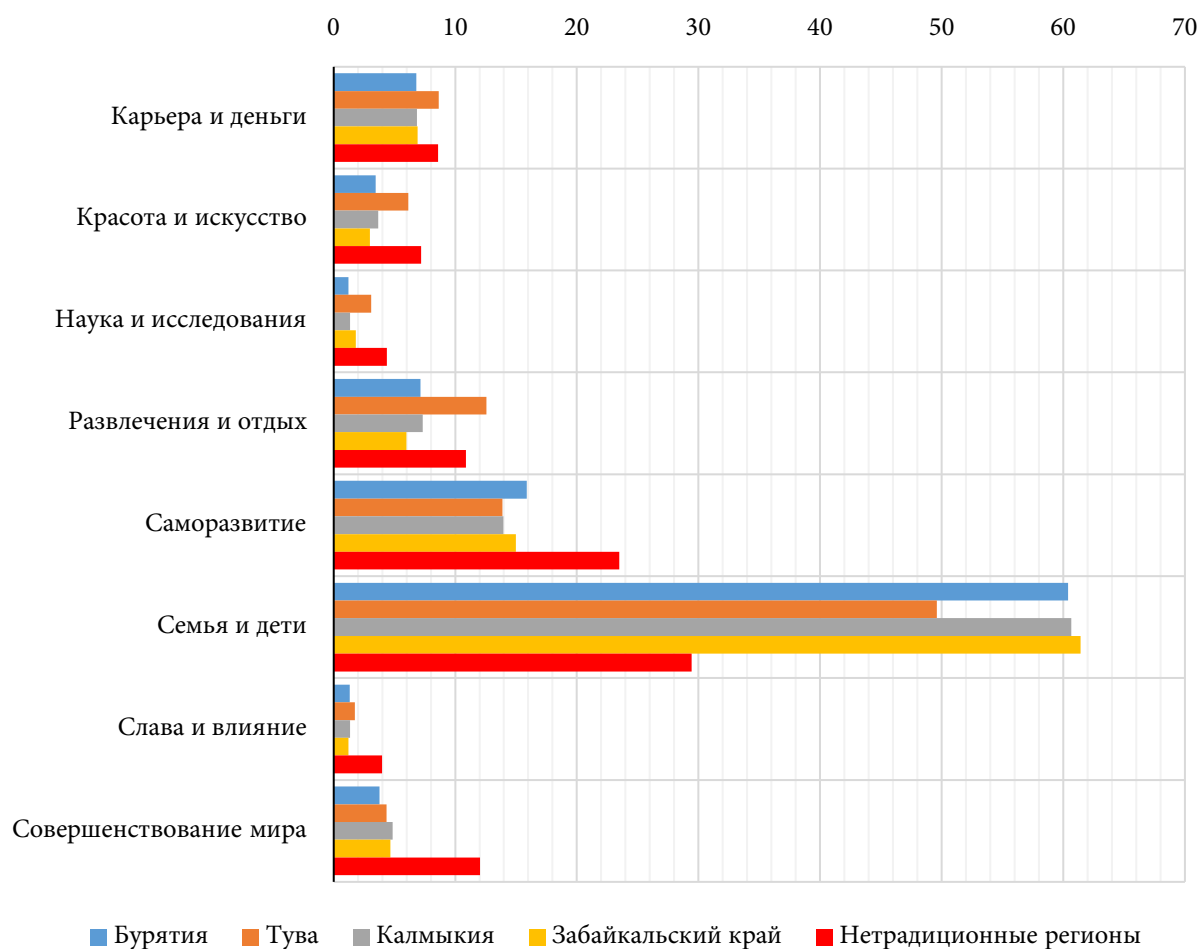

Рис. 5 Главное в жизни для современных традиционных буддистов, %

Figure 5. What matters most in life What matters most in life for modern traditional Buddhists, %

У «новых» буддистов из других регионов, как и у приверженцев конвертитско-модернистского буддизма в целом, ценностный статус семьи и брака совсем иной: они воспринимаются не как значимая сама по себе цель, а скорее, как средство, могущее способствовать личностному и духовному росту. Семья для конвертитов носит преимущественно инструментальный характер, служит средой для взаимного духовного развития на пути к просветлению [11, с. 12–13].

Меньшая выраженность у «новых» буддистов семейно-ориентированных установок компенсируется их большей ориентацией на ценности, связанные с саморазвитием и воплощением мировоззренческих идеалов. С одной стороны, такая позиция вполне в духе модернистского буддизма с его апелляцией к личному духовному росту и работе над собой, а с другой – она прекрасно отвечает запросам современных индивидуализированных личностей, стремящихся к автономии от традиционных норм [17, с. 65–66]. Для многих представителей конвертитов духовная практика

стала способом улучшить себя, обрести душевное равновесие и новый смысл жизни [16, с. 216–217]. Неудивительно, что они выдвигают саморазвитие на первое место в своей системе ценностей, в отличие от верующих из традиционно буддийских регионов, которые получили веру по «наследству», могут приобщаться к духовному началу через коллективные действия (обряды, семейные практики) и потому реже выделяют для себя личностный рост в качестве отдельной ценности.

Высокая значимость саморазвития для конвертитов дополняется гораздо более выраженным, нежели у традиционных буддистов, стремлением «совершенствовать мир», что также является следствием влияния модернистской буддийской риторики и индивидуалистического гуманизма, приобретенного в результате религиозной конверсии. Усвоение буддийской этики, ставящей во главу угла сострадание и взаимопомощь, рождает в новых последователях желание распространить обретенные ими знания и духовную гармонию на окружающих, причем вне зависимости от того, ближние это или дальние. Биографические интервью фиксируют характерный сдвиг: вчерашние индивидуалисты, сделавшись буддистами, отказываются от прежних эгоцентричных целей и вовсе стараются принести пользу другим [11, с. 22–23]. В отличие от них, традиционные буддисты, в том числе и российские, реализуют свою потребность служить обществу в другой, более узкой, семейно-общинной плоскости: заботятся о родных и близких, блюдут обязанностей перед местной общиной [17, с. 65–66].

Отношение к вредным привычкам. Буддизм традиционно рассматривает вредные привычки как то, что затрудняет поддержание ясности сознания и снижает самоконтроль, а потому призывает своих последователей воздержаться от интоксикантов. Однако полученные нами данные указывают на значительную вариативность отношений к курению и алкоголю, что, полагаем, обусловлено типом религиозной социализации и культурным контекстом (рис. 6).

Большинство пользователей из традиционно буддийских регионов занимает по отношению к вредным привычкам негативную либо резко негативную позицию, тогда как проживающие в «нетрадиционных» для буддизма регионах в целом демонстрируют более терпимое отношение к ним – компромиссное или даже положительное. Подобная картина согласуется с данными зарубежных исследований, которые тоже показывают, что «наследственные» буддисты чаще заявляют о нулевой терпимости к интоксикантам, а буддисты-конвертиты, напротив, допускают их присутствие в своей жизни при условии недопущения утраты самоконтроля [23, р. 318]. Такое расхождение во взглядах обусловлено типом религиозной социализации и плотностью общинных связей. «Наследственные» буддисты, включенные в систему формализованных семейных отношений, подвергаются гораздо более жесткому социальному контролю, нежели конвертиты, ориентированные прежде всего на собственную «осознанность» как внутренний стандарт поведения. Последнее ослабляет нормативную жесткость и делает возможными компромиссные режимы дозволенности [23, р. 326–328]. В совокупности это объяс-

няет наблюдаемое на рис. 6 расхождение между двумя макрогруппами буддистов: более строгий, общинно подкрепленный режим неприятия вредных привычек в среде верующих из традиционно буддийских регионов и более либеральный, умеренно-допускающий режим у «новых» последователей, которые усваивали учение индивидуально и вне устойчивых традиционных этнорелигиозных институтов.

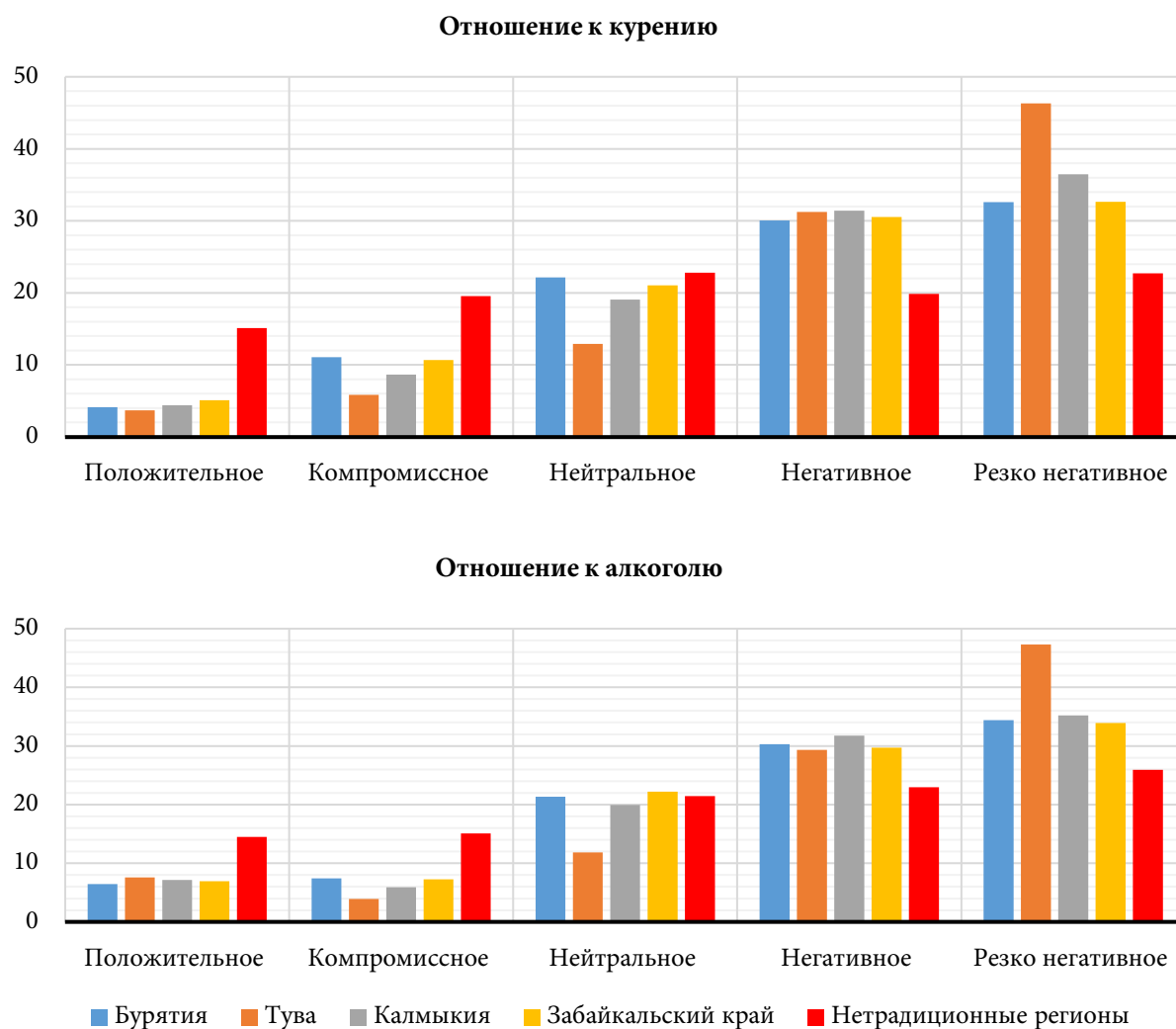

Рис. 6 Отношение к вредным привычкам, %

Figure 6. Attitudes towards harmful habits (smoking and alcohol), %

Заключение

Результаты проведенного исследования показывают, что современный российский буддизм стоит рассматривать не как нечто внутренне однородное, а как поле, где сосуществуют два качественно различных режима религиозности. Предложенная Ч. Пребишем модель «двух буддизмов» имеет в российских условиях вполне четко эмпирически фиксируемую основу. При этом речь идет не просто о двух разных типах буддийских общин, а о двух разных способах включения религии в социальную жизнь.

В одном случае буддизм укоренен в этнокультурной среде и воспроизводится через механизмы наследуемой социализации, в другом же – представляет собой результат индивидуального мировоззренческого выбора.

Буддизм в исторических регионах своего распространения сохраняет характер устойчивой этнорелигиозной традиции. В Бурятии, Туве, Калмыкии и Забайкальском крае религиозная принадлежность по-прежнему тесно связана с локальной культурой, семейной преемственностью и общинной средой. Именно этим объясняется относительная сбалансированность гендерного состава местных буддистов, их выраженная семейная ориентированность, нормативная определенность в отношении базовых жизненных установок и в целом более целостный характер само-описаний. В данном случае буддизм функционирует не только как система верований и религиозных практик, но и как форма коллективной памяти, способ символического воспроизводства этнической идентичности и механизм культурной трансмиссии. Поэтому в четырех указанных выше регионах он сохраняет черты религии, встроенной в повседневную жизнь, а не вынесенной в сферу индивидуального духовного поиска.

Иной тип религиозности обнаруживается за пределами традиционно буддийских регионов. Там буддизм чаще оказывается результатом индивидуального мировоззренческого выбора, не опирающегося на этническое наследие, и потому не требует глубокой включенности в локальные религиозные институты. Для этой среды характерны более молодой возраст, преобладание мужчин, меньшая выраженность брачно-семейной укорененности, более вариативные политические самоописания и повышенная значимость ценностей саморазвития, личностной трансформации и «совершенствования мира». Такой буддизм, лишенный исторического этнорелигиозного ядра, выполняет иную социальную функцию, нежели в регионах своего традиционного распространения: он становится не столько маркером коллективной идентичности, сколько инструментом самоконструирования, поиска смысла и выстраивания собственной жизненной траектории.

Учитывая все вышесказанное, можно заключить, что концепция «двух буддизмов» в применении к России оказывается не просто внешней схемой, механически перенесенной из западной исследовательской литературы, а продуктивной объяснительной моделью, позволяющей описать реальные процессы расслоения, трансформации и одновременного расширения буддийского присутствия на территории современной России.

В то же время необходимо помнить, что данные, почерпнутые из социальных сетей, не могут рассматриваться как исчерпывающее описание современного российского буддизма, поскольку являются в первую очередь цифровыми самопрезентациями пользователей.

Выявленные в ходе анализа различия между «двумя буддизмами» позволяют сформулировать ряд исследовательских гипотез и определить направления дальнейшей их проверки с использованием количественных и качественных методов. Перспективным представляется проведение сравнительного опроса буддистов, проживающих в традиционно буддийских регионах, и членов конвертитских буддийских сообществ из крупных

российских городов. Такой опрос позволил бы уточнить социально-демографические характеристики двух макрогрупп, способы их религиозной социализации, интенсивность и формы практики, значение для них этнической и религиозной идентичности. Количественные данные целесообразно было бы дополнить глубинными интервью с мирянами, ламами и руководителями буддийских центров, а также наблюдением в дацанах, хурулах, дхарма-центрах и медитационных группах. Сопоставление данных из сетевых профилей с результатами офлайн-исследований позволит точнее очертить границы и понять взаимосвязь этнорелигиозных, конвертитских, традиционалистских и модернистских форм буддизма в современной России.

Библиографический список

1. Бадмаева Н. В., Натсак О. Д. Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 186–205. DOI: 10.25178/nit.2021.4.14; EDN: EIFLCF.
2. Бюраева Ю. Г. Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001-4; EDN: GQSHLG.
3. Денисова Г. С., Чернобровкина Н. И. Экспертная оценка этнополитической ситуации в Калмыкии: интерпретация в контексте теории справедливости // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 6. С. 158–170. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.13; EDN: EWVDRX.
4. Жамсуева Д. С. Культовая система храмовых комплексов бурятских дацанов (история и современность) // Вестник ИрГТУ. 2015. № 1(96). С. 233–236.
5. Забокрицкая Л. Д., Хлебников Н. А. и др. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2(156). С. 148–167. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.692; EDN: FFNHNH.
6. Затеева Н. А., Татарова С. П., Эрхемтогс Ж. Семья в структуре ценностей современных бурят и монголов // Межэтнические отношения и процессы в современном мире / Науч. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: БГУ им. Д. Банзарова, 2019. С. 34–41. EDN: RSYDX.
7. Монгуш М. В. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. 2016. № 1(29). С. 5–19. EDN: VMDBBL.
8. Островская Е. А. Социологическое изучение религиозных неправительственных гражданских организаций РФ и РК: к постановке проблемы // Пятые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга / Науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. СПб.: Изд. А. Голода, 2012. С. 144–159.

9. Попова О. В., Гришин Н. В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. 2023. № 2. С. 140–162. DOI: 10.31249/poln/2023.02.06; EDN: JRQNKМ.
10. Уланов М. С. Феномен религиозной идентичности калмыцкого этноса // Международный журнал исследований культуры. 2024. № 3(56). С. 113–127. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_113; EDN: BKZDLJ.
11. Ярошенко С., Исаева В., Дивисенко К. Семья и партнерство на пути к «постоянному счастью»: трансформация гендерной идеологии в процессе религиозной конверсии в западный буддизм в России // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2022. Т. 14. № 1. С. 4–29. DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-1-4-29; EDN: QYXGKI.
12. Baumann M. Global Buddhism: Developmental Periods, Regional Histories, and a New Analytical Perspective // Journal of Global Buddhism. 2001. Vol. 2. P. 1–43. DOI: 10.5281/zenodo.1310640.
13. Bryukhanov M., Fedotenkov I. Gender differences in religiosity: a report on Russian data // Journal of Gender Studies. 2023. Vol. 32. No. 2. P. 107–123. DOI: 10.1080/09589236.2021.1962702.
14. Goldsmith L. P., Rowland-Pomp M. et al. Use of social media platforms by migrant and ethnic minority populations during the COVID-19 pandemic: a systematic review // BMJ Open. 2022. Vol. 12. No. 11. P. 1–14. DOI: 10.1136/bmjopen-2022-061896.
15. Holland E. C. Competing interpretations of Buddhism's revival in the Russian Republic of Kalmykia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. No. 6. P. 948–969. DOI: 10.1080/09668136.2015.1054259.
16. Isaeva V. B. Western Buddhism in the Local Context of the Russian Federation: The Case of the Russian Association of Diamond Way Buddhists of the Karma Kagyu Tradition // Journal of Buddhist Ethics. 2019. Vol. 26. P. 201–238.
17. Numrich P. D. Two Buddhisms further considered // Contemporary Buddhism. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 55–78. DOI: 10.1080/1463994032000140185.
18. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha // Religions. 2021. Vol. 12. No. 6. P. 1–19. DOI: 10.3390/rel12060449.
19. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. Monks, Blogs and Three Media Cases: Russian-Speaking Buddhist Communities in the Era of Social Media // Religions. 2024. Vol. 15. No. 10. P. 1–23. DOI: 10.3390/rel15101186.
20. Ramaekers M., Karremans T. et al. Social class, economic and political grievances and radical left voting: The role of macroeconomic performance // European Societies. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 444–467. DOI: 10.1080/14616696.2022.2127829.
21. Rogers R. Doing Digital Methods. London: SAGE Publications Ltd, 2019. 328 p.

22. Scherer B. Macho Buddhism: Gender and Sexualities in the Diamond Way // Religion and Gender. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 85–103. DOI: 10.18352/rg.17.

23. Thanissaro N. Internal diversity in Buddhism: comparing the values of Buddhist teens raised by heritage and convert parents // Journal of Contemporary Religion. 2014. Vol. 29. No. 2. P. 315–330. DOI: 10.1080/13537903.2014.903668.

24. The Karmapa controversy: a compilation of information, 2002. URL: <http://karmapa.controverse.free.fr/VA/VA-CONTROVERSE.PDF> (дата обращения: 17.09.2025).

Получено редакцией: 06.09.2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Цэцэнбилэг Цэвэний, Ph.D. социологии, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела социологии; доцент Института иностранных языков

Цыденов Александр Баторович, научный сотрудник центра социально-политических исследований «Альтернатива»; младший научный сотрудник

Родионов Владимир Александрович, доктор политических наук, доцент, директор Восточного института

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.11

«Two Buddhisms» on the VKontakte social network: religious conversion and ethno-religious tradition¹

Tsetsenbileg Tseveenii

Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Science, Ulaanbaatar, Mongolia; RUDN University, Moscow, Russia

tsetsenbilegts@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5987-9310

Alexander B. Tsydenov

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia

tsydenovab@bsu.ru

ORCID: 0000-0002-6959-9619

Vladimir A. Rodionov

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia

rodionovva@bsu.ru

ORCID: 0000-0001-8813-1862

For citation: Tsetsenbileg Ts., Tsydenov A. B., Rodionov V. A. «Two Buddhisms» on the VKontakte Social Network: Religious Conversion and Ethno-Religious Tradition. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 195–214. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.11; EDN: EVCLFX.

Abstract. This article presents the results of a study of contemporary Buddhist communities in Russia through the conceptual framework of the “two Buddhisms” dichotomy. The empirical basis of the study consists of a large-scale analysis of digital traces, namely publicly available attributes of user profiles on the VKontakte social networking

¹ The research is funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-48-03022.

platform. This approach makes it possible to partially compensate for the lack of official statistical data and to obtain a substantial body of self-descriptions produced by users who identify themselves as Buddhists. The study focuses on an in-depth comparison of two macro-groups: Buddhists residing in historically Buddhist ethnoreligious regions—the Republics of Buryatia, Tuva, and Kalmykia, as well as Zabaykalsky Krai—and converts living predominantly in large cities outside the historical areas of Buddhism in Russia.

A comprehensive analysis of digital profiles reveals substantial and systematic differences between these groups in their sociodemographic, political, and value orientations. Traditional (ethnoreligious) Buddhism functions primarily as a mechanism for reproducing collective ethnonational identity, relying on intergenerational religious socialization and locally embedded institutional structures. This group is characterized by a relatively balanced gender composition, a more even age distribution, and a high degree of family embeddedness. In terms of values, it demonstrates a strong orientation toward family, communal continuity, and social regulation, including a pronounced rejection of harmful habits.

Modernist convert Buddhism, by contrast, emerges predominantly as a result of conscious individual choice. It is sustained through horizontal social networks and is approached by its adherents as an individual project of self-development. Converts are characterized by a more abstract aspiration toward “improving the world,” a lower proportion of married individuals, and a more flexible ethical orientation based on personal awareness. Their demographic profile also differs markedly: men are substantially overrepresented, while the average age is lower. Politically, urban converts demonstrate a greater tendency to change ideological self-identifications, display political indifference, and, in some cases, express specific monarchist sympathies.

The study demonstrates that the concept of “two Buddhisms” provides a productive explanatory framework for the analysis of contemporary Buddhism in Russia. It enables a systematic description and interpretation of processes of sociocultural transformation, internal differentiation, and the geographical expansion of Buddhist presence in the country.

Keywords: ethnic Buddhism, convert Buddhism, traditional Buddhist regions, social media, demographic profile, value orientations

References

1. Badmaeva N. V., Natsak O. D. Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2021: 4: 186–205 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2021.4.14; EDN: EIFLCF.
2. Byuraeva Yu. G. Youth migration in the Republic of Buryatia: trends and causes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 10: 52–62 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250010001-4; EDN: GQSHLG.
3. Denisova G. S., Chernobrovkina N. I. Expert assessment of the ethnopolitical situation in Kalmykia: interpretation in the context of the theory of justice. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2020: 9(6): 158–170 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.13; EDN: EWVDRX.
4. Zhamsueva D. S. Cult system of Buryat datsan temples (past and present). *Vestnik IrGTU*, 2015: 1(96): 233–236 (in Russ.).
5. Zabokritskaya L. D., Khlebnikov N. A. et al. Possibilities to study youth values through Vkontakte social network accounts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020: 2(156): 148–167 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.692; EDN: FFNHNH.
6. Zateeva N. A., Tatarova S. P., Erkhemtogs Zh. Family in the structure of values of modern Buryats and Mongols. In *Interethnic relations and processes in the modern world*. Ed. by M. V. Badmaeva. Ulan-Ude, BGU im. D. Banzarova, 2019: 34–41 (in Russ.). EDN: RSYDX.
7. Mongush M. V. Traditional and Western Buddhism in modern Russia: the experience of comparative analysis. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2016: 1(29): 5–19 (in Russ.). EDN: VMDBBL.
8. Ostrovskaya E. A. Sociological study of religious non-governmental civil organizations of the Russian Federation and the Republic of Korea: problem statement. In *Fifth Oriental Studies Readings in memory of O. O. Rosenberg*. Sci. ed. by M. I. Vorob'eva-Desyatovskaya. St. Petersburg, Izd-vo A. Goloda, 2012: 144–159 (in Russ.).
9. Popova O. V., Grishin N. V. Political identity of Russian youth in self-assessments and expert assessments. *Politicheskaya nauka*, 2023: 2: 140–162 (in Russ.). DOI: 10.31249/poln/2023.02.06; EDN: JRQNM.

10. Ulanov M. S. The phenomenon of religious identity of the Kalmyk ethnos. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury*, 2024: 3(56): 113–127 (in Russ.). DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_113; EDN: BKZDLJ.
11. Yaroshenko S., Isaeva V., Divisenko K. Family and Partnership on the Way to “Constant Happiness”: Transformation of Gender Ideology in the Process of Religious Conversion to Western Buddhism in Russia. *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy*, 2022: 1: 4–29 (in Russ.). DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-1-4-29; EDN: QYXGKI.
12. Baumann M. Global Buddhism: Developmental Periods, Regional Histories, and a New Analytical Perspective. *Journal of Global Buddhism*, 2001: 2: 1–43. DOI: 10.5281/zenodo.1310640.
13. Bryukhanov M., Fedotenkov I. Gender differences in religiosity: a report on Russian data. *Journal of Gender Studies*, 2023: 32(2): 107–123. DOI: 10.1080/09589236.2021.1962702.
14. Goldsmith L. P., Rowland-Pomp M. et al. Use of social media platforms by migrant and ethnic minority populations during the COVID-19 pandemic: a systematic review. *BMJ Open*, 2022: 12(11): 1–14. DOI: 10.1136/bmjopen-2022-061896.
15. Holland E. C. Competing interpretations of Buddhism’s revival in the Russian Republic of Kalmykia. *Europe-Asia Studies*, 2015: 67(6): 948–969. DOI: 10.1080/09668136.2015.1054259.
16. Isaeva V. B. Western Buddhism in the Local Context of the Russian Federation: The Case of the Russian Association of Diamond Way Buddhists of the Karma Kagyu Tradition. *Journal of Buddhist Ethics*, 2019: 26: 201–238.
17. Numrich P. D. Two Buddhisms further considered. *Contemporary Buddhism*, 2003: 4(1): 55–78. DOI: 10.1080/1463994032000140185.
18. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-speaking digital Buddhism: neither cyber, nor sangha. *Religions*, 2021: 12(6): 1–19. DOI: 10.3390/rel12060449.
19. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. Monks, Blogs and Three Media Cases: Russian-Speaking Buddhist Communities in the Era of Social Media. *Religions*, 2024: 15(10): 1–23. DOI: 10.3390/rel15101186.
20. Ramaekers M., Karremans T. et al. Social class, economic and political grievances and radical left voting: the role of macroeconomic performance. *European Societies*, 2023: 25(3): 444–467. DOI: 10.1080/14616696.2022.2127829.
21. Rogers R. *Doing Digital Methods*. London, SAGE Publications Ltd, 2019: 328.
22. Scherer B. Macho Buddhism: Gender and Sexualities in the Diamond Way. *Religion and Gender*, 2011: 1(1): 85–103. DOI: 10.18352/rg.17.
23. Thanissaro N. Internal diversity in Buddhism: comparing the values of Buddhist teens raised by heritage and convert parents. *Journal of Contemporary Religion*, 2014: 29(2): 315–330. DOI: 10.1080/13537903.2014.903668.
24. The Karmapa controversy: a compilation of information, 2002. Accessed 17.09.2025. URL: <http://karmapa.controverse.free.fr/VA/VA-CONTROVERSE.PDF>.

The article was submitted on: 6 September, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsetsenbileg Tseveenii, PhD in Sociology, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Sociology; Associate Professor, Institute of Foreign Languages

Alexander B. Tsydenov, Research Fellow at the Center for Socio-Political Studies “Alternativa”; Junior Researcher

Vladimir A. Rodionov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Oriental Studies

ВЕСТНИК *Института* **Социологии**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:
Ольга Владимировна Аксенова

Заместитель главного редактора:
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, Белый список – уровень 1,
индексируется RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2026. Том 17. № 3. Дата выхода в свет 30.09.2026.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>